

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1978

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ: «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ЭКОНОМИКА — САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ПОЛИТИКА

С заместителем председателя Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР, доктором экономических наук Лилией Иосифовной ГРАМОТЕЕВОЙ беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ.

— Одна из главных задач, поставленных XXV съездом КПСС на десятую пятилетку, — развитие существующих и формирование новых территориально-производственных комплексов и промышленных узлов. Предусмотренное этой программой строительство столь грандиозно, что невольно возникает вопрос: почему именно этот метод — формирование мощных ТПК — избран стратегическим направлением дальнейшего развития народного хозяйства, какие преимущества дает он, что показал опыт предыдущих лет в этом плане? Поэтому, Лилия Иосифовна, вы, наверное, согласитесь, что, прежде чем говорить о дне завтрашнем, следует оглянуться несколько назад, в предысторию нынешних и будущих ТПК. С чего она начиналась?

— Первый опыт такого рода — строительство знаменитого Урало-Кузнецкого комбината. Идея его принадлежит Владимиру Ильичу Ленину: в апреле 1918 года он выдвинул предложение соединить железные руды Урала с коксующимися углями Кузбасса и создать на их основе комбинат. Осуществление этого плана стало целостной региональной программой освоения восточных районов страны, включившей формирование двух крупнейших ТПК — Магнитогорского и Кузнецкого. Причем программа эта не ограничилась развитием только черной металлургии и угольной промышленности.

Вспомним, как происходили рождение и рост города Новокузнецка. Сначала строится крупнейший металлургический комбинат и рядом — шахты по добыче коксующихся и энергетических углей, электростанция для снабжения энергией промышленных предприятий. Возникает коксохимия и на ее основе хими-

ческая промышленность. Для строящихся в этом районе городов создается стройиндустрия. Чтобы условия жизни в этих городах были нормальными, развивается пригородная сельскохозяйственная зона и легкая промышленность. Одновременно наращивается и научно-образовательный потенциал. Вместе с Кузнецким металлургическим комбинатом основывается знаменитый Сибирский металлургический институт, который готовит кадры для развертывающегося производства. Идет крупное железнодорожное строительство.

Потом, когда комбинат вступил в строй и начал давать металл, в этом районе сразу резко возросла железнодорожная сеть, так как КМК в большом количестве катал рельсы. На основе кузнецкого металла возникает и бурно развивается машиностроение. Образовался целостный производственный комплекс — Кузбасс. Сейчас центр бассейна Новокузнецк — город почти с шестьюстами тысячами жителей, и какой там только нет промышленности!

Этот опыт большой концентрации средств и комплексного развития на основе полного использования ресурсов показал высокую эффективность подобного способа освоения природных богатств, и прежде всего в новых, малообжитых районах. Не случайно в начале 30-х годов Академия наук СССР и «Гидропроект» создали знаменитое «Бюро Ангары», которое должно было разработать вторую крупную программу освоения Сибири — проект Ангаро-Енисейского энергопромышленного комплекса. Тут уж речь шла о районе, где можно было построить крупнейшие гидроэлектростанции, а потому новый ТПК имел совсем иную, в сравнении с Кузнецким, направленность и, естественно, наполнение.

«Бюро Ангары» не только успело тщательно разработать этот грандиозный проект — весь материал был обобщен в 28 томах, но и успешно защитил его в правительственной экспертизе. Авторы этого проекта — и прежде всего известный советский экономико-географ профессор Николай Николаевич Колосовский — опубликовали ряд теоретических работ, где очень подробно обосновывали необходимость, как они называли, территориального комбинирования при освоении новых районов.

Война помешала осуществить этот план. И лишь много лет спустя мы смогли вновь вернуться к идее строительства ГЭС на Ангаре и Енисее и

созданию на их основе территориально-производственных комплексов, вернуться, разумеется, на новой экономической базе.

Если помните, сначала построили Иркутскую ГЭС, и возник Иркутско-Черемховский ТПК. Затем Центрально-Красноярский комплекс, позже — жемчужина системы наших Ангаро-Енисейских ТПК — Братско-Илимский. Сейчас пришла очередь Саянского, который создается на юге Красноярского края. В десятой пятилетке приступили к формированию Нижне-Ангарского. Его первенец — Богучанская ГЭС...

Так что территориально-производственные комплексы — форма не такая новая, как это порой кажется, их эффективность давно доказана жизнью. И вполне естественно, что с годами она занимает все большее место в наших народнохозяйственных планах. Обратимся к заданиям, которые поставил на девятую пятилетку XXIV съезд КПСС. Намечалось приступить к созданию промышленного комплекса на базе Курской магнитной аномалии, обеспечить дальнейшее развитие Братского и продолжить работы по формированию Южно-Таджикского ТПК. В Западной Сибири планировалось создать крупнейшую в стране базу нефтяной промышленности и в Оренбургской области — крупный район по добыче и переработке газа.

А когда эти задания были выполнены, XXV съезд партии наметил наряду с завершением Братско-Илимского ТПК, дальнейшего формирования комплекса КМА, Оренбургского, Западно-Сибирского, Саянского, Южно-Таджикского развернуть создание новых: Южно-Якутского и Тимано-Печорского.

Обратите внимание: изменилась не только количественная, но и качественная сторона дела. Сейчас мы переходим к формированию целых систем территориально-производственных комплексов, что позволит подходить к развитию каждого ТПК с позиций системы в целом. Это шаг вперед по сравнению с опытом прежних лет. Это новшество обещает дать народному хозяйству страны, помимо экономических выгод от комплексности, дополнительные преимущества от эффективных хозяйственных связей между ТПК.

— Что же дает комплексный характер освоения природных ресурсов? Можно его эффективность выразить конкретными цифрами?

«Экономика — самая интересная политика» — подчеркивал Владимир Ильич Ленин еще в первые годы строительства социализма.

Борьба за эффективность общественного производства, за высокое качество работы во всех областях и на всех участках народного хозяйства поставлена сегодня в центр всей экономической политики партии.

В этом номере «Смена» открывает новую рубрику «Беседы об экономике». На страницах нашего журнала читатели встретятся с известными учеными, экономистами, партийными и государственными деятелями, руководителями министерств и ведомств, директорами важнейших промышленных предприятий. Тему нашей первой беседы мы тоже выбрали не случайно. Крупнейшие предприятия, входящие в состав новых территориально-производственных комплексов, — это, как правило, комсомольские стройки. Именно молодежь составляет и большинство строителей, возводящих новые предприятия, и большинство рабочих, осваивающих новые производственные мощности.

Редакция надеется услышать ваше мнение в новой рубрике журнала, узнать, с кем бы вы хотели встретиться на наших страницах, какие вопросы экономики волнуют вас больше всего. Ждем ваших писем.

— Такой подсчет лучше всего вести в сравнении. Чтобы яснее выглядели преимущества ТПК, нужно противопоставить им метод освоения природных богатств отдельными, независимыми друг от друга предприятиями.

— Что же мы выигрываем при комплексном подходе?

Во-первых, более полно используем сырье, потому что цепочка промышленных предприятий, входящих в ТПК, увязана между собой таким образом, что продукция (или даже отходы) одного становятся сырьем для другого. Отсюда — более глубокая переработка природных богатств.

Во-вторых, когда в одном месте строятся несколько взаимосвязанных предприятий, для всех их, а не для каждого по отдельности создаются единые транспортные пути, инженерные коммуникации, сети тепло- и электроснабжения, общие ТЭЦ, ГРЭС, причалы, единая производственная и социальная инфраструктура. Все это дает примерно 15—20 процентов экономии от общей суммы капитальных вложений.

В-третьих, большой промышленный центр с несколькими мощными предприятиями — это обязательно крупный город со своими институтами, техникумами, театрами, дворцами культуры, стадионами, развитой сферой обслуживания и системой городского транспорта. Благодаря концентрации разнообразных отраслей здесь более полная сбалансированная занятость населения, когда работу могут найти и «вторые члены семьи».

В том, что последнее обстоятельство имеет немаловажное значение, не раз приходилось убеждаться на примере небольших городков, куда неожиданно «сажалось» крупное предприятие с «женским» или «мужским» профилем: текстильный комбинат, например, или металлургический завод. Перекося в занятости населения приводил к различным негативным последствиям, и в первую очередь к текучести рабочей силы. И тем более убедительными становятся преимущества крупного центра с хорошо сбалансированной промышленностью и социальной инфраструктурой. Тут есть где работать, учиться, отдыхать, расти и воспитывать молодое поколение.

Возьмем для примера город Братск, население которого уже достигло двухсот тысяч и будет еще расти. Если бы

ограничиться строительством только Братской ГЭС, ни о каком городе нельзя было бы и говорить — несколько домов и все, так как гидроэлектростанция обслуживает менее ста человек.

Но энергия ГЭС «притянула» сюда крупнейший алюминиевый завод, крупнейший лесопромышленный комплекс, мощную стройбазу — все это позволило создать большой город с благоприятными условиями жизни для людей.

Так что эффективность комплексного решения в сравнении с раздробленным размещением производств разнообразна. Какие-то ее стороны можно просчитать, выразить в конкретных суммах капиталовложений, какие-то — строгому подсчету не поддаются, хотя их преимущества очевидны.

— Братск стал одним из символов героических трудовых дел молодежи, таких, как ДнепрогЭС, Магнитка, Комсомольск-на-Амуре. На здании Братской ГЭС — комсомольский значок.

— Шефство комсомола над крупнейшими новостройками страны — прекрасная традиция. Только в Усть-Илимске, например, три Всесоюзных ударных стройки: гидроэлектростанция, лесохимический комплекс, сам город. При активном участии комсомола создавались крупнейшие территориально-производственные комплексы Западной и Восточной Сибири. И сейчас комсомол в первых рядах строителей Саянского, Южно-Якутского, Тимано-Печорского и других ТПК. На карте Всесоюзных ударных строек комсомольские значки разбросаны от Прибалтики до Тихого океана. И каждый значок показывает, что в этом месте будет построена электростанция, промышленное предприятие, освоено месторождение, которые станут стержнем нового ТПК.

— Что дает толчок к формированию новых комплексов?

— Наличие каких-то природных ресурсов и потребность страны в них. Так что каждый раз на первое место ставятся интересы народного хозяйства. При этом учитывается целый ряд привходящих обстоятельств, которые способствуют или, напротив, мешают разработке богатств.

Например, формирование ТПК на базе Курской магнитной аномалии определили богатейшие залежи железных руд в этом районе. Вместе с тем учитывалось, что расположен бассейн в благоприятной природно-климатической зоне, с удобным экономико-географическим положением, густой сетью железных и автомобильных дорог, высокой освоенностью территории, развитым сельскохозяйственным производством. Все это создавало хорошие условия для формирования в этом районе новой базы черной металлургии, главным предприятием которой станет Оскольский электрометаллургический комбинат.

Основа Тимано-Печорского ТПК — запасы нефти и газа. В десятой пятилетке здесь намечается довести добычу нефти примерно до 25 миллионов тонн и газа — до 22 миллиардов кубометров. Вместе с тем будут развиваться и отрасли промышленности, использующие иные виды природных ресурсов этого региона, в частности его лесные богатства. При этом учтено, что этот комплекс находится в европейской части страны, относительно недалеко от сложившихся промышленных центров.

Система Ангаро-Енисейских ТПК формируется на базе богатейших топливно-энергетических, минерально-сырьевых и лесных ресурсов Красноярского края, Иркутской области и Тувинской АССР. Программа полного и всестороннего использования природных богатств этого района — одна из самых крупных и долгосрочных. Имея 15 процентов общесоюзной территории и лишь 2,2 процента населения, этот край располагает половиной общесоюзных запасов угля,

почти третьей частью древесины, четвертой — ресурсов гидроэнергии, крупнейшими месторождениями многих полезных ископаемых. Характерной особенностью большинства здешних ресурсов является высокая эффективность их освоения. Электроэнергия ангарских и енисейских ГЭС — самая дешевая в мире. Залежи канско-ачинских углей столь мощны и находятся так близко к поверхности, что здесь планируется строительство ряда уникальных высокопроизводительных угольных разрезов. Высокая обеспеченность дешевой энергией в сочетании с другими ресурсами позволяет развивать в этом регионе энергоемкие отрасли и формировать здесь целый ряд производственных комплексов с самым разным наполнением.

Однако сразу же возникают сложности. Мощные гидроэлектростанции дают дешевую электроэнергию, но их строительство требует огромных материальных затрат и растягивается на долгие годы, в течение которых вложенные средства остаются «мертвым капиталом». И для того, чтобы народное хозяйство получило запланированный экономический эффект через несколько лет, мы должны сегодня изыскать средства для капиталовложений в гидроэнергетику. Между прочим, очередность, постепенность, которые соблюдаются при формировании ТПК, объясняются той же причиной: на все сразу у страны не хватит материальных ресурсов. Предпочтение отдается тем, которые быстрее начнут «возвращать долг», чья продукция более необходима народному хозяйству.

— Когда мы говорили о территориально-производственном комплексе, то имели в виду агломерацию предприятий самого различного направления: энергетические мощности, тяжелую индустрию, легкую промышленность, пищевую, местную. Каждая из отраслей отличается друг от друга, помимо всего прочего, еще и сроками, необходимыми для ее создания. Например, на строительство гидроэлектростанции времени уходит больше, чем на текстильную фабрику. Но именно от электроэнергии зависит ввод в строй других производств, и текстильной фабрики в том числе. Значит, в какие-то периоды неизбежны диспропорции, — вместо гармоничного сочетания добывающих и обрабатывающих отраслей, предприятий «мужского» и «женского» профилей и так далее.

Есть и еще одно «но». Планируя ТПК, мы исходим из знаний региона, которыми мы владеем на сегодняшний день. А создание ТПК — дело долгое, и может случиться, что в процессе его формирования откроются новые обстоятельства. Предположим, что какой-то ТПК был сориентирован на черную металлургию. А когда он сформировался, рядом нашли крупные месторождения цветных металлов или, скажем, нефти, которые заставят менять профиль комплекса. Не приведет ли такая «промашка» со специализацией к непроизводительным расходам?

— Конечно, создание ТПК не простое дело, так как высокая концентрация и агломерация промышленного производства требуют всестороннего, глубокого анализа и обоснованных решений. При их реализации неизбежны частичные диспропорции. Нельзя, например, одновременно вести строительство ГЭС, ЛЭП, алюминиевого завода, железной дороги, горно-обогатительного комбината, лесопромышленного комплекса, аэропортов: не хватит строителей. Однако если всю эту долговременную программу осуществлять продуманно и планомерно, то очень скоро диспропорции сглаживаются, а полученный эффект в целом намного перевешивает.

— Не могли бы вы эту мысль подкрепить примером?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 24 (1238) ДЕКАБРЬ 1978

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
иллюстрация
к «Слову о полку
Игореве».

Работа выполнена
специально для «Смены»
лауреатом премии
Ленинского комсомола
палехским художником
Алексеем КОЧУПАЛОВЫМ.

1 БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ.
«ЭКОНОМИКА — САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ПОЛИТИКА»

2 МОЛОДЕЖЬ И СЕРВИС.
Игорь СЕРКОВ. «СРЕДЬ ШУМНОГО ЗАЛА...»

4 «УХА С ВИДОМ НА ХОККАЙДО».
Фоторепортаж Геннадия АНДРЕЕВА и Альберта ЛЕХМУСА.

6 АВТОБИОГРАФИИ.
Вия АРТМАНЕ, народная артистка СССР.
«ХЛЕБУШКА БЕЗ КОРОЧКИ НЕ БЫВАЕТ...»

8 Рассказ Валерия ПОВОЛЯЕВА
«НА МОРЕ ВИДИМОСТЬ — НОЛЬ».

12 Борис ВАСИЛЬЕВ.
«НОЧНАЯ ТРЕВОГА».

14 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Инга КИЧАНОВА.
«СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ...»

16 «БАРМАЛЕЙЧИКИ» С КАМЧАТКИ.
Фоторепортаж Генриха ГУРКОВА и Сергея ПЕТРУХИНА.

18—19 ЖУРНАЛ И ЧИТАТЕЛЬ.
ИТОГИ КОНКУРСОВ «СМЕНЫ».

20—23 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
СОКРОВЕННЫЕ СТРУНЫ БРАТСТВА.
Стихи и проза болгарских писателей.

24 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ.
Борис РЫБАКОВ, академик, лауреат Ленинской премии.
«ЗОЛОТОЕ СЛОВО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».

27 Фантастический роман Александра и Сергея АБРАМОВЫХ
«ВРЕМЯ ПРОТИВ ВРЕМЕНИ».

29 Василий АКСЕНОВ.
«МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ МУЗЫКИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1978 г.

— Когда двадцать лет назад приступили к созданию в среднем течении Ангары Братско-Илимского ТПК, этот район, населенный восьмьюдесятью тысячами крестьян и охотников, давал лишь один процент промышленной продукции Иркутской области, в том числе 35 тысяч киловатт-часов электроэнергии, получаемой от маломощных передвижных сельских станций. Сейчас четырехсоттысячное население ТПК производит тридцать процентов промышленной продукции области: более 30 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, цветные металлы, изделия лесохимии и многое другое. Благодаря высокой энерговооруженности и современному оборудованию, производительность труда промышленного рабочего здесь в 2,5 раза превышает среднесоюзные показатели.

В этом районе построены крупнейшие Братская и Усть-Илимская гидростанции, железные и автомобильные дороги, мощный лесопромышленный комплекс и алюминиевый завод, действует крупный горно-обогатительный комбинат на базе Коршуновского железорудного месторождения, с участием стран-членов СЭВ ведется строительство Усть-Илимского целлюлозного завода, которое должно завершиться в нынешней пятилетке.

Так что, хотя в процессе создания ТПК случались определенные диспропорции в развитии отдельных отраслей—что-то опережало, что-то отставало,—в конечном итоге, когда основные объекты были завершены, страна обрела высокоэффективный промышленный потенциал, масштабы и значение которого для народного хозяйства страны трудно переоценить.

Что же касается «переориентации» ТПК, то сама постановка такого вопроса не совсем правомерна. Территориально-производственный комплекс—столь значительное образование и столь существенное для народного хозяйства страны, что все связанные с ним расчеты ведутся глубоко и всесторонне, с учетом отдаленной перспективы его деятельности и взаимосвязи с другими уже существующими или только планируемыми ТПК. Учитывается и возможность новых геологических открытий в этом районе.

Например, чтобы создать Братский комплекс, нужно было ежегодно осваивать по несколько сот миллионов рублей капиталовложений. Это заметная величина в госбюджете. Сейчас его собственный вклад в народное хозяйство тоже довольно весом, и вырабатываемую здесь электроэнергию, алюминий, лесопродукцию, руду, целлюлозу нельзя уже сбросить со счетов. Так что менять по ходу дела «специализацию» ТПК невозможно.

И все-таки территориально-производственный комплекс—живой организм, а не что-то раз и навсегда заданное, застывшее. И, естественно, новые геологические открытия могут внести свои коррективы в его структуру. Но эти изменения не будут противоречить первоначальному плану и схемам—напротив, увеличение числа отраслей, объединяемых ТПК, сделает последний более многогранным и эффективным.

В ближайшие годы мы приступим к формированию Верхне-Ленского комплекса, который, согласно предварительным планам, будет иметь лесоперерабатывающее направление. Но в этом районе уже найдены крупные месторождения каменной соли, и геологи к тому же обещают открытие нефти и газа в Восточной Сибири. Если их прогнозы подтвердятся, у будущего ТПК резко изменится профиль: главными отраслями станут нефте- и лесохимия, тут вырастет мощное производство пластмасс. Запасы нефти и газа, несомненно, повлияют и на уже сложившееся в Приангарье производство, резко повысив его эффективность.

— В начале нашей беседы вы, Лилия Иосифовна, обратили внимание

на новый этап в формировании ТПК—создание целых систем комплексов. Не могли бы вы на конкретном примере показать, как это происходит? Как усилия прежних лет начинают реализовываться в делах сегодняшних, как разрозненные поначалу производства объединяются в единое целое, как вырастают прочные связи с соседними комплексами?

— Пожалуй, лучше всего это прослеживается на примере Саянского ТПК. В отличие от других комплексов формирующим началом для него стали не уникальные месторождения каких-то полезных ископаемых и даже не дешевая электроэнергия самой мощной в мире Саяно-Шушенской ГЭС, хотя ток последней, конечно же, является надежной энергетической базой для строящихся здесь предприятий. Главная причина формирования ТПК—чрезвычайно удобное положение этого района. Горы загораживают юг Красноярского края, Минусинскую котловину, от холодных северных ветров, и достаточно мягкий климат позволяет вести интенсивное сельское хозяйство, выращивать даже бахчевые культуры и лучшие в Сибири помидоры, развивать пчеловодство. Не удивительно, что в этом благодатном крае высокая—по сибирским меркам—концентрация населения и положительное сальдо миграции.

Далее, под Минусинском была найдена уникальная площадка, на которой можно «посадить» двенадцать современных заводов электротехнической промышленности—они будут производить практически все, что так или иначе связано с электрической техникой: от штепсельной розетки до гигантских электрических машин—и крупный, тысяч на 200 жителей, город, который вырастет рядом.

Но это не все. Место, выбранное для ТПК, уникально и по другим причинам. Электротехническое производство нуждается в цветных металлах. Красноярский край—их главный производитель. Система Ангаро-Енисейских комплексов и Канско-Ачинский угольный бассейн, которые все развиваются, требуют с каждым годом все больше и больше электротехнических изделий. Значит, у продукции будущих заводов—потребитель рядом. Тут уже достаточно развита транспортная сеть: железные и автомобильные дороги, в том числе Абакан—Тайшет, построенная комсомольцами. Есть еще одно немаловажное обстоятельство: в Красноярском крае очень мощные и опытные строительные организации. Если комплекс разместить в другом месте, где нет соответствующей стройиндустрии, то года четыре ушло бы только на ее создание.

Всего Саянский ТПК объединит более ста промышленных предприятий: кроме названных двенадцати заводов под Минусинском, он включит в себя Абаканский вагоностроительный завод, крупнейший алюминиевый завод, завод стального литья, предприятия по переработке цветных металлов, заводы машиностроительной, легкой и пищевой промышленности. Некоторые из них уже действуют, дают продукцию, другие строятся, третьи только проектируются. И что интересно—заводы, дороги, стройбаза, которые были построены здесь ранее, не только очень органично легли в общую структуру формирующегося комплекса, но даже во многом предопределили его рождение.

— Значит, можно предсказать, что строящиеся железнодорожные магистрали, БАМ, например, или Сургут—Уренгой, дадут толчок к формированию новых ТПК?

— Конечно. Так, освоение зоны БАМа стало крупнейшей региональной народнохозяйственной программой. Речь идет о создании в перспективе нового индустриального пояса на территории нашей страны, подобного тому, какой сейчас

идет вдоль Транссибирской магистрали. Здесь вырастет ряд крупных ТПК и промышленных узлов, каждый из которых будет базироваться на природных ресурсах своего района: Верхне-Ленский, Северо-Байкальский, Удоканский, Южно-Якутский, Тындинский.

Осуществление этой грандиозной программы потребует колоссальных капитальных вложений, которые во много раз превысят стоимость строительства самой магистрали, но полученный эффект превысит затраты. Кстати, на примере зарождающихся вдоль Байкало-Амурской магистрали ТПК наглядными становятся преимущества системного подхода к их формированию. Как мы говорили, отличительной чертой Ангаро-Енисейских комплексов является исключительное богатство энергетическими ресурсами и, как следствие, развитие здесь энергоемких производств, в частности, алюминиевого. Облегченные алюминиевые конструкции найдут широкое применение при строительстве в зоне БАМа. Быстро и эффективно осваивать этот отдаленный, малозаселенный и суровый край можно, только применяя прогрессивные методы, современную технологию, высокопроизводительные машины и механизмы. Облегченные конструкции, панели, машины в северном исполнении, которые придут сюда с предприятий Восточной Сибири, помогут решить эту задачу. А в будущем уже сам БАМ станет помогать нам при освоении ресурсов близлежащих районов.

Железная дорога Сургут—Уренгой пока что рассматривается как необходимое условие ускоренного освоения северных нефтегазовых месторождений Тюменской области. Однако логично предположить, что эту магистраль следует продолжить далее—на северозапад, к Енисею, с дальнейшим выходом к Норильску. Для этого есть строительная база и сложившийся опытный коллектив путейцев-строителей. Эта дорога даст возможность рассмотреть новые варианты переработки и использования норильских медно-никелевых руд. Возможно, будет выгодно создать базу цветной металлургии в Западной Сибири, в избытке обеспеченной эффективными энергоресурсами. Включение новой отрасли в Западно-Сибирский ТПК сделает структуру последнего более многоплановой и совершенной.

Но это только предположение, одно из возможных решений. Окончательное же может быть принято лишь после тщательного рассмотрения всех вариантов строительства дороги на Таймыр и размещения предприятий цветной металлургии.

— Подсчеты и еще раз подсчеты. Как в поговорке: семь раз отмерь—один отрежь.

— В таком сложном деле, как формирование ТПК, можно просчитать и сто вариантов, лишь бы избранный оказался самым рациональным и эффективным. И в этом деле мы добились определенных успехов. Советские методы освоения природных ресурсов в мало освоенных районах все больше привлекают внимание государств, которые решают ту же проблему.

Пять лет назад по инициативе Советского Союза и США был создан международный институт прикладного системного анализа (МИПСА) со штаб-квартирой в предместьях Вены. На одной из конференций МИПСА был рассмотрен наш опыт создания Братско-Усть-Илимского ТПК. С докладами на эту тему выступили видные советские ученые, государственные деятели, хозяйственные руководители. После этого большая группа иностранных ученых-экономистов, представителей деловых кругов побывала в Сибири, в частности, в Братске. Общий вывод: Братско-Усть-Илимский ТПК—безусловно, огромное достижение, опыт которого можно с успехом использовать и в других странах.

Мальчик просто-напросто перепугался, когда сообразил, что произошло.

А у продавщицы было такое же, как и тогда, когда она рассчитывалась с ним, добродушно-улыбчивое лицо. Мальчик быстро отвел глаза в сторону. Ему было стыдно и страшно, потому что только минуту назад она обманула его, и теперь ему надо вернуться туда и сказать ей об этом. Мальчик не мог представить, как он сможет сделать это. Как он сможет сказать взрослому человеку, что тот обманывает?! А в магазине столько народа... И зачем только он стал пересчитывать сдачу!

Тут продавщица рассмеялась особенно весело, и он, не понимая, что делает и зачем, подошел к прилавку и протянул над ним руку. На полуразжавшейся мокрой ладони его лежали спичечные деньги—бумажные и монеты. «Вот...—сумел проговорить он, задышав и чуть не плача.—Вы неправильно мне дали...» Она взяла его ладонь в свою, перевернула ее—и деньги вывалились на прилавок. Одна монета долго катилась к счетам. Очередь затихла. «Ну давай снова посчитаем». Он ждал чего-то жуткого, голос был спокойный и усталый...

Потом пересчитывали еще раз—вместе с оживившейся очередью. Но мальчик уже знал, что ошибся он сам.

Он не мог себе представить, что с ним теперь будет; только понимал—за это наказывают. А продавщица спросила лишь, не нужно ли чего еще... И по всему было видно, что он может идти и что ничего особенного не произошло...

В этот магазин он больше не ходил. Вдруг показалось совершенно необходимым вспомнить эту историю... Может быть, потому, что в памяти каждого из нас прочно сидит внушительный запас «магазинных» драм и случаев. И именно он диктует зачастую наши реплики, когда речь заходит о торговле...

Специальностью Виктор решил обзавестись до армии и после восьмого отнес документы в торговый техникум. Только вот продавцом быть он не собирался—ничего привлекательного в этой профессии не находил. А расклад был такой: после техникума не обязательно работать именно в торговле, вполне можно устроиться, к примеру, технологом на каком-нибудь предприятии легкой промышленности. Ну, а если не выйдет это, то уж, во всяком случае, продавцом в зале он не будет—парней в техникуме всего ничего, и в продажах они, как он узнал, не задерживаются. Первая практика, когда они после двух недель учебы отбывали две следующие в универмаге Могилева-Подольского, ничего в этих его расчетах не переменила. С ними Виктор Любинецкий отправился и на госпрактику—в Винницу... Винницкий орден Трудового Красного Знамени универмаг—предприятие в отрасли известное.

В свое время здесь одними из первых в стране перешли на метод самообслуживания. Это сейчас 52 процента магазинов в системе государственной торговли работают так, а тогда, в 1969-м, это было ново и непривычно—самообслуживание в крупном промтоварном магазине. Ново для всех, не только для покупателей. В тот год в универмаге побывало в общей сложности около трехсот делегаций. Приезжали отовсюду.

А они готовились к переходу почти четыре года, можно сказать, с открытием. Универмаг только начинал работать, а уже задумывалась реконструкция. «Самообслуживание,—подчеркнет потом директор универмага Михаил Михайлович Малышенко,—только тогда приносит эффект, когда внедряется творчески, когда каждый шаг в этом процессе осмыслен, научно обоснован». За ссудой в Госбанк обратились, когда в детальном плане намечаемого не оста-

Всем нам постоянно приходится иметь дело со сферой обслуживания. Представьте: ежедневно миллионы людей приходят в магазины и ателье, столовые и быткомбинаты с самыми различными просьбами. А желание у каждого одно — чтобы его заказ выполнили качественно и быстро. От работы службы сервиса сегодня зависит очень многое: это и удовлетворение материальных запросов, и экономия свободного времени, и, наконец, наше настроение — недаром сферу услуг часто называют «службой хорошего настроения». Однако у этой службы немало своих проблем, связанных с организацией работы, с подготовкой и воспитанием молодых мастеров.

В речи на XVIII съезде ВЛКСМ товарищ Л. И. Брежнев говорил: «...комсомолу следует взять под свою постоянную опеку сферу торговли и обслуживания. Установите над ней эффективное шефство. Изучите поглубже положение дел, помогите и новыми людьми, и воспитанием уже работающих там, и мобилизацией общественного мнения, и инициативами, обращенными к хозяйственным, административным органам».

О достижениях и недостатках в сфере обслуживания, о ее проблемах, о роли комсомольцев в повышении качества работы рассказывается в этом номере «Смены».

Игорь СЕРКОВ

СРЕДЬ ШУМНОГО ЗАЛА...

лось ни одного неясного места. Одних строительных работ предстояло столько, что казалось — придется закрывать универмаг не менее чем на полгода. А полгода простоя — это и убытки и неудобство для покупателей, с универмагом уже сжившихся, угроза распыления коллектива...

Открытое партийное собрание работников винницкого универмага постановило: «Не закрывать магазин! Торговлю продолжать! Реконструкцию провести силами коллектива! Объявить ее ударной стройкой!» Каждый принял обязательство — отработать на стройке не менее пяти дней.

...В пристроенных к типовому зданию крыльях разместились секции «Ткани» и «Радиотовары». Помещения реконструировали, товары разделили по потребительским комплексам: «Товары для женщин», «Товары для детей», «Культура в быту»... Усовершенствования и перемены с этой реконструкцией не закончились, скорее начались. Отказались от боковой расстановки оборудования и перешли на линейную. Само оборудование заменили изготовленным по эталонам и стандартам СЭВ, что резко увеличило товарную массу в залах. Здесь установили систему кондиционеров и воздухопроводов протяженностью в тысячу метров. Пришлось рыть и артезианский колодец. Зато теперь даже в самые жаркие дни в залах не больше 20 градусов. Создана лаборатория НОТ. Расширена камера хранения. На здании смонтирован электронно-световой информатор. Внутри — каждый час радио- и телереклама. Готовится прямой канал с выходом по радио в город и на область.

Все, что делалось, имело одну главную цель — создать максимум удобства покупателям. Сделать так, чтобы они могли потратить на покупку столько времени, сколько считают нужным, не больше. Меньше — пожалуйста.

«Рады доложить съезду, что в нашем универмаге за счет внедрения прогрессивных форм обслуживания, создания дополнительных услуг, повышения мастерства продавцов время на приобретение покупки сокращено в семь раз».

Это из выступления на XVIII съезде ВЛКСМ делегата Натальи Артемьевой, старшего продавца винницкого универмага.

Сейчас в универмаге вплотную занимаются введением единого расчетного узла.

Группу практикантов приняли, как обычно, приветливо и по-деловому. Устроили на квартиры, оформили на должности, познакомили с предприятием. Оно Виктору понравилось. В залах просторно, свободно, очередей не видно. А такое оборудование и раскладку товаров до сих пор только в учебниках видел. Грузовые лифты работают, товар подвозят на специальных тележках. Склады крупногабаритных грузов внизу

и во дворе. Все как надо. Комнаты отдыха чистенькие, гардеробные с горячим душем. Газированной водички из автомата бесплатно попить тоже приятно, между прочим. На самых видных местах цветные фотографии лучших работников, бригад. Один стенд Виктора сначала удивил — с него смотрели серьезные ребята в школьной форме. Оказалось: «Дети — отличники учебы работников универмага». Что ж, матери вон того конопатого хлопца мимо проходить, надо думать, приятно.

Ну, а кафе Виктора просто поразило... По винтовой лестнице спускаешься в уютный зал, отделанный деревом, со стойкой бара, мягкой мебелью красной кожи... Не зря говорят, что на вечера сюда попасть стараются все винничане.

Практикантов сразу предупредили, что считать их будут полноправными членами коллектива. А это значит, что и обязанности тоже будут соответствующими. Виктор получил синенькие «Основные правила работы универмага самообслуживания» и обнаружил, что кое-каких прав он теперь... лишен. Например, покидать свое рабочее место, делать личные покупки, отвлекаться для посторонних разговоров. Потому что его рабочее время принадлежит не ему — покупателю. И еще там очень много было про то, как общаться с покупателями... Известно как — вежливо... В случае возникновения конфликта вызвать дежурного администратора? Ну да посмотрим...

Малышенко очень не любит, когда некоторые из его коллег-директоров принимают жалобы на продавцов: и такие они, и сякие, и ничем их не удовлетворишь. С трудом он сдерживает себя, если ситуация не позволяет возразить сразу. Сам он на своих не жаловался никогда и уверен — не придется. А почему? Ведь приходят в универмаг обычные девчата и ребята, и вовсе не обязательно их представления о будущей работе соответствуют тому образу идеального продавца, который так бередили души коллегам Малышенко. Ждут они его, идеального-то, да вот беда: дожидаться не могут. А его не ждать — готовить надо. Из тех, кто уже пришел в торговлю или придет завтра. Да, это трудный путь, зато реальный, верный. Малышенко вообще считает, что готовый, со стажем, наработанным в другом месте, продавец универмагу самообслуживания и не нужен. И стоило бы, может быть, универмагам сократить прием специалистов из торгов. Только готовить самим вместе с училищами и школой.

Найти в винницком универмаге продавщицу с опытом работы в другом магазине оказалось действительно делом нелегким.

...Женщина у кассы прижимала к груди несколько пестрых пачек с красящим шампунем. Она уже достала деньги.

— Простите, — подошла к ней Нина. — Вы берете его для себя?

— Да. А что?

— Я бы не советовала вам, брать этот. — Нина чуть понизила голос: — Он не прокрашивает седину.

— А мне говорили... Что же делать?

— Зайдите дня через два — будет как раз то, что нужно вам.

— Спасибо. А я схватила сразу, нет чтобы сначала к вам...

...Нина Мялик пришла в торговлю как многие, не попав в институт. Было все равно, чем заниматься, она поступила в один из магазинов промторга и... доработалась до недостачи. В бригаде их было двое молодых, и более опытные продавщицы, отношения с которыми у девчат так и не сложились, впрямую винили во всем новеньких. Доходило и до прямых намеков на воровство... Для двух девчонок со школьной скамьи потрясение было страшным. А разбираться в причинах недостачи никто не стал. Дома она пыталась скрывать, сколько у нее вычитают, но попробуй скрой, когда речь идет чуть ли не о половине зарплаты. Девушки решили бороться — добились, чтобы их отделили в самостоятельное звено, сами стали вести весь учет, документацию. Доказали — и план выполнили и никакой недостачи. А в бригаде снова недосчитались... Но радость от своей победы была какая-то странная — не радостная. Что же теперь, всю жизнь ходи под подозрением и доказывай, что ты не верблюд? Тут как раз появилась возможность устроиться на завод. Кладовщицей. И хотя вдруг обнаружилось, что уходить жалко, Нина все-таки ушла.

На заводе она выдавала и принимала приборы.

Однажды школьная подруга, работавшая в универмаге, сказала, что у них в секции освобождается место, но надо поторопиться — пустовать оно не будет. Видимо, подруга в Нинины чувствах разобралась лучше. Со стороны, говорят, виднее. В общем, Нина тут же написала заявление, поговорила с начальством — так, что ей даже разрешили не отрабатывать двух недель, — и на следующий день была уже в универмаге.

— Почему я, не раздумывая, пошла в универмаг? Наоборот, на заводе я часто думала, что вот в универмаг бы я пошла. Уходила-то я не от торговли, а от условий, в которых пришлось работать... А про универмаг я и раньше много слышала и подруга рассказывала. Кстате, ее сюда привел за руку отец. Не потому, что она не хотела, а просто стеснялась как-то. Знаете, бывает так. Шла бы речь о другом магазине, он этой стеснительности, может, только обрадовался бы, попробовал отговорить. А тут хорошо начинать... В торговле начало особенно трудное время — из-за материальной ответственности. А у нас продавцы от нее освобождены. Сразу чувствуешь себя и увереннее и спокойнее. Хотя это, конечно, не значит вовсе, что можно, раз другие считают, беспечно относиться к тому, что у нас называ-

ют товарно-материальными ценностями. Доверие — оно тоже обязывает... Но, кстате, это и универмагу удобно — узкий круг материально ответственных лиц...

Ну уж, а дисциплина у нас! На днях в зале ко мне подошел бывший одноклассник. Мы и успели-то поздороваться и договориться созвониться, а девчонки мне сообщают: «Вам дежурный администратор замечание сделал. Мы ему, правда, объяснили...» Расстроилась я! Начнется завтра пятиминутка наша обычная в девять часов, и директор скажет перед всеми, что вчера такая-то занималась в рабочее время тем-то. А это всей секции упрек. Представляете, с каким настроением я на той пятиминутке стояла?.. А вообще эти пятиминутки нам очень много дают. Говорится на них обо всем: разбираются прошедший день, состояние ассортимента, выполнение договоров поставщиками, кто впереди по соцсоревнованию. Сразу чувствуешь жизнь всего универмага. И настрой появляется... А потом мы все, не только продавцы, до открытия работаем в залах. Наша секция на первом этаже прямо перед входом, и люди с таким нетерпением смотрят на нас... Не знаю, может, им кажется, что мы этот час заняты какими-то своими, не имеющими к ним отношения делами, а на самом-то деле и до открытия все думают о них. Получаешь товар — кстате, в рабочее время у нас товары в зал уже не поступают, кроме крупногабаритных, чтобы не отвлекать продавцов от работы с покупателями, — раскладываешь его и прикидываешь для себя, где сегодня нужно оказываться почаще, что говорить покупателям о новинках... Однородные товары размещаем по вертикали, чтобы их можно было осматривать и выбирать, не сходя с места, а самые популярные новинки составляешь на высоте от метра до полутора, чтобы они сразу попадали на глаза. Помогают нам все: и рабочие, и товароведы, и сотрудники лаборатории НОТ... И вот пошла музыка, а с ней и первые покупатели. И я не чувствую себя одинокой перед ними — со мной мои товарищи... А на пятиминутке тогда про меня ничего не сказали. А если бы сказали? Конечно, обидно бы было — на сколько я там отвлеклась! А с другой стороны, отвлеклась же. Да и со всех так спрашивают. Строго, конечно... Но ведь с нас не только спрашивают. О нас целый комплекс, седьмой, «Здоровье» называется, заботится: и столовая для нас, и кафе, и медпункт... И дома универмаг для работников строит, и детские сады, и ясли... А это, знаете, как много!

Веселый все-таки день воскресенье — не то что дух перевести, на часы взглянуть некогда. Кому, разумеется, что нравится, а Виктору такой напор покупателей по душе — не заскучаешь (в универмаге скользящий график, магазин работает ежедневно). В воскресенье план сам собой делается. Это вам не понедельник — день затишья. Вот уж когда, как ни выворачивайся продавец, до плана все равно как до Луны. Объективные обстоятельства! Казалось бы, отдохай с чистой совестью, а вот здесь и в понедельник любят делать план. И что интересно — выходит. Не каждый раз, само собой, но выходит. И тогда у всех праздник. Потому что ритмичность — показатель мастерства и класса торгового предприятия...

— «Рубин»? Очень надежный. И «Горизонт» тоже. Ну и что, что в конце месяца выпущен? Брак у нас в зал не попадает. Почему я так уверен? Потому что у нас вся аппаратура проверяется в лаборатории товаров сложного ассортимента... Да-да, и доставить поможем и мастера направим. Да вы не беспокойтесь, он и шнур удлинит, если понадобится.

Было время, он начинал нервничать, когда люди долго решались на покупку.

Ну, что тут размышлять, переспрашивать сто раз? Подумаешь, событие — телевизор купили! Их тут каждый день десятками... А тут вдруг вспомнил, как дома сами покупали... Люди, может, не один месяц деньги откладывали, с соседями и знакомыми советовались, какой брат, а за последним советом обращаются к тебе. Вот привезут они его домой, и несколько вечеров у них дома праздник будет самый настоящий. А уж сегодня! Между прочим, в любом празднике или участвовать надо, или уж хотя бы стараться не портить его — как-то не по-человечески это... Интересно, почему именно здесь ему все это в голову пришло?.. Когда все вокруг работают здорово, тоже хочется научиться работать так же. Особенно если это, как оказалось, интересно и почетно. Даже выгодно... Но и трудно, правда. Ассортимент, скажем, нужно знать, желателен как Василий Джус, заведующий секцией. Тогда никакой дядя в шляпе тебя не подловит, а то ведь не то что перед ним, перед собой неловко получается. Да и рассказывать о товаре надо уметь хотя бы так, как это дикторы по телевизору делают...

«Самое трудное — преодолеть старые представления о роли и обязанностях продавца и утвердить новые. Подготовка продавца-консультанта стала главной в работе администрации, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций универсама», — скажет на проходившем в Виннице семинаре председателей республиканских, краевых и областных комитетов профсоюзов работников торговли М. М. Малышенко.

«Мы стремимся к тому, чтобы быть не просто продавцами, а продавцами-консультантами», — скажет на XVIII съезде комсомола Наталья Артемьева.

Несколько лет назад представителям универсама, как всегда, присутствовавшим на собеседовании с поступающими в торгово-кулинарное училище, пригласила Галя Сидлецкая. Ее зачислили в группу, которая после окончания должна была прийти на работу в универсам. Правда, некоторым девушкам показала излишне застенчивой...

— А нам нужно быть хозяевами положения не за спасительной непроницаемой стеной прилавка, а в доступном для всех пространстве между стеллажами с товаром. Что для этого нужно? Нарботать чувство позиции — чтобы в течение всей смены видеть все, что происходит вокруг. И когда покупателей нет и когда среди них протолкнуться трудно. То есть необходимо постоянно контролировать ситуацию и быть готовым прийти на помощь любому покупателю, который, между прочим, такую готовность сразу чувствует. А потом уже остается только сразу войти с ним в контакт. Правда, это и есть самое сложное. Нужно разгадать каждого, приоткрыться к нему, найти оптимальную степень общительности. Есть такие, что, войдя в секцию, первым делом ищут глазами продавца. У нас, в «Платях», это в основном мужчины. Они или подарок ищут, или выполняют чей-то заказ. Самые удобные покупатели — конкретные. А вот женщины! Встречаются и такие, что терпеть не могут, когда им советуешь, стараешься помочь, предпочитают во всем разбираться сами, да еще усмехнутся недоверчиво: что это она, мол, тут передо мной разливаешься, не иначе как дело нечисто... Нужно уметь не обижаться. Конечно, это их полное право — выбирать самим, мы им не мешаем. Но все-таки мы убеждены, что многие из таких покупателей не умеют правильно покупать. Надо их учить. Будем мы грамотно, с душой работать — и они научатся грамотно покупать. Ведь научили же их неправильно покупать — в плохих магазинах...

Словом, продавец-консультант — это в первую очередь продавец активный, — подытожила заместитель заведующего секцией, секретарь комсомольской организации комплекса «Товары для женщин», депутат районного Совета Галина Сидлецкая.

— У нас даже девочки с не очень-то активным по природе характером втягиваются в такую работу. Что помогает? То, что у нас, как говорится, в чести среди всех сотрудников коммерческая инициатива, — мы укрепляем связи с оптовыми базами, заключаем договора содружества с основными поставщиками, составляем для них рекомендации по спросу...

Дни практики остались уже позади. Дело было за немногим — итоги, оценки... В ожидании руководителя группа собралась в актовом зале на четвертом этаже. Время от времени Виктор снисходительно оглядывался на привычно хихикающих девчонок. Для себя он итоги уже подвел. Он рад, что попал на практику именно сюда. Потому что теперь он точно знает: у него интересная, уважаемая специальность. Очень нужная. Все-таки, наверное, не зря среди сотрудников универсама семь депутатов, а Наташа Артемьева была делегатом съезда комсомола. Теперь он по-иному видит свою профессию среди других — знает, что такое большая торговля. Не только по размерам, но и по качеству. Знает, потому что в составе комсомольско-молодежного коллектива принимал участие в соревновании за право называться коллективом имени 60-летия ВЛКСМ...

И тут пришел преподаватель. Виктор отправился получать оценку.

«Наш универсам, как говорят, на хорошем счету. И дело не только в том, что мы регулярно выполняем план и на протяжении 14 лет работаем без жалоб покупателей. Я имею в виду прежде всего ту атмосферу доброжелательности, доверия, сердечности, которая сложилась у нас между продавцами и покупателями. Эти черты, по нашему мнению, должны отличать каждое предприятие сферы обслуживания».

(Из выступления на XVIII съезде комсомола Натальи Артемьевой.)

...Чтобы попасть туда, вы садитесь в любой трамвай или автобус, поднимающийся от Южного Буга по улице Ленина. Или идете пешком, если у вас есть время и погода позволяет. И когда подъем будет позади, улица, словно для особенного эффекта, сделает поворот и, как эскалатор, опустит вас на просторную площадь, носящую имя первого космонавта. И вы перед пятиэтажным кубом, как бы приподнятым над землей громадными стеклами сквозных — их можно рассматривать и изнутри и снаружи — витрин и увенчанным, словно коронкой, лентой светового табло и зубцами буква «УНИВЕРСАМ».

Попав сюда вечером, когда универсам только закрылся, вы не увидите здесь никого, кроме рассказывающих вдоль витрин мужчин — с детьми или цветами. А сбоку, из скромного служебного входа, будут появляться те, кого они ждут, — мамы, жены, невесты, просто знакомые. Магазины заканчивают работу поздно. Впрочем, зачем вам придти сюда в это время? Другое дело утром, когда магазин еще закрыт. Тогда вы увидите здесь устроившихся на скамейках задолго до открытия первых покупателей. Это приезжие. Горожане подходят попозже. И чем меньше минут остается до открытия, тем ближе и ближе подтягиваются люди к прозрачным дверям. Скамейки пустеют. А людей все больше и больше. И всем им невольно хочется разглядеть, что там, внутри...

Я хочу предложить вам очень популярное у нас блюдо — сибирские пельмени... Как ты это скажешь по-английски, Наташа?

Идет урок. Стол накрыт в классной комнате.

В соседнем классе — тоже урок. Делят пирожки. Они хотя и «учебные», но — свидетельствуем — очень вкусные, нам дали попробовать. Вечером, за ужином, их будут есть ребята.

Оторванных от жизни профтехучилищ не существует — кому придет в голову выпускать специалистов, лишняя в сегодняшней экономике? Но, вероятно, по прицельности подготовки среднее ПТУ № 18 города Находки — в числе лидеров не только в Приморском крае, но и в отечественном профтехобразовании. Базовое предприятие — Дальневосточное морское пароходство — расписывает выпускников по местам их будущей работы задолго до того, как им вручат диплом.

А выпускает училище, между прочим, не плавсостав в традиционном понимании, а тех, кто на судах играет вроде бы побочную роль, — поваров-кондитеров, официантов, стюардов. Побочная роль? Но разве мыслим современными пассажирский лайнер без высокопрофессиональной «команды» мастеров сервиса? А на грузовых судах, где из года в год растут и тоннаж и продолжительность рейсов, разве не желанный и уважаемый член коллектива тот, кто кормит и поит остальных?

— У нас нет проблем с набором

учащихся, — говорит директор училища Сергей Тимофеевич Блинов, заслуженный учитель профтехобразования РСФСР. — Идут к нам охотно. Конкурса для вчерашних десятиклассников — примерно три человека на место.

Романтика дальних странствий? Море зовет? Конечно. И в училище это прекрасно понимают. Но, как известно каждому в Приморье, где около ста тысяч человек сегодня, завтра, всегда находятся в плавании, понятие «судно-дом» не обязательно вызывает у людей восторг. Судно-дом — это ведь не только известные преимущества, но и достаточно ощутимые лишения. Квадратные метры судна — это не квадратные километры родного города. Есть разница. Иначе бы были бы знакомы с трудностями отдаленных парокходств.

«Нет проблем», — говорит Блинов. Почему?

Когда проведешь день в этой в этом училище, такой вопрос уже не задаешь. Здесь собрались энтузиасты. И это относится ко всем: учит и кто учится. Как им удалось найти друг друга?

Блинов разводит руками. Проще бы не знает. Знает. Притчей в этих стенах стала в приморском «профтехе» его вездущая настойчивость, его дотошность, его, если хотите, «скандальность», если речь идет о деле. Не пустит он в училище равнодушного человека ни в каком качестве. О том, как поставлено в восемнадцатом преподавание и специальных и общеобразовательных предметов, с завистью говорят и во многих других ПТУ, и в

Геннадий АНДРЕЕВ.

Фото Альберта ЛЕХМУСА.

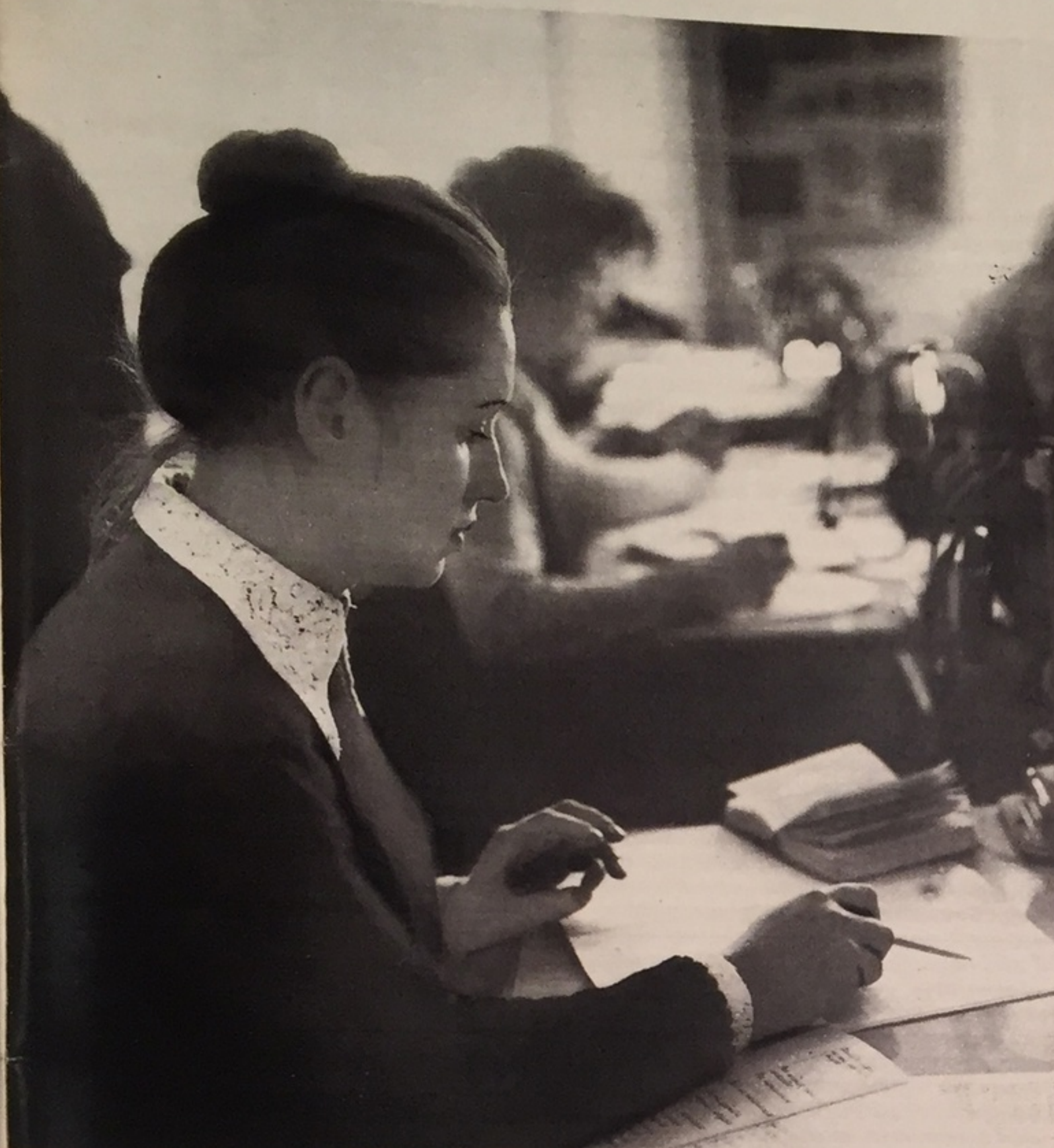
УЖЕ С ВИДОМ НА ЖОЖКАЙДС

ПОДНЯТА РУКА: «ЗНАЮ, ХОЧУ РАССКАЗАТЬ» — ПРИМЕТА ЛЮБОГО УРОКА В ЭТОМ УЧИЛИЩЕ.

КОРИДОР УЧИЛИЩА — ОЖИВЛЕННЫЙ, РАДОСТНЫЙ. КАК УЛИЦА В ДНИ ПРАЗДНИКА.

ЗНАКОМАЯ ИСТОРИЯ

«МЫ РАДЫ ПРИВЕТСТВОВАТЬ ВАС...» КАК ЭТО БУДЕТ ПО-АНГЛИЙСКИ?

находкинских, да и не только находкинских, школах. Слух идет об училище. Интересно там. Ин-те-рес-но! И как зафиксируешь эту популярность, складывавшуюся годами, в квартальном или каком ином отчете о мероприятиях по профориентации?

«Учебно-производственная столовая № 1 ГПТУ № 18 г. Находка. Обслуживается учащимися». Сюда с удовольствием ходят находкинцы. Вкусно приготовлено, красиво сервировано. Сегодня место практики — эта столовая. Завтра место работы — судо-

вой ресторан на маршруте Находка—Токио. Так сказать, уха с видом на Хоккайдо.

— В пароходстве нет ни одного судна, где бы ни работали наши выпускники, — говорит Сергей Тимофеевич.

К этому можно прибавить — пионерские лагеря, дома отдыха, санатории Приморья бомбардируют училище просьбами: пришлите ваших ребят. Училище посылает: опять-таки практика... И украшается новыми почетными грамотами и дипломами актовый зал.

Как завоевать доброе имя? Человеку, заводу, учебному заведению? Наверное, надо честно делать свое дело. Инициативно, творчески. Сегодня, завтра, всегда. В восемнадцатом не любят на эту тему рассуждать. Там просто так поступают.

ПОВАР—
ПРОФЕССИЯ СЕРЬЕЗНАЯ.

ПРАВИЛЬНО ПОДОЙТИ К СТОЛУ—
ЭТОМУ ТОЖЕ НАДО УЧИТЬСЯ.

Прочитала в двенадцатом номере журнала статью «Вокруг новичка», в которой рассказывалось о том, как готовят настоящих мастеров своего дела в коллективе ателье № 65 города Свердловска. И, откровенно говоря, позавидовала тем, кому придется шить у этих ребят. Потому что со мной — а я москвичка — произошла вот такая история.

Началось все с того, что мне на день рождения подарили материал. Очень красивый. Я сразу представила себе, какое замечательное платье может из него получиться, и решила шить его в ателье. Пошли мы туда вместе с мамой — она наконец-то решилась заказать себе костюм, о котором давно мечтала. В ателье выяснилось, что со своим материалом очереди надо ждать очень долго, чуть ли не год. Но что было делать?..

Но вот получили мы долгожданные открытки.

Вообще-то шьем мы в ателье совсем не часто, но на этот раз готовы были и подождать и заплатить, сколько требуется, лишь бы вещи были по душе. Сама я никакая не портниха и не знала точно, какой фасон подойдет лучше всего для моего материала, но мама успокоила меня, сказав, что мастер подскажет...

Мастер, к которому мы попали, поразила нас! Чем? Своим безразличием и полным равнодушием. Видно было, что мы, заказчицы, ей уже так надоели, что она не то что говорить с нами не хочет — ей и смотреть на нас тошно. Честное слово, я не преувеличиваю — до сих пор передо мною ее лицо. Ей было все равно, что мы закажем, лишь бы поскорее избавили ее от своего присутствия. Так она нам ничего и не подсказала, ни одной мелочи. А как мы ее просили об этом! Даже заискивали почему-то...

А затем мы попали к приемщице. Если мастер презрительно молчала, то эта эффектная блондинка разговаривала. Разговаривала она с нами так, что хотелось только одного — как можно быстрее убежать из ателье. Пожилой женщине с тяжелыми сумками она сказала: «Да на такую что ни напаять, все равно ничего хорошего не выйдет!» Она не обслуживала нас, нет, скорее сражалась с нами всеми доступными средствами. Разве что только не дралась...

Ну вот, а потом у нас начались примерки, а с ними, как оказалось, новые неприятности. Во-первых, в назначенное время мастера то просто не оказывалось на работе, то выяснялось, что примерять пока, собственно, и нечего. А узнавать у приемщицы, почему все так происходит, я уже просто боялась.

В общем, шили мы четыре месяца, а в результате обе вещи оказались нам не по душе. У платья был перекошен воротник. К тому же надела его два раза — и воротник стал рассыпаться. А

когда мама «нарядилась» в костюм, о котором мечтала, у нее вообще пропало желание куда-либо идти. Потому что с такими рукавами, которые сделали ей, даже неловко показываться на людях. Опять мы пошли в ателье — перешивать. Потом еще раз. А ведь мы с мамой люди без каких-нибудь особых претензий.

Самое поразительное, что закройщицу все это совершенно не трогало и не волновало. Она как будто считала, что так и должно быть. Но как же может мастер (!) так относиться к своему делу? И почему ей все сходило с рук? И не только нас она так обслуживала. Может, ей просто не нравится работа? Но зачем же тогда было брать деньги? Тем более зная, что работать придется на людях?.. Бывает, что портишь настроение другому человеку случайно — ситуация так складывается, — и то чувствуешь себя неловко. Но делать это сознательно, да еще когда твои обязанности заключаются в противоположном! Не понимаю... Зато хорошо представляю себе, чему научатся новички в атмосфере такого коллектива!

Иногда я все-таки надеваю то платье, а мама, тоже иногда, костюм — не выбрасывать же... И материал такой красивый... Но каждый раз у нас при этом портится настроение, и мы, откровенно говоря, вспоминаем мастера далеко не добрыми словами. Даже вот сейчас пишу, а сама волнуясь и переживая. И обида — ведь настраивались мы на радость! — не проходит...

И вот о чем я теперь часто думаю: может быть, это мы, заказчицы, виноваты в таком положении вещей? Виноваты тем, что слишком скромны, что не ругаемся и не скандалим?.. И мама говорит: «Может, ругаться нужно было?»

Но я, например, по своему характеру не могу ругаться с людьми вообще, а тем более с лицами официальными. То есть с людьми, находящимися на работе и разговаривающими со мной от имени государственного учреждения. Поэтому я только расстраиваюсь и молча ухожу. А потом еще долго переживаю случившееся про себя. Так было и после ателье, так же мне приходилось уходить из магазина, и из прачечной, и из химчистки... Так что, как видите, я понимаю, что история, происшедшая с нами в ателье, вовсе не замечательная и вовсе не исключительная. Но ведь это-то и есть самое ужасное, что она обыкновенная. Похожая на многие другие. Знакома каждому.

Но ведь нельзя же каждый раз ругаться и скандалить! Это же ненормально!.. Думаю, что если мне еще когда-нибудь подарят материал, я вряд ли пойду с ним в ателье. Вероятнее всего, в комиссионный.

А вдруг он будет очень красивый?

Татьяна МАКАРОВА,
инженер

ХЛЕБУШКА БЕЗ КОРОЧКИ НЕ БЫВАЕТ...

Батрачку принимает театр

ЭЛИЗА. А вы знаете, когда по-настоящему началось мое воспитание?

ПИКЕРИНГ. Когда?

ЭЛИЗА (оставив свое вышивание). В ту минуту, когда вы назвали меня мисс Дулиттл... Я тогда только пришла на Уимпол-стрит. Это впервые пробудило во мне уважение к себе. (Она снова берется за иглу.) И потом были еще сотни мелочей, которых вы даже не замечали, потому что для вас это было естественно. Ну вот то, что вы вставали, говоря со мной, что вы снимали передо мной шляпу, что вы никогда не проходили первыми в дверь...

Ах, как это было увлекательно и прекрасно! С удовольствием вспоминаю «Пигмалион», спектакль, который многое дал мне — молоденькой в ту пору актрисе. Не только одну из самых, по моим представлениям, необычных ролей в мировом театре, но и еще один повод к размышлениям о том, какой должна быть женщина.

Наверное, у большинства актеров путь в искусство начинается по крайней мере в одном отношении иначе: они с детства мечтают играть в театре, сниматься в кино. Я же, пожалуй, случайно стала актрисой.

Пришла я в театр, в тот самый, где работаю и сегодня, когда мне было шестнадцать лет. В то время я училась в школе в девятом классе. Пришла поступать в студию по совету друзей. Они были убеждены, что я стану актрисой, поскольку очень люблю театр. А все было проще. Я жила рядом с одним из рижских театров и именно потому часто ходила на спектакли; если не удавалось приобрести «лишний» билет, не особенно огорчалась, ибо времени на дорогу не тратила.

Я сдала экзамены. Девятиклассницу приняли в студию при театре скорее всего потому, что хотели поставить эксперимент, проверить, по силам ли школьнице выдержать двойные нагрузки, сможет ли она учиться в школе и в студии. Я выдержала, поскольку отличалась хорошим здоровьем.

Мои родители не были связаны с миром театра, они простые, деревенские люди, и я жила в атмосфере, далекой от мира искусства. Отец умер девятнадцатилетним, за четыре месяца до моего рождения. Мама расплакалась, когда узнала, что дочь поступает в театр. В той среде, где я росла, считалось, что театр — это легкомысленная, чуть ли не распутная жизнь, где молодой человек запутается, станет на неверную дорогу. Тем более трудная доля у женщины-актрисы. Театр пугал хотя бы потому, что зрители нашего круга воспринимали все образы, все любовные истории слишком буквально, не умея отделить образ от актера.

Мы справедливо беспокоимся сегодня о молодых актерах, размышляем о том, как поддержать их, помочь им — говорю сейчас не только о творческой опекунше, — а в те первые послевоенные годы, когда начинали мы, об этом думали меньше. Жили неважно, прямо скажем, бедно. Скучный стол, более чем скромная одежда. Впрочем, то время было трудным для всех, не только для молодых. Разумеется, приходилось подрабатывать: на съемках или на радио. Выручала физическая работа, особенно летом, в свободное время: в одном месте

огород вскопаем, в другом косим сено, в третьем убираем картошку.

Навык к труду у меня был. Я начала работать рано, работа вошла в меня, в мой характер с детства, и это мне помогает всю жизнь. Как-то меня спросили: вы помогали своей маме пасти корову? Видимо, трудно молодым представить, что нам приходилось работать на хозяев. У нас при нашей бедности коровы не было и быть не могло — я пасла хозяйский скот, была в поле от зари до зари. Признаюсь, что одной было страшно, успокаивало только то, что рядом собака. С тех пор я и люблю собак.

Мама работала и поденщицей, и уборщицей, и эконошкой — в богатых семьях — ведь детство мое пришлось на годы буржуазной Латвии.

Молодым актерам хлеб их доставался нелегко. Но не помню, чтобы жизнь нас угнетала. И это не поправка на память, из которой, как известно, со временем стирается все плохое.

Рубрика, в которой предложили мне выступить, называется «Автобиографии», но я хочу рассказывать не столько о собственном пути и уж, конечно, не обо всех спектаклях, в которых участвовала, или фильмах, в которых снималась, но о том, чему научила меня жизнь и работа в театре, кино и на телевидении. Жизнь и работа в искусстве.

Мой путь к Офелии, Джульетте, Кристине был непрост.

Когда мы переехали в Ригу, то жили в доме, который и сейчас стоит недалеко от 6-й средней школы, где учится моя дочь. У владельца дома мама работала эконошкой. У них было трое детей. Жених одной из девушек, юрист, был почему-то очень внимателен ко мне, и девочке, растущей без мужской руки, это было необыкновенно приятно. Он играл со мной, учил читать, серьезно разговаривал о вещах, о которых с детьми обычно не говорят, и потому я долгое время мечтала стать юристом.

В этом же доме в скромной квартирке жил родственник хозяев. Помню, что он был очень большой и очень красивый. Он был артистом гастрольного театра, который существовал в то время в Риге. Артист учил меня играть на скрипке.

В этом доме собирались известные певцы, художники, литераторы. Видимо, кто-то из хозяев был меценатом. Я мало что помню, тем более что слушала и разговоры и музыку издали.

Завидую тем актерам, кто «с младых ногтей» жил в мире искусства, кто в 6—7 лет, а то и раньше попал на этот счастливый праздник — театральные спектакли, у кого и дома папа, мама, бабушка говорили о театре, о музыке, о книгах.

Мне пришлось наверстывать, догонять тех, кто имел фору.

Моим учителем был театр. И если профессор Хиггинс учил Элизу Дулиттл тонкостям языка, то меня театр учил самому главному — искусству жизни.

Обстановку в Латышском драматическом театре определял наш учитель, главный режиссер Эдуард Смильгис. Вместе с Яном Райнисом создавал он новый, истинно творческий и народный театр. Эдуард Янович являл собой пример полной отдачи театру, он сумел внушить нам любовь к искусству, помог понять, что служение театру — главная цель жизни каждого из нас.

Наш режиссер хорошо знал, что нужно ему для театра, для его театра.

Театр, руководимый им, всегда отличался приподнятостью, лиричностью и одновременно масштабностью спектаклей. Инсценированные Смильгисом про-

изведения Яна Райниса были неизменно увлекательны и оригинальны.

Я оказалась среди тех людей, в которых главный режиссер верил. Наверное, поэтому я совсем мало «ходила в масковке». Первая роль была в пьесе Скриба «Стакан воды» — роль Эбигейл, работающей в ювелирном магазине. Сначала мне была трудна эта изящная комедия, но потом я вписалась в ансамбль.

И вот однажды мне дали роль, которая определила и мою судьбу и мое амплу на многие годы, — я получила Джульетту.

Сыграла я в этом спектакле как будто бы неплохо. Мы были на декаде латвийского искусства в Москве, играли среди других и «Ромео и Джульетту», меня, как и моего партнера Эдуарда Павулса, хвалили безмерно. Любопытно, что, когда в 1977 году мы были в Москве на гастролях, ко мне подходили люди и вспоминали наш спектакль, сыгранный двадцать один год назад.

Это была творческая удача, которая стала этапной. Играла я с тех пор хорошие, нежные, очень женственные роли. Например, Нину Арбенину в «Маскараде», Лелде в спектакле по пьесе Райниса «Играл я, плясал», Офелию в «Гамлете».

Я была уже заслуженной артисткой, но все еще сомневалась в том, что я актриса. Может, и вправду стоило стать юристом, мечты детства и юности дороги каждому из нас.

Я вспоминаю свою Джульетту с особым удовольствием, потому что героиня Шекспира дала мне не только так необходимую веру в себя, но и помогла определить свое лицо в театре.

Искусство быть женщиной

ДЖУЛЬЕТТА. Моя, как море, безгранична нежность И глубока любовь. Чем больше я Тебе даю, тем больше остается: Ведь обе — бесконечны.

Нежность и любовь — естество Джульетты. Это много, очень много, если речь идет о женщине вообще. И мало, очень мало, если говорим мы о сегодняшней женщине.

Какая она — моя героиня, образ которой я создаю на сцене, вместе с которой — реальной, такой непостижимо сложной — работаю, еду в вагоне поезда, плачу в сберкассе деньги за квартиру, у которой покупаю сахар или овощи?

Я выступаю не только в классических ролях, но и в ролях современных женщин. Они непохожи одна на другую, и все-таки у них много общего. Какой, по моим представлениям, должна быть современная женщина? Доброй и умной. Ласковой и внимательной. И обязательно нежной.

Хороших, интересных ролей было у меня в театре много. Когда я играла классические роли — возвышенных, необыкновенных женщин, — я тянулась за ними, они накладывали свой отпечаток на мою жизнь, на мое отношение к людям.

Актеры говорят, что если бы мы, исполнители, от каждой сыгранной роли могли взять одну или две черты характера, то со временем стали бы прекрасными людьми. К сожалению, так не получается. Жизнь идет своим чередом. И у нас тоже могут

появиться те черты, которые аккумулируются в отрицательных образах.

Совершенствование человека, тем более молодого, не всегда ассоциируется с прямой линией.

Я выхожу на сцену в роли сегодняшней женщины, такой обыкновенной и такой прекрасной, смотрю в зал, большую часть публики составляют женщины, и я думаю о них, об их хлопотах, заботах.

Я вижу, как изменились женщины, которые приходят сегодня в театр, вижу в зале очень много молодых лиц. Вижу, что девушки хорошо, нарядно одеты. И радуюсь этому.

Есть красивые вещи, но они, если учесть заработки молодых, стоят дорого. Вижу, как нелегко решают проблемы своего гардероба мои младшие подруги по театру. Молоденькие актрисы получают небольшую зарплату. Меньше, чем их сверстницы-работницы, занятые в промышленности, в легкой, например. Выход у них один — заниматься самообслуживанием. И потому-то едва ли не все актрисы вяжут сами. Они, в том числе и более молодые, одеты красиво, элегантно, нестандартно, потому что каждая может связать такую кофточку, которую не увидишь ни в каком журнале мод. У молодых необыкновенно интересные наряды. Может быть, кстати, и потому, что у них меньше пока семейных забот. Думаю, что многие из них как раз в возрасте читательниц «Смены», и оттого я и напоминаю милым нашим девушкам о возможностях, которые заложены в искусстве вязать и шить. Попутно замечу: убеждена, что каждая женщина должна уметь вязать, сама ухаживать за собой, делать оригинальную, гармонирующую с ее обликом прическу.

Женщина — дома, женщина — на работе, женщина — во власти сферы обслуживания. Едина в трех лицах, равно талантлива во всем.

Социализм, новая Конституция обеспечивают нам все права. Вы только подумайте, как много потеряло бы общество, если бы талантливые женщины, одаренные музыканты, математики, химики, медики, педагоги, механизаторы, остались дома, не смогли выявить свои возможности.

Но иные женщины слишком уж стремятся походить на мужчин, они утрачивают женственность, и тогда... Тогда женщина, венец создания, низводится с пьедестала.

Много ли надо женщине? Очень! Не только чтобы ей помогали. Но и чтобы любили ее. Чтобы восхищались ею. Женщина расцветает, когда она окружена вниманием.

Я нередко бываю среди молодых людей, да и дома у нас часто собираются товарищи и подруги сына, он человек, как модно сейчас говорить, коммуникабельный, легко сходится с людьми. Хорошие это ребята! Я вообще высокого мнения о сегодняшней молодежи, решительно не понимаю тех, кто с осуждением произносит при первой же возможности: «Ну и молодежь пошла!» Разумеется, дурные черты юношей прежде всего бросаются в глаза, но именно потому, что такие парни — исключение: на норму, на привычное меньше обращаешь внимания, опять же как раз потому, что это привычно и обыденно. Сегодняшняя молодежь отличается от моих сверстников, чья юность пришлась на послевоенные годы, богатым интеллектуальным багажом, запасом знаний и сведений, но им всего этого мало, они требуют все новой и новой информации. Интересуются многим и с высокими мерками

Фото Бориса ЗАДВИЛЯ

подходят ко всем, кто их окружает, в том числе и к взрослым, их воспитывающим.

Понятно, видимо, что с особым интересом присматриваюсь я к девушкам: у меня ведь тоже растет дочь.

Сегодняшняя женщина. Моя современница. В жизни. На сцене.

Обязывающее понятие — современность!

Как мне кажется, современность в искусстве — это не нарочитое стремление к новизне, к необычности, неизбежно связанное с отрицанием сложившегося и устоявшегося. Это — тонкое чувство времени. Изыск ради изыска я отвергаю. Лишь бы не так, как было, не так, как принято, — по-моему, это дурной лозунг. Подлинное искусство не может быть несовременным. Классика, возвращенная на сцену, всегда современна, ибо современно ее прочтение, ибо режиссер, обращающийся к Чехову, Горькому, Райнису, Ибсену, беспокоится о том, что вынесут из театра наши современники. Какие мысли пробудит, какие породит чувства спектакль, поставленный по пьесе, написанной в начале века или несколько столетий назад. А вот некая «актуальная вещичка», написанная как отклик на какое-то сегодняшнее событие, может быть завтра забыта. С другой стороны, глубокий спектакль о современности несет порой такие мысли, что его и сегодня можно причислить к классике. Не внешние приметы времени, но глубина постижения мира — вот критерий современности. И иногда нынешние наши заботы лучше поймешь, посмотрев Чехова, чем кого-то из авторов, родившихся три или четыре десятка лет назад...

И снова возвращаюсь к размышлениям о современной героине в театре, о современной женщине, не всегда, увы, проявляющей интерес к театру.

Недалеко от школы, где занимается моя дочь, расположен овощной магазин. Магазин как магазин. Работа не всегда чистая. Морковь, картофель, свекла, сами понимаете, не каждый день попадают в идеальный состоянии. Поскольку я живу в нашем районе двадцать пять лет, то все продавщицы вокруг мне знакомы, в том числе и в этом овощном магазине. Вот одна из девушек. Работает в чистом халате, в шапочке, иногда заменяемой косынкой, в резиновых перчатках. Все мило и скромно. Иногда я встречаю ее после работы, она выходит из магазина нарядная, красивая, чистенькая, и, поверьте, я с искренним удовольствием любуюсь ею, непроизвольно улыбаюсь, глядя на эту милую девушку. А рядом, тоже недалеко от нас, есть другой овощной магазин. Там за прилавком стоит моло-

дая женщина, она недурна, но бросается в глаза по иной причине: у нее яркие блестящие серьги, ожерелье, на пальцах — перстни, и она в этом наряде развешивает свеклу и соленые огурцы. Неужели непонятно, насколько все эти украшения неуместны здесь, в овощном магазине!

Любая профессия требует своей формы, любая работа, любое занятие требуют соответствующей экипировки. И чтобы было удобно работать. И чтобы не быть смешным. Обыкновенного чувства меры — вот чего часто не хватает женщинам.

Как формируется вкус? Не только на лекциях по эстетике. Не только годичный, но и пятилетний курс ничему не научит, если человек не присматривается внимательно к миру, если равнодушен он к книгам, к искусству, если не стремится настойчиво понять, почему то хорошо, а это плохо. Если, наконец, кругозор его ограничен скудным, унижающим человека девизом: «А мне-то что? По мне лишь бы не хуже, чем у людей».

Человек призван интересоваться многим. Я не знаю, на каждой ли должности необходим кругозор, но знаю, что актеры любопытны, как дети, — их понуждает к этому самая работа.

Мужчины знают обычно больше, чем женщины. И о космосе, и о хоккее. Женщины это объясняют тем, что у сильного пола больше свободного времени. Да, это так. Но и женщина должна интересоваться жизнью, хотя времени не хватает, хотя семья, дом, быт отнимают все время. И если меня приглашают, скажем, на какое-то предприятие, то не из вежливости к шефам, к людям, встречающим меня на заводе, я рассматриваю все, что мне показывают, — чем больше я буду знать, тем легче будет жить, не только работать: в конце концов я, может быть, никогда и не сыграю роль, связанную с развитием металлургического производства или с использованием электроники в современной телеаппаратуре.

Сегодня у каждого из нас громадные возможности познать мир. Не обязательны дальние поездки или постоянные дискуссии с учеными — их с успехом заменяют «Клуб кинопутешествий», передача «Очевидное — невероятное», десятки периодических изданий и сотни книг.

И еще одно соображение. Мы живем не на закрытом для всех ветров острове — на нас действует весь мир: идеями, модами, слухами. Говоря о моде, я думаю не только и не столько об одежде, сколько о моде на идеи, на искусство, на литературу. О моде отношений друг с другом. О моде на характеры.

Два десятка лет назад овладели воображением читателей герои Хемингуэя, ценились личности героические, суровые, крепкие. Потом явилась мода на «женственных» мужчин: на смену бородке, не всегда, правда, уместной, пришли кружевные сорочки.

Естественно стремление к красивому. Хорошо, конечно же, когда человек понимает, что красиво, а что нет, что идет ему, а что противопоказано, но все-таки за всем этим не должно теряться что-то большее — стремление стать личностью. Вот говорят же девушки о своих женихах, поклонниках или друзьях — «интересный парень», имея в виду не только то, что он высокий, стройный брюнет. Так, наверное, хорошо бы, если и молодой человек сказал о девушке: какая интересная, — думая не только о ее прекрасных громадных глазах и идеальной фигуре. Думая о личности.

И тогда не будет разочарования, обид, взаимных неудовольствий.

Разочарования, огорчения сопутствуют едва ли не каждому из нас. Жизнь не ровный проспект, где нет ни ухабов, ни колдобин, где и споткнуться вроде бы негде.

Что же касается искусства, то возвышенный мир прекрасного — особенно сложная, а порой и просто неблагоприятная сфера жизни. Искусство заманчиво, прекрасно, но и коварно, неверно. И прежде всего кино, которое может за-

бывать человека едва ли не сразу же после его взлета.

В театре иная ситуация. В театре мы живем всю жизнь. И здесь, как и в любом другом постоянном, сложившемся коллективе, многое зависит от внутренней атмосферы.

А у каждого — свой подход к товарищам, к друзьям, к коллегам. Я, в частности, люблю нежных, ласковых и не люблю резких людей, хотя жизнь требует порой резкости и решительности. Но резкость, взрыв должны быть редко.

Однажды во время моей молодости случился эпизод, который я буду вспоминать всю жизнь.

В театре репетировали «Анну Каренину». Я была занята в маленьком эпизоде со Стивой Облонским. У Толстого есть абзац, в котором упомянута балерина Маша Чибисова. Сцена с Машей была введена в спектакль только для того, чтобы Лилита Берзина, ныне народная артистка СССР, которая играла главную роль, могла переодеться.

Стива, которого играл Артур Димитер, ставший позже моим мужем, дарил балерине какие-то бусы, получалась довольно кокетливая сцена. Время мы, одним словом, тянули успешно: Смильгису сцена нравилась.

И вот как-то во время работы над спектаклем я тихонько зашла в зал, чтобы посмотреть репетицию. Это было разрешено. Не зная, что нельзя занимать места в четвертом ряду, я села с краю именно на этот ряд.

И вдруг слышу грозный и недовольный голос Смильгиса:

— Кто там сидит?

С недоумением тихонько ответила:

— Я.

— Кто это я? Ну-ка уходите!.. Из зала...

Репетиция остановилась.

Я буквально обалдела. За что же так? Вышла и расплакалась от обиды. В театре в это время был руководитель нашей студии заслуженный деятель искусств Эмиль Мач, превосходный педагог и прекрасный человек. Ему-то я и крикнула:

— В этом театре я работать не буду, не буду, не буду!..

Решение мое было скорым, но твердым. Быстренько собрала все свои вещи.

Подходит Мач:

— Куда ты?

— Я ухожу и больше сюда не вернусь.

— Тебя уже зовут, иди, твоя сцена...

Бедняккая, ты и не догадываешься, что каждого из нас раз по десять прогоняли с репетиции, когда мы, как и ты, мешали, а ты мешала работать, поскольку села близко к сцене, отвлекая внимание режиссера и артистов...

Надо сказать, что около четвертого ряда шла дорожка, и Смильгис там во время работы ходил.

Позже я поняла, что Смильгис иногда бывал умышленно резок, умышленно шел на какой-то взрыв, потрясение, чтобы потом царил на репетиции внимание и сосредоточенность.

Естественно, что меня уговорили, я вернулась: любовь к театру была уже столь велика, что отказаться от любимого дела было решительно невозможно.

Я выскочила на сцену с красными глазами. Смильгис ходил около меня кругами, чуть ли не заискивая. Демонстрируя свое расположение, он громко похваливал меня: «Хорошо, хорошо», — как будто все забыл, как будто ничего не случилось.

Молодые люди обижаются более глубоко, когда с ними обращаются незаслуженно резко. Я и сейчас, по прошествии многих лет, не убеждена, что Смильгис поступал правильно. Дисциплина в театре была замечательная, ходили тихо, не шумели, не перекикивались, все было постоянно мобилизовано и работало с полной отдачей. Ради успеха спектакля могли, кажется, пролезть через игольное ушко.

Дисциплина и организованность проявляются прежде всего во внутренней сосредоточенности и собранности чело-

века. Они приобретаются с годами, когда мы учимся сами справляться с собой. Ничуть не странно, что усталость проявляется в молодости больше, хотя, казалось бы, сил в эту пору хоть отбавляй. Потом, в зрелые годы и, надеюсь, позже, ближе к старости, все дается легче: спасают тренаж, отменная подготовка, тренированность и ритм, которые долгие годы определяли всю жизнь. В молодости сил и энергии много, но мы не умеем пользоваться ими разумно. Со временем учишься планировать — не в благих пожеланиях, а реально — свое время и свои усилия: утром сделать то-то, днем — что-то следующее, так, чтобы еще остались силы и на вечер. Однако сил требует не только вечерний спектакль, но и дневные репетиции: ведь именно в эти часы закладываются успехи будущего спектакля.

Мы, актеры, работаем в коллективе: в киногруппе или в театре. И должны подчинять свои интересы, свои творческие устремления коллективной воле, общему разуму, единой благородной цели. Даже если кажется тебе, что следует сыграть так, а не этак, ты должен тем не менее согласовывать свои представления с общей идеей произведения, с общим замыслом, который воодушевляет твоих товарищей по творчеству.

Индивидуализм — не индивидуальность, которую следует бережно хранить. И это касается не только театра, но и будничной нашей жизни. У меня вызывает возмущение пренебрежительное или по крайней мере невнимательное отношение к тем, кто рядом. В автобусе, трамвае, троллейбусе я вижу немало индивидуалистов, которых точнее было бы назвать эгоистами. К сожалению, чаще всего это женщины. Они, видимо, полагают, что им в жизни досталась самая трудная доля, и потому не сдерживают себя, не желают сдерживать, распускают свои нервы и тем самым портят настроение всем окружающим.

Я думаю, как важно беречь людей, и дальних и близких. Не срывать, если на работе нелады, если устал в дороге, в очереди. Не шлепать подвернувшегося некстати сына, не кричать на дочку, испачкавшую скатерть.

Увы, и я не выдерживаю. Перегрузки расшатывают нервную систему. Но злость всегда некрасива, она унижает нас, сокращает жизнь нашим близким. Нельзя опускаться до уровня склоки ни на работе, ни в магазине, ни в переполненном утреннем автобусе.

Эта раздражительность, почти злоба — самое отвратительное, что угнетает меня более всего. Если бы женщина, срывающаяся, несдерживающаяся, только знала, какой некрасивой она становится, как непривлекательна она в эти мгновения!

Порой мне говорят, что я слишком много времени отдаю выполнению общественных обязанностей. И в самом деле — уже восемь лет подряд избирают меня коммунисты секретарем партийного бюро театра. Естественно, что это во многом определяет мою жизнь и мои профессиональные устремления. Очевидна повышенная ответственность, с которой я должна относиться к делу, к миру нашего театра. Вот, допустим, меня отпускают из театра на пару месяцев для съемок в кино. В таком случае актер обычно приходит в театр только на свои спектакли, мне же приходится бывать не только на партсобораниях, на заседаниях партбюро, я должна держать в поле своего внимания все, что происходит в театре. Помнить, что надо сделать, куда сходить, с кем побеседовать. А коллектив театра — свыше трехсот человек.

Но у меня есть и другие заботы — уже пятнадцать лет работаю во Дворце культуры завода ВЭФ. Я там бываю, разумеется, не каждый день, но стараюсь оказать посильную помощь, прежде всего советом, профессиональной консультацией. Кстати, я против укоренившейся практики, когда народным артистам дают пятнадцать общественных поручений — и члены редколлегий они, и члены худсоветов, и члены комитетов

в общественных организациях, и шефы, и председатели обществ, и прочее, и прочее. Думаю, было бы полезнее для заводского театрального коллектива, чтобы занятия вел кто-то из менее занятых, но непременно хороших актеров, а скажем, я раза два-три в год играла бы вместе с самодеятельностью в той пьесе, что идет в нашем и в народном театре.

Во Дворце культуры ВЭФ работают двадцать восемь коллективов, это хорошо организованная самодеятельность рабочих, служащих, членов их семей. Эти подвижники заслуживают уважения. Народный театр и народный хор Дворца широко известны, они отличаются высоким, без преувеличения, профессиональным уровнем исполнения. Недавнее постановление ЦК партии «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества» обязывает нас со всей серьезностью относиться к свободному времени трудящихся, к развитию самодеятельности.

А недавно вместе с художественным руководителем нашего театра Арнольдом Артуровичем Линыным, народным артистом республики, я включена в художественный совет Министерства культуры СССР. Значит, появятся какие-то новые обязанности.

У меня много хороших друзей, с которыми я поддерживаю оживленные связи: ребята из системы профтехобразования, наши воины-артиллеристы и пограничники. Я выступаю перед старыми членами партии, революционерами, участниками войны. Пусть все это не слишком часто, два-три раза в год, но в сумме набирается столько вечеров, что времени свободного уже решительно не остается.

Но верю, участие в общественной жизни необходимо, ибо оно душевно и нравственно обогащает. Я была делегатом XXIV съезда КПСС, и это дало мне чрезвычайно много. Я видела людей, которых в другом месте встретить не смогла бы, я видела весь цвет страны. То были самые простые выдающиеся люди. Прекрасные люди.

Художник живет в реальном мире, опасно замыкаться в кругу собственно художественных проблем, но служение музам не терпит суеты, и крайне важно в постоянных наших хлопотах и заботах не утратить ту путеводную нить, что и ведет актера к истинно прекрасному.

Играть не поздно никогда...

ДЖУЛИЯ. Ты прав. Я выдохлась, опустошена. Чувствую себя ужасно жалкой. Остается одно — уехать...

Это говорит Джулия Ламберт, героиня романа Сомерсета Мозма «Театр». Двухсерийный фильм по роману снимает для Центрального телевидения на Рижской киностудии заслуженный деятель искусств Латвийской ССР лауреат премии комсомола Латвии Янис Стрейч.

Мне немного жаль Джулию. Годы безжалостны, и юность, увы, не вечна. Но можно ли сдаваться, уступать времени?

Так меня воспитывали, так растили, что никогда в жизни, тем более в последние годы, когда время уже берет свое, я не завидовала юным.

Наверное, мне повезло: я получила в театре многое. Много играла в каждом возрасте — своих ровесниц, и это подвело меня к мысли, что женщине незачем стесняться возраста. Конечно, каждой хочется выглядеть лучше, быть моложе, но не надо насиловать природу, время — каждый возраст прекрасен.

Звания народной артистки СССР я была удостоена в сорок лет. В драматическом театре это не частое явление.

Не чувствовала себя обойденной и, может быть, потому спокойно отхожу в сторону, отдавая свое место молодым, тем, кто идет на смену. На жизнь смотрю философски, помогаю, если могу,

младшим, помогаю, если умею, старшим. Отношусь к людям так, как хотела бы, чтобы относились они ко мне.

Героиня романа Мозма «Театр» Джулия Ламберт — образ своего времени с очень многими отрицательными чертами характера, героиня, которую автор романа явно недолюбливает, напоминает, что любая женщина держится, пока можно. Но понятие о возрасте меняется. Раньше даму около сорока называли пожилой, почти старушкой. А теперь тридцать уже и не возраст. Да и в сорок многие женщины умудряются выглядеть девочками.

Впрочем, не убеждена, что это нужно.

Мудро поступает руководство нашего театра, полагая, что каждый должен играть то, что ему — по возрасту — положено. И я согласна, что Аркадина в «Чайке» ближе мне сейчас, чем Нина Заречная. Аркадиной по пьесе сорок два года. Сейчас я понимаю, что это пора расцвета, лучший, идеальный возраст для актрисы. И важно, думается мне, передать внутреннее самочувствие Аркадиной — как она держится, как борется за свое право остаться собой.

Но ведь каждая женщина, не только актриса, должна как можно дольше держать свои позиции, не уступать времени. И тем не менее трезво смотреть на свой возраст.

Офелия. Элиза — мое прошлое. Сегодня я играю иные роли. В «Обмене» по повести Юрия Трифонова исполняю роль матери, женщины, которая, в общем, приносит своей дочери несчастье.

Не боюсь играть такие роли — всему свой черед. Прежде была Джульетта, а теперь вот миссис Джулия Ламберт, королева лондонской сцены начала века, актриса моего возраста, влюбленная в молодого человека 24 лет.

Сейчас время, когда молодые играют все более важную роль на ударных стройках. На заводах. В науке. И в театре тоже. Вот, например, нашему главному режиссеру Арнольду Линыну сорок с небольшим лет, а он уже руководит крупным академическим театром, привлекающим пристальное внимание, всегда заполненным публикой. Арнольд работает хорошо, очень хорошо. Этот талантливый педагог уже выпустил две труппы. Он общительный и душевный человек, близко к сердцу принимающий все, что связано с театром...

Творческая жизнь моя неразрывно связана и с кинематографом.

Впервые я снялась в фильме по сценарию Федора Федоровича Кнорре «После шторма», потом я снималась каждый год в картине, а то и в двух-трех, затем пришел черед «Родной крови» также по сценарию Федора Федоровича, где я сыграла Соню, и этот образ мне особенно важен и дорог. В общем, я снялась уже в тридцати с лишним фильмах.

Не все роли были удачными, не все крупными, но я помню их, все они что-то дали мне, чему-то научили.

К числу удач отношу несколько работ в кино. Она в «Никто не хотел умирать», Кристина в «Эдгаре и Кристине», пани Лисовская в фильме «Сильные духом» — в основу этой роли лег большой жизненный материал, история жизни человека необыкновенно трудной судьбы.

Люблю характерные роли. Их трудно, но неизменно интересно играть. С удовольствием вспоминаю старушку, которая на самом деле была лейтенантом милиции, в комедийном фильме «Подарок одинокой женщине», очень раскритикованном кинокритиками.

Жизнь идет своим чередом, не оставляя свободного времени, поглощая целиком, и я счастлива, хотя многого не успеваю, на многое не хватает времени. Но ведь, наверное, так складывается жизнь у многих, у большинства женщин.

Жизнь сложна и увлекательна. И счастлив человек, который идет с ней в ногу. Вровень с веком.

Хлебушка без корочки не бывает... Но разве это плохо? Разве не становимся мы богаче, преодолевая трудности, охраняя характер?

НА МОРЕ ВИДИМОСТЬ НОЛЬ

Валерий ПОВОЛЯЕВ

РАССКАЗ

Моему брату в Москве

Странное дело, последние десять дней, пока они шли в порт, Володька Сергунин, засыпая вечером, каждый раз чувствовал на своем лице прохладную ласковую ладонь — Галкину ладонь — и при этом счастливо вздрагивал от легкого прикосновения и открывал глаза, надеясь на невероятное, надеясь увидеть ее рядом. Но невероятно не было. А был темный кубрик, басовитый храп Вени Фалева, говорун-заики (в легком весе, как сам он определил собственное заикание), ругателя и мастера играть на гитаре — вон сколько достоинств; были узенькие койки в два яруса, понизу и поверху, вдоль стенок — все было, но только не Галка. И Володька, засыпая вновь, жмурился от вязкого, щемящего чувства, и ему становилось одиноко и беспокойно, и во рту появлялся вкус горького, будто сжевал метелку полыни. Но судно шло домой, шло в порт приписки, и всем им, морякам теплохода «Нева», предстояла встреча с землей, на которой они жили, которая родила их и вскормила, — и это было главное, и отметались, отставлялись в сторону все чувства, все сантименты, кроме одного — чувства встречи с Родиной. И все равно вечером, намотавшись за долгий, нудный день, Володька, когда закрывал глаза и погружался в полусон-полузабыть, чувствовал Галкину руку на своем лице. Рука ее была гладкой, мягкой, от нее пахло чистотой, хорошим мылом, пальцы, едва прикасались, гладили его глаза. И Володька, медленно смежая и размежая губы, целовал эту руку чуть пониже запястья, там где билась-вздрагивали плоские, едва заметные жилки. И еще ощущал запах собственной сигареты, которую он курил в последний раз при встрече с Галей, — «Золотое руно», таких ни у кого в их команде не было, из Москвы привез, там покупал. Он тогда ночью, лежа в постели, решил закурить — и закурил, затянулся два раза, потом положил сигарету на узкий срез кованой металлической пепельницы, концом вниз, а мундштуком вверх, к стенке, а Галка извлекла эту сигарету и докурила, легко втягивая в себя дым и выпуская его поверх Володькиного лица. Руки ее тогда пахли хорошим запахом душистого «Золотого руна». Сигареты давно уже кончились, а дух их, горький и нежный, сохранился... И вон ведь как — возникал, когда он думал о Галке. С последней их встречи, ой-ой, сколько воды утекло, целых пять месяцев прошло, побывал за это время матрос первого класса Владимир Сергунин в Африке, в Австралии, на Цейлоне, в Гонконге, и шел теперь их «карап» домой, в порт, на родимую Камчатку, в Петропавловск. И осталась уже за бортом Япония, с ее окончательным северным островом Хоккайдо, синевато-папиросным, дрожащим в бледном угарном дне, и наши Курилы с Кунаширом, увенчанным двумя вулканами — Тятя и имени Менделеева, правда, Володька не знал, на Кунашире эти вулканы расположены либо за ним, на каком-нибудь другом курильском острове, — читать-то про вулканы он читал, а на Кунашире так ни разу и не был. Не довелось. И уже тянулась вдоль борта Северокурильская гряда. Сквозь сон до него доносилось мерное глухое постукивание машины — огромного, вышиной с трехэтажный дом дизеля, тугой, будто резиновый, плеск воды, которую «карап» их давил своим тяжелым, разношенным, старым телом, редкие, охрипшие гудки — переключки с судами встречными; доносился и запах здешнего моря, который был иной, отличным от других — свой, домашний, от него щемяще-сладко сжимало виски, обрывалось сердце, уносилось вверх, подступало к самому горлу, колотилось там обрадованно... Еще немного, еще совсем чуть-чуть, и «карап» их придет домой, в Петропавловск.

Днем море было иссиня-бирюзовым, бездонным, с шипящей, пузырчатой, словно газировка, водой, холодным — чувствовалось, что с севера надвигается холод, плывут никогда не тающие льдины, вокруг крутились суетливые драчуны-чайки, ныряли в пенный след, выхватывали из воды мелкую рыбешку, поднятую наверх винтом.

Когда в кубике никого не было, Володька доставал свой желтый скрипучий, с роскошными бронзовыми замками чемодан, приоткрывал крышку и пальцами мял белую струистую ткань платья, лежащего в чемодане сверху, и на лице его, круглом, выжидающая, беспокойная улыбка: это белое платье — для Галины, французское, от самого Ива Сен-Лорана, в Австралии купил, собрав все деньги, что у него белее, — они также для Галки, и клипсы (хотел купить сережки, но их ни в одном границей сережек не носили), и два перстенька, один с бирюзой, яркой, как котором застыла какая-то древняя крохотная мошка с коротенькими лапками. Бирюза — это то, что Галка любит, это должно прийти к ней по вкусу. Говорят, что прозрачным и чистым, когда попадет в руки человека хорошего, доброго, преданного, и, наоборот, темнеет он, наливается дождевой тяжестью, хмуростью, если оказывается у женщины злой, бранчивой, завистливой. Вон какая хитрость в простом голубеньком камне заложена, что хотела бы баба скрыть свое лицо, да не скроешь, не дано — бирюза все расскажет.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Вчера поутру его за этим занятием, за разглядыванием чуть не застали. Раздался топот, в кубрик, быстро давая ботинками ступени лесенки, скатился Веня Фалев, долговязый, с большими смешливыми глазами, чуть прикрытыми спокойными, какими-то ленивыми веками, хлопнул себя ладонью по животу:

— Ч-что, Володечка, к Петропавловску г-готовишься, чемоданчику ревизию п-проводить?

Володька щелкнул бронзовыми замками, задвинул чемодан под койку.

— Да вот...

— И смущаться н-нечего, правильно делаешь. — Веня потянулся, закинул руки за затылок, зевнул протяжно, округлив обветренные губы: «Из-э-э», — почмокал сладко, будто во рту у него была шоколадка. — Поспать бы с-сейчас. Минуточек так ш-шестьсот. А п-проснувшись, видеть прямо по к-курсу «братьев», а?

«Братья» — это две торчащие из морской глубины скалы у самого входа в длинную, как мешок, Петропавловскую бухту. А от «братьев» до портовых причалов рукой подать — всего час ходу. Всего час...

Фалев завалился на койку, свесил на пол длинные, слабо гнущиеся в коленях ноги и бастово, прямо лев африканский, пригревшийся на жарком солнцепеке, захрапел.

Петропавловск, хотя его и ждали, появился неожиданно. В темноте, когда в небе еще играли, переливались, словно новогодние сверкушки, звезды, прошли еще вулканов — Авачи и Корякского — светились слабенько, розово, будто сукровицей окрасились, «карап» на малом ходу оставил справа по борту полузатопленный ржавый остов парохода «Теодор Нетте» — того самого, о котором писал Маяковский (пароходик этот был небольшой, одышливый, тихоходный, с маленькими квадратными оконцами кают). Низко осевшего в воду, его сейчас использовали вместо причала (а имя погибшего дипкурьера ныне носит современный океанский красавец, на который ржавый пароходик похож не больше, чем завалившаяся землянка на девятиэтажный дом).

В прохладных сухих сумерках утра вошли в порт. У Володьки даже скулы туго обтянуло от какой-то неустойчивой, щемящей боли, от тревоги ожидания, от чего-то вдруг ушедшего и не собирающегося возвратиться, он зажмурился, стряхнул в пальцем крупную теплую слезу, выкатившуюся из глаза, взгляделся в дома города, в низкую бетонную стенку причала, у которого стояли сухогрузы и большие морозильные траулеры, крохотули сейнеры и две огромные, пугающие своей величиной плавбазы, дизель-электроход, к которому прилаживался буксир-толкач, собирающийся вывести судно из портовой толчеи. Многочисленные краны ворочали своими длинными шеями, неугомонные и светлые, они выхватывали из корабельных трюмов тюки, ящики, контейнеры, все, что было доставлено в порт по морю.

— М-мандражируешь перед берегом? — спросил очутившийся позади Фалев.

— М-мандражирую, — в тон ответил Сергунин.

— П-пройдет, — сказал Фалев, — после первого п-поцелуя.

А причал все ближе и ближе, вот на борт уже надвигается низенький, похожий на передок гигантской ширины танка каменный парапет с неглубокими, почерневшими от постоянного полоскания водой выбоинами, раковинами, трещинами. И люди на парапете, все в нарядных одеждах. Кто-то пришел с транзистором, и в воздухе тает, растворяется тягуче-призывная, немного печальная вечерняя музыка (в Москве в этот час еще вечер, поэтому московская станция «Маяк», кажется, и передает вечернюю музыку), и Володьке от этой музыки становится совсем плохо, совсем грустно. Хотя, казалось бы, чего грустить, радоваться надо — прибыли ведь не к нелюбимой «теще в гости», а домой. К себе домой, в Петропавловск. Володька шарит глазами по толпе, ищет своих — находит мать, и вся печаль, весь холодный, знобкий неуют одиночества сваливаются с него, будто непомерно большая одежда, не имеющая пуговиц, он улыбается во весь рот и кричит счастливо, безудержно:

— Ма-ма! — Но мать то ли не слышит крика, то ли не различает его голос среди других голосов. — Ма-ма!

Володька ищет рядом с матерью Галку — ну где же она? И досадует на себя оттого, что не видит ее, кажется, зацепился один раз взглядом и тут же потерял. А не должен был терять — Галка ведь куда выше и приметней издали, чем мать, и ярче — материнские краски уже поблекли от времени, выгорели в военном и послевоенном жаре, обелелись, по всей голове седина, будто снег выпал, мать, не желая покоряться ей, красится хной, хотя и утверждает, что хну употребляет не для окраски, а от падежа волос, осекания и вообще от этого порошка, от хны, голова все время особо чистой бывает.

— Ма-ма! — еще раз кричит Володька, намереваясь спросить, где же Галина, но мать снова то ли не слышит, то ли не узнает его голоса. Не узнает... А? Что же это происходит, что же это делается? И Володьке все ж становится тревожно, сиротливо, простудно на душе — он вдруг начинает понимать, что произошло нечто непоправимое, а вот что — не может даже определить. Лишь краешком сознания подспудно чувствует — в Галке причина, в Галине... Почему нет ее? Неужели заболела, в больницу попала? Что у нее? Воспаление легких, ангина, корь — тут Володька дергает головой, зачем-то сплевывает за борт, это машинное, нервное: корь-то ведь детская болезнь, взрослой Галке просто не суждено ею заболеть, — а может, она под машину угодила и теперь, вся переломанная, изувеченная, лежит в реанимации? Сейнеры, плавбазы, длинношеие краны стремительно уносятся в море, припадают к небу, потом с сокрушительной, страшной высоты падают в море, в глубокую, спокойную воду залива, и странное дело — почему-то не слышно звука падения, будто их тяжелые тела ничего не весят, и нет взмывающих вверх удушливо-грузных водяных столбов.

— В-ваше благородие, госпожа п-победа, значит, моя п-песенка до конца не спета, перестаньте, ч-черти, клясться на крови, — запел за спиной у Володьки Веня Фалев, споткнулся, набрал воздуха, выдохнул, закончил тихо, с выражением непонятно каким — то ли радостным, то ли печальным, — н-не везет мне в смерти, по-повезет в любви. — Выдохнул, помолчал, проговорил по-прежнему тихо, ч-что-то совершенно не характерно для шумного Фалева: — Вот и земля н-наша. Сами из б-береговых пушек и грохот оркестровой м-меди. — снова запел. — В-ваше благородие, госпожа удача, для кого ты добрая, а к-кому иначе, девять граммов в секунду п-постой, не зови, н-не везет мне в смерти, п-повезет в любви, — ударил ладонью по крашеному поручню, ударил сильнее. — П-похоже, моя разлюбезная не п-приехала в-встречать. Пора точку ставить и освобождать паспорт от лишних записей, — повернулся, зашаркал подошвами по рифленым пластинам перехода, к себе в кубрик пошел. Он, похоже, ждал какого-то чуда, а чуда не произошло.

На материке, совсем недалеко от Петропавловска, у Вени Фалева находилась жена (впрочем, какая уж это жена, раз она не живет с Веней, одна формальность, факт в прошедшем времени, и только), и каждый раз, приплывая в порт, Веня ждал, надеялся, что она все-таки приедет встречать его, как это принято (радиogramмы он давал), но жена, видно, ушла от него окончательно, бесповоротно, и у Фалева каждый раз было такое лицо, будто он один на один столкнулся с бедой, с горем, с чем-то таким, что мешает человеку жить, быть счастливым и нужным на земле.

— В-ваше благородие, госпожа чужбина, жарко обнимала, да только не л-любила, в ласковые сети п-постой, не лови, н-не везет мне в смерти, п-повезет в любви, — издали донеслось до Володьки. Так с этой песней Фалев и ушел к себе, не мила ему была земля, где любимая изменила, предала его, увлеклась другим человеком. И Володька Сергунин прекрасно понимал Фалева.

На причале, расталкивая незнакомых кричащих людей, он протиснулся к матери, обхватив ее голову, прижал к себе и несколько мгновений стоял неподвижно, не в силах что-либо выговорить: слова пропали, истаяли, речи не было, будто язык отсох. Вот, черт возьми, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он сглотнул сухую, твердым комком наплавставшуюся слюну, закашлялся болезненно, затажно. Мать резко отстранилась от него, глаза покрылись испуганным туманом, стали влажными.

— Ой, сыночка, да ты никак простыл?

— Мама, а где Галка? — наконец спросил Володька.

— Ой, сыночка! — Мать достала из-за рукава кружевной платочек, промокнула им глаза. — Не думай о Гале, сыночка, — сказала она. — Не надо об этом.

— Мама, что с Галей? — тихо, из себя спросил Сергунин. — Что?

Мать опять промокнула платочком глаза.

— Не думай о ней, сыночка, — снова повторила она. Замолчала, всхлипнула. — Ушла она от тебя, сыночка. Познакомилась со студентом медицинского института... Игорем его зовут, во Владивостоке учится... У него там родители, квартира... Машина, говорят, есть... В общем, не ровня ты ему, вот Галина и переметнулась. И учиться во Владивосток перевелась, так-то, сыночка.

— Мама, что же это делается? — сквозь зубы промывал потрясенный Володька, до слепящей боли зажмурил веки, покрутил головой, отказываясь верить тому, что услышал. — Неужто это правда, мама?

— Правда, сыночка, — снова всхлипнув, ответила мать, страдая и за него, и за себя, и за непутевую Галку, и за всех их вместе, слезно сочувствуя сыну, переживая.

Володька приоткрыл глаза, замутненные слезой, неверяще заскользил взглядом по толпе, все еще отказываясь понять захмелевшим тяжелым мозгом случившееся, он поднял руку, словно заслоняясь ею от удара, медленно закрыл ладонью лицо. И вот какое дело — он почувствовал вдруг, что это была не его ладонь, это были Галкины пальцы, длинные, нежные, легкие, и даже запах чистоты, рождающий в мозгу удивление, жаркую радость, был ее запахом, вот ведь как. Не сдержавшись, Володька снова замыкал глухо и тоскливо, задавленный этим ощущением, услышал свое болезненное «м-м-мхх» как бы со стороны, превозмог готовые вырваться слезы — превозмог это, но сорвался в другом — ухнул в какую-то бездну, в пустоту.

И далекая мудрая улыбка появилась у него на лице, собрала старческую плетеньку морщин у глаз, остро сузила зрачки. Он долго стоял не двигаясь, находясь в самом себе, в изоляции, в пустоте, не реагируя ни на смех, ни на выкрики, ни на плач, ни на рывканье гармошки — на все эти приметы долгожданной встречи, радостного общения людей, даже не издавших друг друга, ни на что и ни на кого не реагируя. Поглядел поверх голов, увидел в дымовато-рассеянном утреннем воздухе вулканы. Вековечные атрибуты Петропавловска — два вулкана, Авача и Корякский, находились на своем месте. А куда им деваться? Вулкан Авача — огромный, с темным низом и ярко-коричневой, лаково поблескивающей на солнце макушкой, косо срезанной, с иззубренными краями, похожей на отбитое от пивной бутылки горлышко. Как-то в прошлом году Володька попросился к своему приятелю, бортмеханику на «МИ-4», пассажиром во время облета петропавловских вулканов. В вертолетном салоне находились вулканологи, от них-то Володька и узнал, что Авачинский вулкан, он живой, дышит, теплый он, потому на его макушке никогда, даже в самую лютую зиму, не бывает снега, вулкан же Корякский — мертвый, он не то чтобы весь в старом, никогда не тающем снегу, он, похоже, в вечный мрамор уже оделся, белый, с черными прожилками, и ни за что не сквернословить эту оболочку, не лишит вулкан его одеяния.

Кратер Авачи сверху напоминал огромную бомбовую воронку, из которой валил пар, видны были желтые проплешины — это выделялась сера, застыла янтарными подтеками, слоем на слой, бугрилась неровно, кое-где появлялись, перебежали с места на место неяркие, холодного брусничного цвета язычки пламени. У подножия вулкана была раскинута брезентовая, с тяжело обвисшими краями палатка, около которой топтались четыре тонюсенькие фигурки — вулканологи-полевики. Им «МИ-4» сбросил послание, закупоренное в полиэтиленовый пенал. Потом полетели назад в Петропавловск.

С воздуха вулканы, несмотря на огромные воронки, отвалы пемзы, не казались огромными, они почти ничем не отличались своим рисунком от рисунка земли — земля и земля, — а вот снизу, если посмотреть на них со стороны бухты, вулканы были преогромными, громоздкими, походили на набухшие нарывы.

По осени вулканы всегда спокойные, мирные — кажется, ничто их не заботит, не тревожит. А впрочем, какое сейчас дело ему, мужику-брошенке, матросу первого класса Владимиру Сергунину, до вулканов. Есть они или нет их, ему теперь все едино. Он резко выплыл из забытия, из одури, из пустоты, подвигал кадыком, сглатывая что-то соленное, кажется, слезы.

— Пошли, мама, домой, — сказал он.

Но и дома Володьке Сергунину не было покоя — в груди пекло, будто его ударили ножом, во рту было сухо и горько, словно он наелся злого зеленого перца, и совсем не проходило, не отпускало ощущение слезной обиды, и хотя Володька и понимал, что он должен быть, просто обязан быть мужественным, стойким, он никак не мог справиться с собой. Желтый кожаный чемодан он даже раскрывать не стал, отдал матери.

— На, разберись там с подарками. Что не нужно будет, снеси в комиссионку.

Что делать, что делать, что делать? Острое чувство надлома, униженности, скорби пекло его, он не находил себе места, ему хотелось покоя, а покоя не было. Будто и не существовало его вовсе на белом свете. И словно черное рядно кто накидывал на Володьку, и пыльно, душно, смертельно одиноко было ему под этим рядном, и вдобавок ко всему пронизывало его насквозь секущим ветром, неизвестно откуда берущимся и неизвестно куда пропадавшим. Он многое знал в своей еще короткой жизни, многое умел — и как из просмоленного каната в период голода наваристый борщ сварить, и как на необитаемом острове действующий телефон-автомат отыскать, и как костер запалить трением ладошки о ладошку, и как корабельную течь одной нижней рубашкой заделать, даже как боцмана превращать из злого тигра в ласкового цветочек — и это знал, но вот одного не ведал: каким снабжем можно замазать, залечить сырой рубец на сердце. И мучился от этого незнания, словно птица, срубленная на лету картечью и врезавшаяся со всего маху в землю; страдал, усыхая телом и мозгом.

Целый день после прибытия в порт он пролежал одетый, в ботинках и в форменке, дома на койке, щурясь болезненно, щупая глазами потолок, заглядывая в трещинки, раковины, черные узкие норы, проеденные древесным жучком, дышал тяжело и хрипло, будто простудный больной.

Неожиданно на улице хлопнула дверь машины, потом заскрипела калитка, и спустя какие-то миги на пороге Володькиной избы появился Венья Фалев с гитарой в руках, бренькнул пальцами по струнам один раз, другой, подмигнул Сергунину, запел:

— В-ваше благородие, госпожа п-победа, значит, моя песенка до конца не спета, п-перестаньте, черти, клаясь на крови, н-не везет мне в смерти, п-повезет в... — вдруг оборвал пение, хлопнул ладонью по гитаре, та отозвалась утробным, бултыхающим звуком. — К-кончай, парень, в прятки с самим собой играть. Б-бери шинель, пошли... за з-зарплатой.

Володька помедлил немного, потом послушно поднялся, сбросил с себя мятую форменку, сменил на новую, стираную, хорошо отглаженную матерью, почистил ботинки. Делал он все это машинально, по привычке, прислушиваясь к самому себе, к внутренней своей боли, к холоду, тугим обручем обжимающему грудь, к движению липкого комка, спекшегося внутри, пониже ребер. Да не нужна ему эта чертова зарплата, эти деньги, которые он намеревался истратить на свадьбу, все истратить, все, что он заработал в последнем рейсе, — две с лишним тысячи рублей полностью. На что они теперь ему, когда в дом пришел холод, когда он обманут, предан, на что они, зачем?

Венья Фалев сидел на табуретке, широко расставив ноги, побренькивал на гитаре и говорил поучительно:

— На п-прекрасных мира сего ты, Володька, — н-нуль внимания... Вот т-так себя держи. И тогда они н-на тебя будут вешаться, словно мухи на липучку. Гирляндю. Проверенный р-рецепт, классиками всемирной л-литературы п-подсказан. А ежели одна муха и сорвалась с липучки, так и лях с нею, ничего в этом с-страшного нет. Бери пример с м-меня, — Венья с грустью, которую он не мог сдержать, подкрутил несуществующие усы, — от меня жена ушла, а я и не п-печалюсь. Вчера на развод подал, а сам гоголем хожу, в ус не дую, с-сыт, пьян, и нос в табаке. И т-тебе советую — не журись.

Веньины слова не доходили до Володькиных ушей, они словно ударялись о какую-то заграду, и их, будто сор, уносило в сторону, в водоворот. А Володька ощущал себя сейчас тонущим кораблем, попавшим в страшный Бермудский треугольник где-нибудь у островов Пуэрто-Рико в Атлантике, где гибнут и суда и самолеты, исчезают, как гласит молва, совершенно бесследно, и каждая гибель отдается тревожным погребальным звоном колокола. В Англии, например, в конторе лloydовской компании по каждому погибшему кораблю бьет колокол. Венья

Фалев, всезнающий человек, даже называл имена судов, либо погибших в Бермудском треугольнике, либо ставших «летучими голландцами» — обезлюдившими, одинокими и страшными. За такими судами, как пенная полоса за кормой, идет недобрая слава, ощущение тлена, холода, вечного молчания, тишины.

— Вообще-то п-правы т-те, у кого в к-каждом порту подружка есть. Т-такого везде примут, накормят и обогреют, — талдычил тем временем Венья Фалев, пощипывая струны пальцами, будто перо из утки дергал.

Когда вышли из дома, Володька Сергунин заметил (только сейчас): какая же все-таки глубокая осень уже стоит в Петропавловске. Хотя погода и держится в самый раз, и тихо-тихо кругом, ни ветерка, ни движения воздуха, и темно-медные листья еще висят на деревьях, еще не оборвал их ветер, — в природе уже чувствуется перелом, приближение зимы. длинных морозных ночей, воя пурги и нездорового гудения заматаемых проводов, хриплого дыхания собачьих упряжек, на которых в Петропавловск приезжают с севера коряки, — да-а, скоро золотому осеннему покою наступит конец: еще совсем немного времени, нешумливого, умиротворяющего — и придется рвать финишную ленточку. Где-то в глубине души в такие дни рождается щемящая, очень острая и трудно одолимая грусть, ощущение такие дни рождается щемящая, очень острая и трудно одолимая грусть, ощущение далекого снега — первого, самого печального, вызывающего озноб. Ляжет снег на мокрую, тяжело вздыхающую землю и вряд ли стаёт, и тогда потянется долгая, как язвенная боль, полная чуждого и враждебного, очень прочная зима.

Они всегда вызывают горечь и грусть, эти последние дни осени. И вообще непонятно даже, какие это дни, как их охарактеризовать — то они летние, то осенние, то зимние, они пахнут яблоками, которые здесь, на Камчатке, бывают только привозные, пахнут грибами, хвоей, ключевой водой, морской солью — чем-то очень хорошим и печальным, рождающим ответные отзвуки в груди, ответную печаль, — и одновременно пахнут снегом, мукой, тленом. Небо сегодня синее-синее, как на юге, где Володька Сергунин однажды бывал, отдыхал в Коктебеле, снимая комнатушку в хате, прилепившейся к боковине горбатой, омертвевшей, неприбранной горы. Но коктебельское синее небо — теплое, ласковое, от него ощущение добра исходит, а здешнее небо, несмотря на всю свою внешнюю красу, на лоск и глубокую синь, холодное. Завтра же оно вовсе может стать хмурым, недобрый, пороховым налетом покрыться. Сергунин медленно обвел глазами горизонт, дома, далекие деревья, сощурился от блеска небесной тверди.

— П-прошу! — Венья Фалев картинно повел рукой, распахивая дверь такси, ударил пальцами по струнам. — Ваше б-благородие, госпожа удача, для кого ты д-добрая, а кому иначе... — Володька Сергунин поморщился: что-то надоела ему Веньина песня, и Фалев это заметил, оборвал гитарный звон, проговорил спокойно: — Мы с тобой двое п-подранков из всей команды, остальные т-тридцать восемь счастливы, и дай-то им бог...

Когда получили деньги, Володька прошел к капитану, стукнул пальцами в лакированную обшивку двери. Капитан, Семен Семенович, был на месте. Дел у него сейчас по горло: идет разгрузка судна, команда собирается в отпуск, «карап» капитан сдает на руки деду — старшему механику, тот целый месяц будет командовать ремонтом, с ним остается вся его служба («БЧ-5» — так по старой военно-морской привычке величал службу стармеха бывший капитан второго ранга Семен Семенович). Среди остающихся ропот: как это так, «верхняя вахта» отдыхать собирается, а они кукуй тут, наводи глянец, ослабшие гайки завинчивай... В общем, приходилось капитану каждого второго «бунтовщика» на ковер вызывать, душещипательные беседы вести.

— Что тебе, Сергунин?

— Семен Семенович, помните, я с вашего разрешения радиогамму на берег посылал?

— Насчет ресторана, что ль?

— Да. Я «Заячьи уши» на сегодняшний вечер под свадьбу снял вместе с оркестром.

— Ого, значит, подарок надо готовить?

— Подарка не надо.

— Как это?

— Не надо, Семен Семенович.

— Ну, как знаешь... — Капитан посмотрел в лицо Сергунину — что-то оно ему не нравилось, бледное, болезненное, угрюмое, с глубокими затенениями под глазами. «Видимо, что-то случилось у парня», — подумал Семен Семенович, но потом решил, что это Сергунина перед свадьбой волнение скрутило, это с непривычки, это пройдет, и ничего не сказал.

Вечером вся команда сергунинского судна собралась в «Заячьи уши» — так в Петропавловске прозвали новомодный ресторан, примыкающий к гостинице «Авача». Крыша этого ресторана сплошь из треугольных пластмассовых торосов сделана, очень похожих на уши. Эти уши по вечерам освещаются изнутри и видны издали; вообще-то на заячьи они похожи гораздо меньше, чем на волчьи, лисьи или, скажем, на собачьи, но тем не менее прозвище прочно прилепилось к ресторану — попробуй теперь избавиться...

— А где же невеста? — поинтересовался капитан.

— С-Семен Семеныч, — протянул Венья Фалев, окорачивая его.

— Невесты нет, капитан, — твердо и тихо произнес Володька Сергунин, — и не будет. Променяла меня на студента медицинского института и укатила с ним во Владик.

Капитан потемнел лицом, сгорбил, превратился в усохшего, тощего человека, похожего на песка, будто у него выкрошили кусок сердца и самого пообтесали со всех сторон.

— Прости, Сергунин, — сказал он.

— Ничего, Семен Семеныч. Случается и хуже.

На ресторанных столах чего только не было — и икорка местная, красная, лососевая, и привозная, черная, давленная — паюсная, и рыбка в разных ипостасях, и мясо, и ветчинка, и огурцы с помидорами — производство Паратунского тепличного комбината, и куропатки с зеленью — глаза у всех после скромных морских завтраков-ужинов от такого обилия еды буквально разбежались. Едва расселись, как громыхнул оркестр, ударник зашаркал тарелками, возя их одну по другой, саксофонист взял свою кривую трубу, хрипло повел мелодию, и уютно, по-домашнему спокойно и мило сделалось в «Заячьи уши», зашумели ребята, зазвенели стеклом бокалов и бутылок, застучали посудой. А поскольку многие из судовых пригласили с собой женщин — жен, сестер, подруг, то сразу же возникли танцы, и стало толкотно, тесно и жарко на деревянном пятачке около оркестра. Капитан вздохнул затажно, прислушался к грохоту оркестра и шарканью подошв, улыбнулся чему-то загадочно, чуть издали — может быть, свой дом и свою семью вспомнил, а может быть, молодость, золотую пору встреч, надежд, расставаний, все ушедшее в прошлое, в туман, в розовую дымку прожитого. А у Володьки горло

стиснуло, язык чужим сделался, налился чугуном — зябко Сергунину было на этом веселье. Повел тоскливым взглядом налево, увидел родные, привычные лики ребят своих, друзей, чей локоть, чью поддержку не раз ощущал, когда плыл с ними по Тихоному (так матросы зовут самый спокойный и миролюбивый океан на планете Земля), когда без сна и отдыха стоял на вахте в удушливых, горячих, как топка, когда штормовали и «караль» их клали на борт гривастые, тяжелые волны, каждая из которых могла располосинить судно, ровно слабокожий орех фундук: хряп — и одни скорлупки остались... Поглядел Володька Сергунин на ребят своих — с каждым из них его что-то связывало, — и отлегло немного. Покашлял, проверяя, есть ли голос или нет. Голос был.

— Семен Семеныч! — позвал он.

Капитан поднял грузную голову, тень уходящих воспоминаний проскользнула у него по лицу, отозвалась в глазах бронзовым гаснущим светом.

— Да, Сергунин.

— Семен Семеныч, вот такое дело. — Володька покрутил головой, вывинчивая шею из жесткого воротника рубашки. — Я в море хочу уйти. Завтра же.

— Как завтра? — не понял капитан. — Мы же в отпуск на месяц отбываем. А в море потом.

— Значит, я с парохода расчет возьму. И устроюсь на другой. Чтоб тут же, немедленно, уйти в море. — Володька споткнулся на секунду. Потом проговорил протестующе: — Помогите мне на другое судно устроиться, а? Не то я сдохну тут совсем. Мне же работа нужна, работа, чтоб клин клином выбить.

— Понимаю, Володя. — Больно тебе. Все понимаю. — Капитан отодвинул от себя тарелку, хлопнул твердыми, сильными ладонями по коленям. — Жаль мне отпускать тебя, Сергунин. Матрос ты хороший.

— Так не последний же день живем, Семен Семеныч.

— Тыфу, тыфу, тыфу! — Капитан сердито смежил брови в одну длинную лохматую линию, постукал пальцами по нижней, изнаночной части стола, там, где было чистое, необработанное дерево. — Ладно, Сергунин. Ладно, — сказал капитан в последний раз и умолк. Он вообще не мастак был говорить, Семен Семеныч.

— Спасибо, Семен Семеныч, — произнес Володька и задумался. Не складывается у него жизнь, неудачник он, вот кто. Казалось бы, сейчас самая пора раскиснуть, заплакать, признать мучительную бесплотность своих исканий, а получаться начало совсем наоборот, словно затвердело в нем что-то, и хмель разом улетучился, в мозгу прояснело, забились какие-то мстительные мысли-молоточки, настраивающие все Володькино естество на агрессивный лад.

Но он и этот позыв подавил в себе — миролюбивая, славная и добрая натура была у Володи Сергунина. Ему бы сейчас быстросходную обувь Гермеса, котурны с крыльями, он бы живо слетал во Владивосток и потаенно, одним глазом, взглянул бы на Галку. И с этого одного взгляда он понял бы все — действительно ли Галка влюбилась в своего медика или это только минутное увлечение, которое сегодня есть, а завтра нет. И если бы он почувствовал второе, он отбил бы Галку, обязательно бы отбил. Но нет крылатых сандалий, и встреча с Галкой ему не светит. Да и не нужна она. «Не нужна», — чуть не повторил он вслух...

Капитан переселился на другой край стола, где сидела мрачновато-оттаивающая «служба его величества деда» — судовая технократия, — и что-то объяснял им. А к Володьке подсел Веня Фалев, нескладный, длинный, от выпитого начавший еще больше заикаться.

— Я п-понимаю тебя, Володя. Т-тебе тяжело. Но т-ты будь как к-казак, которому на роду н-написано с-стать атаманом, ты т-терпи. Умение ж-ждать — это, к-как говорили д-древние, з-залог успеха. Я в-вот о чем д-думаю, вот о к-какой ф-философии... Человек ныне ж-живет уж б-большо расточительно, будто у н-него, кроме одной ж-жизни, есть еще и вторая ж-жизнь, и третья, и д-даже четвертая. И расходует ее на всякие м-мелочи. И с-счастье потому у него бывает м-маленькое: к-купил участок з-земли под дачу — и уже счастлив; м-машину купил — т-тоже счастлив; просто х-хорошо поел — д-даже тут он в-выглядит счастливим. Почему это? П-почему мы т-так мельчим? В-ведь счастье совсем в ином, не в ж-жизне с садовым участком и н-не в «Запорожье» с огородной л-лейкой. А, В-Володя? — усмехнулся понимающе. — Л-ладно, старик, з-заморочил я т-тебе голову. Б-больше не буду. Просто м-мы с тобой к-коллекте: т-ты лишился ж-жены будущей, а я — бывшей. Вот и т-тянет пообщаться, чтоб т-тяжест не н-носил в себе.

Утром с моря на Петропавловск надвинулся туман, густой, мокрый, липкий, ткни рукой, а он на пальцы, словно вата, наматывается, наворачивается клейкими комками. Машины с улиц словно ветром сдуло, все на прикол встало, а если и пройдет редкая, то с включенными фарами, с тревожным, сильным гудком, слышимым шагов за пятьдесят. Когда на море наваливается такой туман, то суда плывут вслепую, с работающими ревунами либо вообще не плывут, ложатся в дрейф — опасная эта погода, ох, и опасная.

Дома на петропавловских улицах были неслышны и невидимы, они гнездились совсем рядом с тротуаром, рукой подать, но ощутить их можно было только по малоприметному теплу, идущему от прогретых поутру стен, а там, где между домами был прогал, тянуло холодом, пронзительным и злым, как разбойный посвист, и пробивал этот холод насквозь, до судорог.

Вверху, над головой, время от времени что-то высветлялось, прозрачнело — это ветер пробовал растащить глыбы тумана в разные стороны, прорваться вниз, к земной тверди, но туман оказывался сильнее, каждый раз справлялся с ветром, скручивал ему руки, выдвигал из своих владений, и вновь становилось непроглядно мутно, темно, сыро, холодно, невнятно — никаких проблесков. Сергунин побывал на судне, получил расчет, попрощался с ребятами и с капитаном — Семен Семенович сдержал слово, помог — и уже оформился плавать на лесовоз «Шадринск», который до конца навигации будет совершать рейсы в Певек, из Певека во Владивосток, а оттуда в Японию и снова в Певек. Но вот какое дело — раз на море выпала «видимость ноль» (или «полная невидимость», как еще иногда говорят), то, значит, «Шадринск» намертво припаялся одним бортом к причалу. На-мерт-во. И сколько дней так простоит — одной лишь небесной канцелярии известно. Даже капитан «Шадринска» товарищ Озеров ничего про это не знает, вот ведь как.

У Володьки этот распрямленный туман душу из тела выдернул, и не было у него уже внутри места живого...

Он медленной, шаркающей походкой брел по тротуару, остановился у какого-то мостика, который раньше не видел. Где-то здесь рядом должна быть сопка Любви, крутобокая, кучерявая от деревьев и кустарника, густо растущих по склонам, темная от мокрой, в пролежнях, травы, но не видно горы, не видно — растворилась сопка в тумане. Исчезла, сошла на нет. И это снова добавило боли, бесцеремонной, жадной до живого, и Володька Сергунин уже начал ощущать неотвратимость беды.

Чтобы хоть как-то отвлечься, он зашел в музей. Но и музей нанес ему сильнейший удар из прошлого, он здесь был как-то с Галкой, и каждая вещь, каждый предмет напоминал ему про то, что было. Он вдруг снова, как тогда, в последние ночи плавания, ощутил на своем лице ее прохладную ладонь и пошевелил беспомощно губами, смагивая соленую мокроту с глаз. Да, все тут напоминало о Галке. И этот крест с могилы знаменитого мореплавателя, и медная плита, на которой зубилом выбито: «Могила Витуса Беринга умершего 8 декабря 1741 года крест восстановлен экспедицией Военного совета ТОФ 25 августа 1944 года» — без единого знака препинания, с якорьками по углам плиты, и огромная плавающая мина, пугающе круглая, надраенная, как адмиральский катер перед военными учениями, с чертенячими рождками, похожими на большие бутылочные пробки, и мина донная, неконтактная, смагивающая на длинную толстотелую сигару, которую курит заокеанский дядюшка Сэм на карикатурах (только сигару такую дядюшке Сэму в зубах не удержат, вес мины больше тонны — 1200 кгзг) — словом, в какой угол Володька ни глядел, все ему тут до слезной истерики, до крика напоминало о Галине. Даже страшные орудия уничтожения, от которых суда разваливаются, словно прелые арбузные корки, и те напоминали о Галке, вот ведь как.

Когда он вышел из музея, то увидел, что над головой в тумане посверкивают-мелькают серебристые рыбки, будто молодая навага в весенней шуте туда-сюда носится, подпрыгивает над течением бесшумно, без всплесков, окунается в густоту, исчезает, чтобы снова возникнуть, снова всплыть, высветиться серебром.

Неужто развиднеется, неужто сегодня в море? Володька, подтянув ремень, ощутив, как пряжка плотно вошла в раздвиг грудной клетки, что было духу понесся в порт, сталкиваясь на бегу с людьми, пропуская мимо ушей их чертыхания. На «Шадринск» он примчался чуть живой, мокрый от пота, хоть форменку выжимай. Хрипя, свалился на скамейку рядом с вахтенным.

— Что... От-т-ч-чаливаем?

Вахтенный так широко раскупорил глаза, что они у него чуть на нос, ровно два влажных скользких шарика, не выкатились.

— Сдурел? Туман-то все густеет да густеет. В таком молоке выйдешь и у «братьев» на дно ляжешь. Пхих! — восхищенно всхлипнул он. — Ай да корешок к нашему пароходу пришвартовался. Пхих!

Уменьшился телом Сергунин, будто воздух кто из него выпустил, медленно одеревенел лицом.

— Прости, вахта, — сказал он тихо, в себя, — это мне почудилось, что посудина с прикола снимается.

Не отошел «Шадринск» от петропавловских причалов ни на следующий день, ни два дня спустя, ни три дня — туман плотно лежал на море, на земле, на вулканах и на домах, на каменных кряжах и в долах, он будто окаменел, туман этот хоть топором его руби, пилой режь, взрывами рви. И все эти дни не мог прийти к себе Володька, как ни уговаривала его мать, буквально через каждое слово вставая в речь ласковое, теплое «сыночка». Всякий раз, когда Сергунин приходил на причал, ему сообщали: «На море видимость ноль, все суда стоят в порту», — и эти сообщения обескровливали, лишали сил его душу, изматывали тело, и он чувствовал себя беспомощным, печально одиноким, обделенным, чужим для вся и всех. Ему хотелось забыть свое прошлое, забыть все, что произошло, ускользнуть, уйти в будущее, вдалеке, но прошлое цепко держало его, не хотело отпустить, не желало обращаться в прах, в тлен, и Володька страдал от бесплодности собственных усилий, и вскакивал посреди ночи, когда видел во сне из ничего встающее перед ним любимое лицо, призрачное и прекрасное, и изо всех сил удерживал зубами готовый вырваться крик: «Гал-ка!» — и падал навзничь, оглушенный, измотавшийся, переставший понимать, где сон, где явь...

Так уж устроен человек: прошлое не исчезает в нем бесследно и тем более сразу. Не дано. Надо помучиться, расплатиться болью и сединой в голове за просчет собственного или чей-то чужой, прошлое держится за человека до последнего мига, до тех пор, пока человек не онемееет, не освободится от старой кожи, словно мудрая змея в пору линьки от кожи, не обретет второе дыхание и не возродится вновь. Не для других, для самого себя возродится.

Понимал это Володька Сергунин и вместе с тем и не понимал. Когда душит боль, трудно быть самим собой, трудно разглядеть себя со стороны, отделиться от собственного естества, стать сторонним наблюдателем. В такие минуты прошлое имеет только один цвет — черный. Бесплодно-черный цвет. И даже забываются, угасают такие яркие картины, как розовые дали детства: вкус и щемяще-щекотный, вызывающий теплые слезы благодарности запах хлебной ковриги, вынутой из горячего печного зева; и таежные цветы ургуйки, синехонькие, будто перышки, очень похожие на беглянок — столь странно они, незащищенные, слабые, нежные, смотрятся среди жестких весенних проталин, окруженные грязными краями снега; и плотный могучий ход кеты, вползающей из морской губы в тесное речное устье, на глазах превращающейся из кипенно-алых, насквозь светящихся, брызжущих огнем, в тугобрюхих, темноватых, ничем не примечательных рыбин, которых мужики в пору Володькиного детства добывали из воды вилами — входили на мелкотье и вилами накладывали полную телегу рыбы; и тихий, тревожный говор трав под ветром, и веселые игры птиц в листве, и многое другое, что радостно, что заставляет человека поверить в то, что он человек. Все заглушает, забивает внутренняя боль, жестокая смятенность, тоска, мука, потерянности.

Есть один исцелитель этой затяжной, вязкой боли — время. Только время, и других врачей не существует. Пройдут недели, месяцы, и раны застынут, подернутся корочкой, а потом и вовсе зарубцуются. Но оно, время это, великий врачеватель, тянется так медленно, такими микроскопическими шажками, что конца не было видно.

Вот и сегодня вахтенный сообщил привычно-ненавистное, выбивающее муторную дрожь на коже, тягучее, как зубная резь: «На море видимость ноль, все суда стоят в порту», — и Володька Сергунин долго сидел на каком-то низком длинном ящике, оставленном на причальной стенке, думал про себя и про Галку, про все, что с ними произошло, про мать и их неказистый домик, косо прилепившийся к горе, про студента-медика и про окаменевший туман, про плеск ласковых штилевых волн и про зеленый берег Африки с лениво прогуливающимися вдоль океанской кромки розовыми птицами. А потом спросил себя: «Когда же все это кончится?» Услышал сладостный колокольчик, подобрался лицом, словно почувствовал, что и завтра ему скажут: «На море видимость ноль, выход из порта закрыт», — и послезавтра, и послепослезавтра, и так до бесконечности, — а значит, надо брать себя в руки, надо успокоиться, войти в нормальную колею, осознать, что не из одних потерь состоит матушка-жизнь. И ни на минуту, ни на один миг не надо исключать себя из нее.

Эту ночь мало кто из курсантов школы по подготовке младшего и среднего начальствующего состава Главного управления внутренних дел Мособлсполкома провел спокойно. Накануне, незадолго до вечерней поверки, стало известно, что в сторону подмосковного города Видное, где расположена школа, движутся двое особо опасных преступников, имеющих огнестрельное оружие. С минуты на минуту слушатели могли подняться по тревоге.

...Не однажды в спальные помещения казармы, по-домашнему уютные, наполненные в этот ночной час ароматами увядающего леса и свежескошенной травы, врывается рев сирены. Правда, последний раз это произошло в прошлом году, когда никого из нынешних курсантов в школе еще не было (первоначальное обучение молодых милиционеров — рядовых и сержантов — длится здесь всего пять месяцев), но воспоминания о тех событиях, как эхо тревоги, не дают ребятам спать и сегодня.

Тогда весь личный состав школы, построенный на плацу, сделал шаг вперед в ответ на просьбу о помощи. Отобрали около ста самых подготовленных — отличников учебы, комсомольцев.

Чтобы быстрее обезвредить преступников, в одну ночь совершивших кражи из нескольких дач, было признано целесообразным блокировать все близлежащие дачные поселки. Основную тяжесть работы приняли на себя, конечно, опытные сотрудники милиции. Они взяли самые опасные участки, вели активный поиск преступников. Курсантам оставалось только ждать и включиться в операцию в случае крайней

Борис ВАСИЛЬЕВ.
Фото Юрия АНИНА.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

необходимости. Но именно курсантам, искусно замаскировавшимся в засаде, проводившим свою часть операции по всем правилам милицмейской науки, удалось задержать воров, применив на практике все, чему их кропотливо обучали.

Объявляя перед личным составом благодарность особо отличившимся, начальник школы подполковник милиции Александр Иванович Дашков сказал тогда: «Наши курсанты проявили высокое профессиональное мастерство и самоотверженность. Лучшие традиции школы незыблемы, и я уверен, что будущее поколение курсантов продолжит их и преумножит».

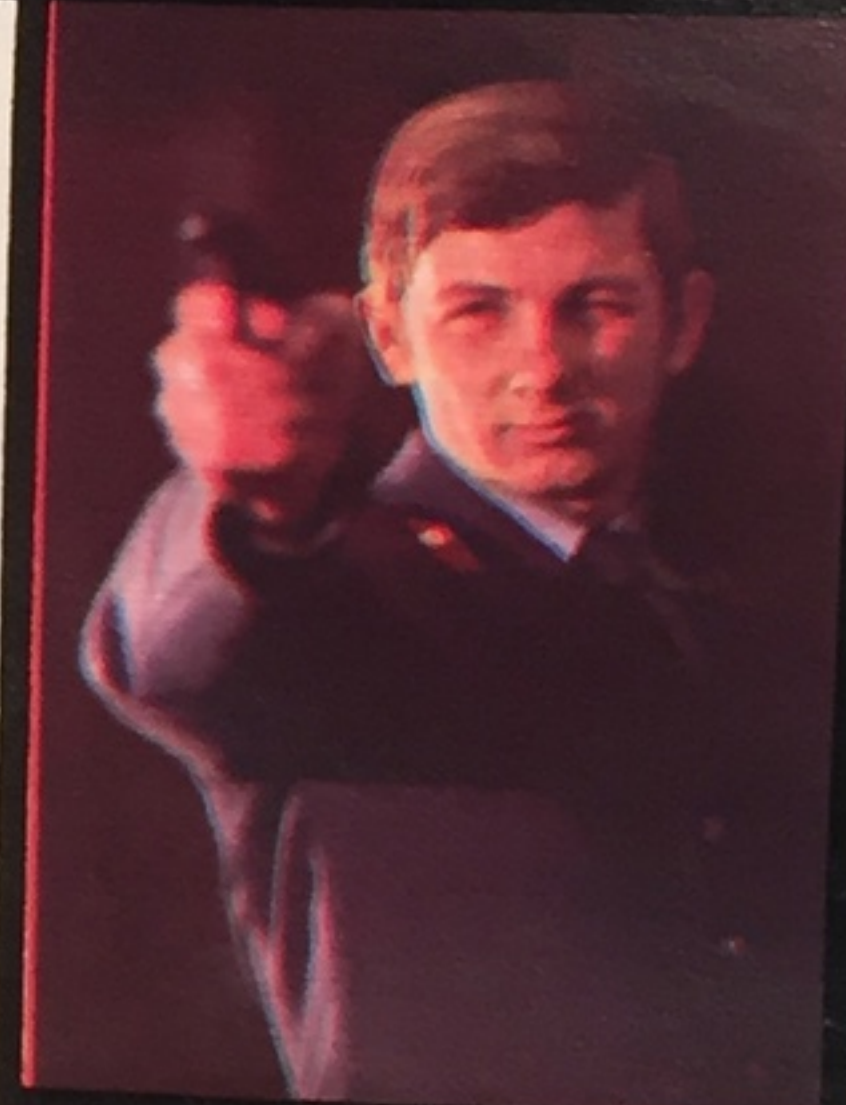
После этого была блестяще проведенная операция по задержанию грабителей в Люберцах, в ходе которой отличился курсант комсомолец Иван Фокин, были десятки случаев, когда слушатели школы вступали в схватки с преступниками, выходя из них победителями. Имена многих выпускников школы вписаны в Золотую книгу подмосковной милиции. С риском для жизни спасли жилой дом от пожара комсомольцы Александр Степанов и Сергей Никулин из Егорьевска, отвагу и мастерство проявил при выполнении оперативного задания милиционер из Коломны Василий Якунин. Все они награждены медалями «За отличную службу по охране общественного порядка».

Только непосвященному кажется, что сотрудники милиции целыми днями заняты погонями и задержаниями. На самом же деле милицмейская служба во многом похожа на любую другую работу: разносторонняя и бросающая детективная романтика в ней редкий

гость. Хозяин — обыденные, даже скучные на первый взгляд обязанности. Все курсанты до поступления в школу проходили ознакомительный период в своих отделах, вместе с наставниками несли постовую и патрульную службу, охраняли различные объекты — познавали азы специальности. Некоторые даже считали, что получили знания, достаточные для дальнейшей службы, и, только придя в школу, поняли, как мало знали и умели.

За те несколько месяцев, что курсанты проводят в стенах школы, они осваивают комплекс дисциплин, без знания которых сотрудники органов внутренних дел сегодня не могут выполнять свои служебные обязанности. На первом месте — юридическая подготовка. Будущим участковым и инспекторам дорожного надзора, патрульным, постовым, работникам ночной милиции предстоит действовать в теснейшем контакте с людьми, проводить в жизнь требования советских законов. Чтобы квалифицированно осуществлять такие высокие полномочия, они подробно изучают положения новой Конституции СССР, знакомятся с правоведением и нормативными актами, основами административного, уголовного и процессуального права.

На основе общеюридических знаний строится специальная подготовка — изучение порядка и правил работы с заявлениями и жалобами граждан, обращения с подозреваемыми в правонарушении и преступниках, предварительного осмотра места происшествия, опроса свидетелей. Готовят милиционеров и к оказанию первой доврачебной медицинской помощи. На специальных муляжах курсанты учатся делать

ТОЛЬКО
В ДЕСЯТКУ...

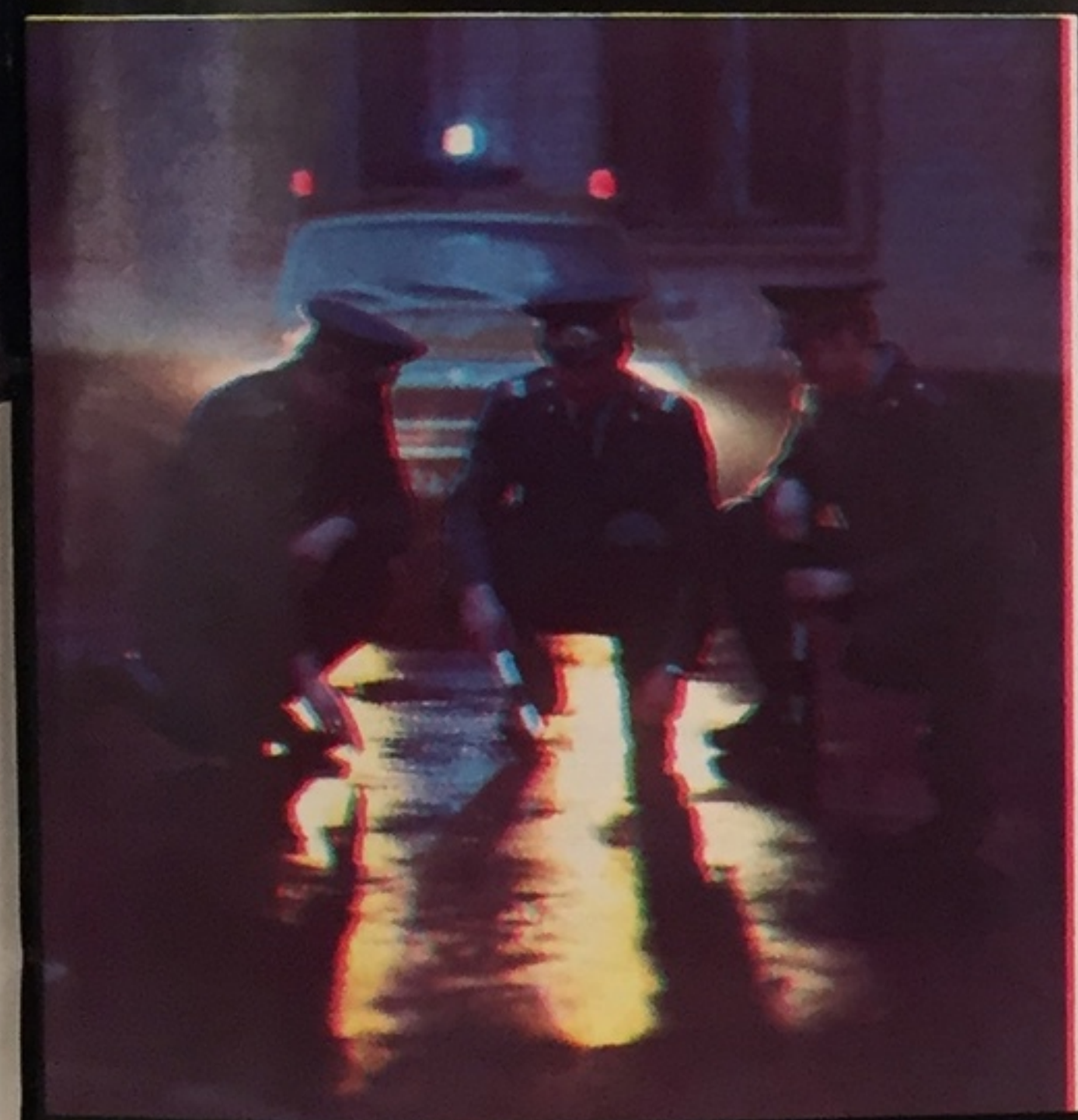
УМЕНИЕ
РАБОТАТЬ
НА ТЕЛЕТАЙПЕ
ОБЯЗАТЕЛЬНО
ДЛЯ КАЖДОГО
ВЫПУСКНИКА
ШКОЛЫ.

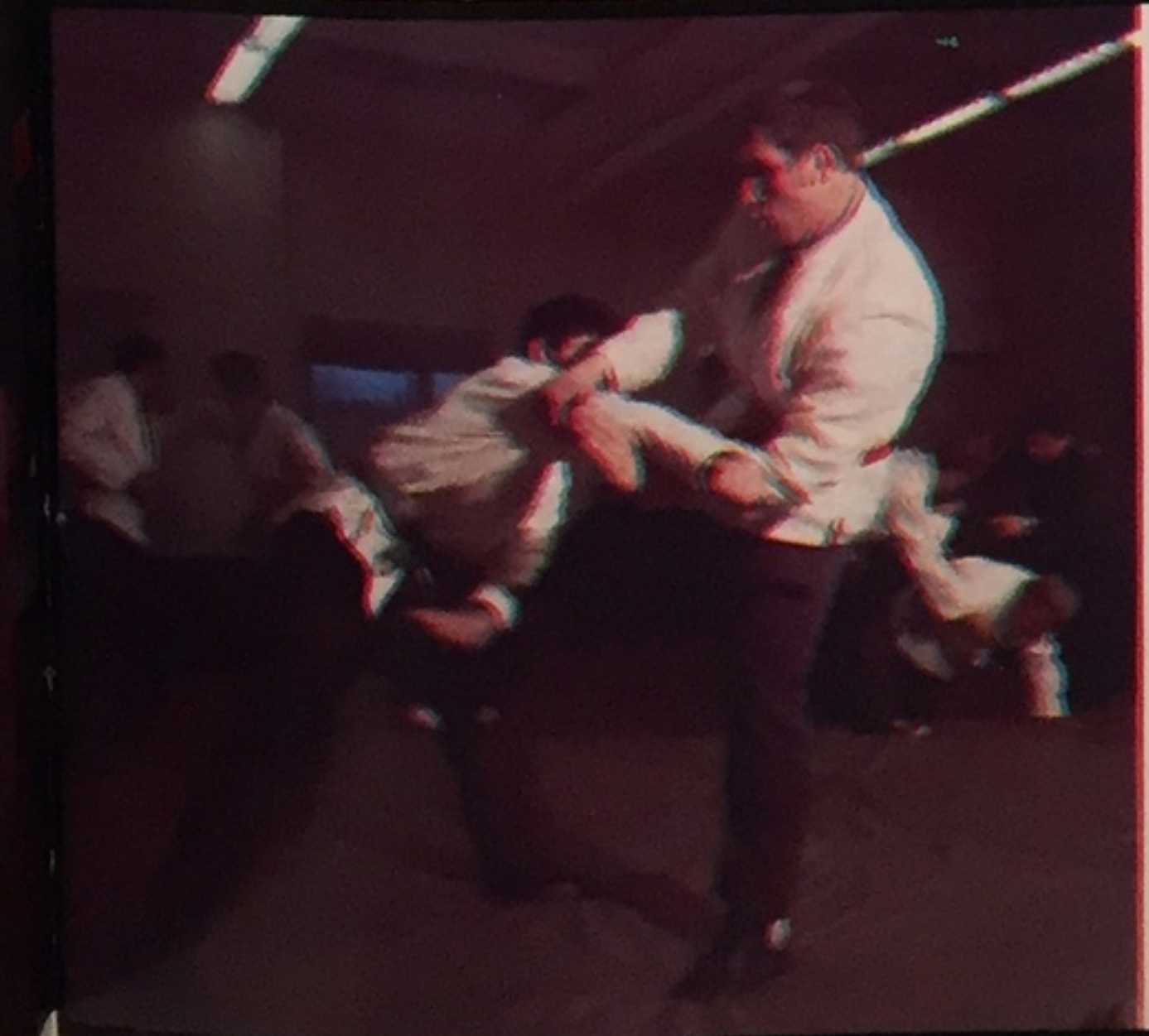
ВОЗДУШНАЯ АВТОИНСПЕКЦИЯ.

СЛЕД, КОТОРЫЙ НИЧЕГО НЕ СКАЖЕТ НЕПОСВЯЩЕННОМУ, ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТА—УЛИКА.

В ИХ ТРУДНОЙ РАБОТЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ ВСЯКОЕ...

перевязки, накладывать шины на места переломов, останавливать кровотечения и делать искусственное дыхание.

На тренажерах и имитаторах, оснащенных электронными приборами и датчиками, слушатели школы оттачивают мастерство вождения автомобиля и мотоцикла, разыгрывают аварийные ситуации, изучают способы их предотвращения.

В специально оборудованных классах они овладевают приемами работы на пультах оперативной связи, которыми располагают практически все дежурные части органов внутренних дел, на телетайпах, позволяющих передавать срочные сообщения по всей стране; знакомятся с криминалистической техникой, состоящей на вооружении милиции, радиодетектом. Современными радиостанциями—надежными в работе и простыми в обращении—оснащены сегодня все оперативные машины, их имеют все сотрудники, несущие патрульно-постовую службу. От мастерства владения техникой зачастую зависит успех сложных операций, требующих четкого взаимодействия различных служб.

Большая роль в системе специальной подготовки отводится всестороннему физическому развитию, освоению приемов самбо, стрельбе из любого положения.

Каждый из курсантов готовит себя к тому, что именно ему придется вступить в единоборство с преступником. Тут мало выдержки и смелости. Чтобы сохранить свою жизнь, нужную для спасения других жизней, обезвредить преступившего закон, требуется своеобразная милицмейская закалка—сообразительность, мгновенная реакция в оценке обстановки, та самая интуиция, которая воспитывается исподволь, изо дня в день. Это и есть готовность к действиям, готовность к подвигу.

Владимир Расторгуев в бытность свою курсантом школы в Видном ничем не отличался от товарищей. С увлечением изучал технику и специальные предметы, занимался спортом. А если выпадало дежурство, то и теми хозяйственными работами на кухне или на территории, без которых невозможно существование милицкого подразделения, где и дисциплина и быт сродни воинским.

Но не прошло и месяца после окончания школы, как молодой милиционер Химкинского отдела лицом к лицу столкнулся с опасными правонарушителями.

Обходя утром в последний раз перед сдачей дежурства свою территорию в поселке Фирсаново, он подошел к забору, ограждавшему магазин. С противоположной стороны послышался подозрительный шорох. Бросился туда и увидел неизвестных, взломавших дверь. Владимир настиг одного из убежавших уже через сотню метров. Помогли регулярные занятия легкой атлетикой.

Потом В. Расторгуев учился в Высшей школе МВД, стал начальником отделения уголовного розыска. Он не готовился специально к своему подвигу, который ему выпало совершить позже. Сама жизнь, трудная и опасная служба выковали характер, способный на героизм.

...Сотрудников отделения уголовного розыска Химкинского отдела внутренних дел инспектора лейтенанта Ивана Макеева, младшего инспектора сержанта Михаила Баранова, помощников дежурного по ОВД старшего сержанта Владимира Елисеева и сержанта Юрия Ермолаева—также выпускников школы в Видном—подняли глубокой ночью по тревоге и сформировали из них оперативную группу. Возглавил ее майор Владимир Михайлович Расторгуев.

Незадолго до этого на Дмитровском шоссе двое преступников совершили дерзкое убийство.

Брать их пришлось на железнодорожной платформе. Но, увидев решительно направляющихся к ним молодых людей, преступники рванулись в сторону. Один из них выхватил на ходу пистолет и, не целясь, выстрелил. Сотрудники милиции, чтобы не подвергать опасности жителей и прохожих, стрелять вблизи поселка не стали.

Началось долгое, изнурительное преследование по глубокому снегу, в поле, в лесу. На окраине Сходни след был окончательно потерян. Измученные люди смотрели на занесенный снегом поселок, на гладь замерзшего пруда, через который вела узкая тропинка к домам. В одном из домов, рядом с прудом, зажегся и тут же погас свет. Из калитки вышли двое.

—Предъявите, пожалуйста, документы,—подойдя вплотную, потребовал Расторгуев.

—Сейчас,—небрежно ответил один из них и полез во внутренний карман ватника.

Расторгуев отчетливо увидел рукоятку ножа, торчавшую из-за брючного ремня, и бросился вперед... Всего лишь несколько секунд решили исход операции.

За мужество и самоотверженные действия при задержании опасных преступников Указом Президиума Верховного Совета СССР майор милиции Владимир Михайлович Расторгуев награжден орденом Красной Звезды.

Для нынешних курсантов это не просто героический пример из милицмейской практики, это вершина мастерства, к которой они стремятся в своей повседневной учебе.

...Тревожное ожидание, владевшее курсантами в эту ночь, оказалось не напрасным. По тревоге был поднят девятый взвод. Это мог быть и третий, и шестой, и первый. Уже потом, когда все было кончено, курсанты других взводов обращались к руководителям операции: «Почему не нас подняли? Разве мы хуже справились бы?» Потому и подняли девятый, что он такой же, как и все другие, и подготовка у него стандартная—отличная.

—Взвод! Слушай мою команду!—Капитан Логинов застыл перед строем курсантов.—Сегодня ночью двое вооруженных преступников совершили нападение на кассу коксохимического завода, убив очередью из автомата сторожа и подоспевшего ему на помощь сотрудника милиции. Наша задача: задержать преступников, засевших, по данным разведки, в двухэтажном кирпичном доме. Задание группе оцепления: не допускать в район операции посторонних лиц, оказывать поддержку группе блокирования. Группе блокирования: отрезать возможные пути отступления преступников к лесу и автомобильной магистрали, оказывать поддержку группе захвата. Группе захвата: обезвредить и задержать преступников.

Курсанты растворились в предрассветных сумерках. Лишь по легкому шороху в кустах и высокой траве можно было догадаться об их присутствии. Но вот где-то зашуршал песок под неосторожным шагом. Этого оказалось достаточно, чтобы преступники встревожились. В окне второго этажа мелькнула неясная тень, и тишину рванула автоматная очередь, эхом прокатилась по лесу. Тут же группа прикрытия открыла ответный огонь, давая возможность группе захвата вплотную приблизиться к дому.

Курсант Григорий Борискин сейчас вовсе не ходил на того веселого и бойкого парня, каким он был накануне днем.—сосредоточенный взгляд, ноги напряжены и готовы бросить тренированное тело вперед. Рука привычно, легко и цепко держит пистолет...

Григорий—один из тех, кто еще до армии решил стать сотрудником милиции. Но так уж случилось, что друг его, Николай Ключков, после армии поступил в райотдел в родном городе Орле, а Григорий пошел токарем на Подольский машиностроительный завод имени Орджоникидзе. Но недолго он там пробыл—призвание взяло свое. Да и Николай интересно рассказывал о службе.

В очередном письме к другу, сообщая о последних новостях, Григорий писал: «С завода сначала отпустить не хотели, говорили, что скоро смогу сдавать экзамены на четвертый разряд, заработок увеличится, а там и в институт можно поступать. Чем, мол, тебе плохо? Только не в зарплате дело, да и душа моя к другой работе рвется. Я так и сказал. Поняли меня, дали рекомендацию, скоро буду работать в Видновском отделе. Думаю дальше учиться...»

Что понадобится сейчас ему, молодому курсанту, мечтающему стать инспектором уголовного розыска? Быстрые ноги, крепкие руки или ясная голова? А может быть, все вместе? Григорий слышит за стеной дома какие-то шорохи, тихие голоса. Солнце едва поднялось над лесом, первые его лучи осветили дом с темными окнами без стекол, кучи щебня вокруг, заросли крапивы. Птицы, рассеившись, казались, по всем ветвям деревьев, сначала робко перекинулись неуверенными трелями—и пошли по лесу одна за другой волны переливчатых звуков. И вдруг их заглушил громовой голос, усиленный мегафоном: «Смирнов и Якубович! Вы окружены. Выбросьте оружие и выходите по одному. Руки за голову». В ответ—тишина. Прошло несколько секунд. Голос раздался снова: «Вы окружены. Сопротивление бесполезно. Сдавайтесь». Автоматная очередь отсекала половину слова, и тут же вступила в действие группа блокирования.

Залегший за пригорком курсант Владимир Аксенов открыл огонь по окнам. Владеть автоматом он на-

учился в армии. А когда вернулся, дядя, ветеран органов внутренних дел, посоветовал пойти в милицию.

— Ты, Володька, только одно пойми,— говорил он,— пока существует преступность, пока встречаются правонарушения, мы не можем жить спокойно. Совесть не позволит.

Простые слова дошли до сердца парня. Стал Владимир постовым милиционером в Серпуховском отделе внутренних дел. Иногда встречается с ребятами с завода «Конденсатор», где до этого работал слесарем-монтажником.

— Ну, как,— спрашивают,— Володя, милицмейская служба? Не трудно?

— Кому ноша по плечу, тому не трудно,— серьезно отвечает Аксенов.

И начинаются расспросы о распорядке дня, особенностях различных служб. Владимир с удовольствием рассказывает о своей новой жизни ребятам, которые, глядишь, сами решат поступать в милицию...

Но сейчас ему не до воспоминаний. Он выполняет боевое задание.

Стрельба смолкла. Аксенов ждал дальнейшей команды. И тут он увидел, как высокий, крепкий парень в тренировочном костюме выпрыгнул из окна второго этажа, держа в одной руке автомат, а в другой — увесистый металлический прут. Владимиру ничего не стоило нажать на спусковой крючок своего автомата, и он уже готов был это сделать, но вовремя совладал с собою. Он вспомнил приказ брать преступников только живыми. А это уже была задача группы захвата.

Не успел убегающий подняться на ноги, как к нему бросились Григорий Борискин и старший сержант Александр Сизов. Схватка длилась всего несколько секунд. Преступник был припечатан к земле. Обыск производил Александр Сизов. Впервые в жизни. Но действовал он вполне профессионально.

— Работа в милиции,— рассказывал он незадолго до операции,— это наша семейная профессия. Я был в пограничных войсках заместителем командира взвода. Сейчас с большим удовольствием учусь в школе по направлению Красногорского отдела, где служил постовым. Надеюсь в будущем продолжить образование во Всесоюзном заочном юридическом институте. Жена одобряет мои планы, поддерживает в выборе профессии.

...Итак, один из преступников обезврежен. Но второй выскочил из окна с противоположной стороны дома и, отстреливаясь на ходу из пистолета, бросился к лесу. Догнали его курсанты только на опушке, вовремя отрезав путь к автотрассе. А ведь могли и не догнать. «Преступник» — курсант Владимир Хориков — один из лучших спортсменов в своем подразделении. После окончания школы первоначальной подготовки он собирается поступать в высшую школу МВД. Во время службы в Раменском отделе внутренних дел ему уже доводилось задерживать правонарушителей. Поэтому-то вместе с курсантом Александром Рахматулиным, пришедшим в школу по направлению Шатурского отдела и также принимавшим непосредственное участие в оперативной работе, они, как наиболее подготовленные и опытные, и должны были выполнять роль «преступников».

На разборе учений начальник школы подполковник А. И. Дашков и старший преподаватель подполковник В. Ф. Уткин дали высокую оценку действиям всей группы, отметили смелость и находчивость участников операции и хорошую организацию учений, которые готовил и проводил капитан В. Н. Логинов.

— Подобные учения,— рассказывает заместитель начальника школы по политико-воспитательной работе подполковник милиции В. И. Хортуков,— позволяют курсантам закрепить полученные теоретические знания, приобрести профессиональные навыки, почувствовать на деле, что такое повседневный милицкий труд.

За девять лет существования школы в ее стенах воспитаны сотни сотрудников. Каждый прошел всестороннюю подготовку. Сегодняшние занятия — одни из самых сложных. В последние десять лет похожих случаев, происходивших в действительности на территории Московской области, было всего несколько. Но это не значит, что готовность можно ослабить.

...Когда мы покидали здание школы, вместе с нами вышла группа рядовых милиции. По их строгой, но не без лихости подтянутости, отутюженной форме можно было подумать, что ребята собираются в увольнение. И только мы, глядя им вслед, знали, что это патрульные, которые через час займут посты на своих участках, чтобы охранять покой и отдых сограждан.

для чего красотку красть, если можно просто так уговорить», — поется в старой популярной песенке. В самом деле, зачем красть нынче красотку? Уговорить — и все.

Я бы не стала рассказывать эту историю, если бы не ее «классический» конец. Дело казалось совершенно безнадежным, когда я узнала о его «слушании», или, лучше сказать, рассмотрении в инстанциях ГАИ.

Работала я в то время над очерком, в котором рассказывалось о деятельности ГАИ, о людях, столкнувшихся в дорожном инциденте, весьма прискорбном инциденте. И вдруг я услышала разговоры работников о другой истории...

Попал парень в беду, и похоже, «светило» ему серьезное дисциплинарное взыскание, понижение в должности, а может, что и похуже. Подсуден был, так сказать, парень — это точно. Парень имел намерение украсть девушку и украл ее. И должен был понести за это наказание.

Как выяснилось позже, наказание-то он понес, но...

...Мила была уверена поначалу, что, как и во все предыдущие дни недели, она дойдет по некрепкому, уже рыхлому от весеннего яркого солнца снегу до шоссе, а там, как обычно, проголосует автобусу или попутной машине и доедет до электрички. А оказалось, что за ночь проселочная дорога так раскисла, так ее развезло, что выбраться даже на обочину шоссе невозможно. А выбраться надо обязательно. Потому что там, в дачном поселке, в доме остались заболевшие бабушка и дедушка. На лекции она может ходить сейчас не с утра, а чуть позже, удалось договориться в деканате. Поспеть бы только хотя бы на вторые часы лекции, не провалиться бы совсем в этой снежной трясине. И рядом, как на беду, никого нет. Кроме бабушки с дедушкой, в такое время в поселке живет еще человек десять. Да и они, наверное, уже ушли на работу. Поэтому сейчас ни одной души на улице. Миле же надлежит вернуться сюда в конце дня, нагруженной сумками, а может, удастся и врача привести, если согласится ехать в эту глухомань.

Мила умеет иронически улыбаться. Очень даже идет такая улыбка к ее простодушному, милому лицу. Ироническая улыбка делает его загадочным. Но сейчас ей не до улыбок. Нежное личико побледнело, брови сдвинулись, нос заострился. Мила всерьез испугана. Назад уж не вернуться, хотя дома есть высокие (их бабушка называет болотные) сапоги. И вперед не пройти тоже. Неизбежно промокнешь, простудишься, а что тогда будет со стариками? Отец с матерью сами еще долго не смогут сюда выбраться из Москвы, у них в доме тоже повальный грипп.

Он подоспел к ней в самый критический момент. Как в сказке. Только «он» был не принцем, а Валерием, сержантом милиции, работником дорожно-патрульной службы ГАИ. Как он здесь оказался? Загадка, но факт. Как будто знал, когда надо появиться на безлюдном проселке, в этом безнадежном тупике.

Валерий на своем патрульном вездеходе подъехал вплотную к девушке и открыл заднюю дверцу машины. Сурово взглянув на Милу, спросил: «Что, тонуть собрались?» Девушка ничего не ответила. Жалобный взор ее означал: «Уже тону».

Валерий терпеливо ждал, пока Мила, легонько ступив на подножку и все же зачерпнув воды в сапог, выпрыгнула на сиденье и забила в угол. Вопросов спаситель никаких не задавал, а молча двинулся по раскисшему снежному полю. Только не туда, где было шоссе, а следовательно, и электричка, а совсем в другую сторону. Она не сразу сообразила, что едут не туда, а когда поняла, встревожилась: «Куда же это мы?» Валерий обернулся и, притормозив машину, посмотрел Миле прямо в глаза: «А я ведь вас украл».

Девушке было не до шуток. Она сидела, съежившись, на заднем сиденье и молча обдумывала положение. Человек служивый, военный, можно сказать, и находится на работе, значит, не страшно. «Украл!» Хорошенький экспромт. Ничего себе — наступательная тактика у мальчика.

«Мальчик» в самом деле был из наступательных. Сросшиеся брови, светлые волосы, не поймешь какие глаза — так глубоко сидят, решительный подбородок. (Много позже разобралась Мила в этих своих впечатлениях.) А тогда, в первую минуту после этого откровенного «Я вас украл», она увидела только, что глаза его блеснули, и, показалось, блеснули недобро.

Да нет, не украл же в самом деле. Помог, спас, если хотите.

— Искренне вам признательна, и наши все будут очень рады.

— Чему рады?

СЕМЬ РАЗ ОТ

— Рады будут высказать вам свою благодарность.

Мила решила защищаться чопорностью и «уровнем», престижем: ведь папа ее полковник. (На военного это должно произвести впечатление.)

— Может быть, вы, как спаситель, нанесете нам визит и... вы коллеги с моим отцом... он тоже военный, правда, не в МВД... он полковник инженерных войск...

Девушка смешалась, поняв, что ее прием самообороны разгадан.

— Я правда вас украл. Но только вы меня не бойтесь. Давайте лучше познакомимся.

— Но куда вы едете?

— Такая моя патрульная служба, и еду я по маршруту. А вам, я знаю, нужно на электричку. Но на нее вы сейчас не попадете. Час, а может, полтора, подарите мне. А потом я вас отвезу в институт. Вам ведь на занятия надо? Так вот, я окотно вас туда доставлю, я знаю, где институт ваш находится.

— Но вы же не таксист... Довезите меня до стоянки в крайнем случае,— девушка начала беспокоиться.

В самом деле, сержанту явно не полагалась такая самостоятельность. И если он ее проявил, то парень он, видно, лихой. А если он парень лихой, то...

— Как вас зовут, я знаю. Вас зовут Мила. А меня зовут Валерий. Я учусь на юридическом. Но, наверное, уйду с факультета. Чувствую: вряд ли из меня получится юрист. Ну, а вы, может, тоже что-нибудь расскажете про себя, кроме того, что вы Милочка, что папа ваш военный, что вы ничего не боитесь, раз папа полковник? Про бабушку и дедушку я знаю и так.

Машина помчалась быстрее, выбрасывая из-под колес струи снежной каши.

Валерий хотел еще что-то сказать Миле, но вместо него заговорила рация. Его срочно требовали на пост. Немедленно. Справлялись о координатах, о направлении движения, почему не откликается. Валерий весело взглянул на Милу и, включив микрофон, четко ответил:

— Еду в неизвестном направлении. Иду на превышение своих прав, совершаю служебный проступок. Отвечать буду по полной форме.

Дежурный сердито откликнулся:

— Ты что, спятил? Отвечай по делу, без шуток.

— Отвечаю по делу. И временно отключаюсь.

Он выключил рацию и повернулся к Миле. Девушка не узнала его лица. Валерий был сосредоточен, спокоен, мальчишеское выражение лица пропало. Перед ней был совсем другой человек. Она растерялась. Неужели преступник?

Валерий весь напрягся, чтобы сдержать себя, чтобы не испугать Милу признанием, которое он собирался ей сейчас сделать.

О чем он ей скажет? О том, как вечерами, после работы, исследовал весь ее путь от института до этого домика в поселке, а по утрам, поменявшись дежурством с товарищем, следовал за ней в электричке и дальше до института? О сокурсниках, друзьях, которые провожают ее? Впрочем, провожают только до электрички. Лишь один раз высокий широкоплечий парень довел ее до дедушкиной дачи. Пожалуй, неплох этот парень. Крепкий, не побоялся идти назад так поздно один. Валерий разыграл даже некую сценку. Подошел к нему, попросил закурить. Тот ухмыльнулся и поиграл плечами: «Не курю». И не поторопился быстренько уйти, а стоял, готовый к продолжению стандартного разговора с возможным хулиганом. Неплохой парень, пожалуй. И Мила на него благосклонно смотрела, как успел заметить Валерий. Про это говорить? Не стоит. Не стоит, пожалуй, сейчас упоминать и о ее родителях. Родители-то ведь на самом деле не такие уж и занятые люди. Полков-

МЕРЬ...

ник-отставник мог бы и сам позаботиться о стариках. Нет, свалили все на дочку. Да и мамаша предпочитает больше расхаживать по кино да театрам, а не заниматься хозяйством. Крепкие люди, а выезжают на девчонке. Хотя девчонка, видно, сама вызвалась помогать старикам. Или про то рассказывать, какая она в его воображении? Да нет, не в воображении, а на самом деле. Или про то, как девчонки к нему «благоволят» и что произошло у него у самого вчера? Вчера он объявил «своей» девушке, что влюбился. Влюбился в незнакомку и поэтому не имеет морального права дальше за ней ухаживать, хотя, пожалуй, это слово — «ухаживать» — не подходило к их коротким отношениям. «Его» девушка не приняла всерьез это сообщение, а Валерий не стал дальше ничего объяснять. Себе же он сказал твердо: «Больше никаких ухаживаний. Размениваться не буду. Это Она. Она и никто другой».

Мила ни разу не видела раньше, не заметила Валерия. «Положить глаз» — так говорились не только среди Валериных друзей, но и в ее, Милюной, студенческой среде тоже. Сама же она ни в электричке, ни в троллейбусе по дороге в свой институт не гладела на парней. Это точно. А вот на Милу гладеют всюду: и в той же электричке и просто на улице. Привыкла, видно, к этим взглядам. А может, и остановила уже свой выбор на высоком крепком парне, который единственный решился проводить ее вечером до самой дачи. Ну и что ж, что выбор? Он ведь тоже свой выбор сделал.

Проехав молча еще с километр, Валерий свернул на дорогу чуть получше проселочной и остановил машину.

— Мила, пожалуйста, сядьте со мной рядом, нам надо поговорить.

Теперь уже Мила смотрела на своего спасителя с вызовом, дерзко.

— Хотя и спаситель вы мой, из грязи и снега вытащили, от гриппа, возможно, уберегли... — сказала она твердо и решительно, — но все же ваш поступок похож на провокацию. Я отказываюсь говорить с вами. Прошу доставить меня к автобусной остановке.

— Ну хорошо, — усмехнулся Валера, — сидите на заднем сиденье. Нападение вам, Милочка, не грозит. Не бойтесь. — Он смущенно улыбнулся. — Все вышло не так. Совсем не так.

— И к тому же вам попадет за эту выходку... — Она искала, как назвать его... — сержант.

— Меня Валерий зовут. Позвольте я вам лучше расскажу про себя.

Валерий ясно, толково, не сбиваясь, принялся рассказывать о себе, о том, как приехал в Москву на стройку. Потом по совету товарищей решил пойти в милицмейскую школу. Сам он из Закарпатья. Как сюда занесло? Да вот, занесло, может быть, и зря.

— И что же, у вас там крадут девушек, как раньше на Кавказе или в Средней Азии?

— В Средней Азии другое, там девушку выкрадывали, чтобы калым с родителей получить, — ответил Валерий. — Пережитки, так сказать, прошлого. На Кавказе крали по уговору. Помните, как в «Кавказской пленнице»? Я же вас, Мила, украл только для того, чтобы попросить: дайте мне возможность, дайте мне время с вами видиться, общаться. Ведь не подойдешь к вам просто так на улице. Оттолкнете. Вы даже не смотрите ни на кого. Я лицом к лицу с вами провел в электричке много часов. Вы даже не взглянули.

— А, так это вы гипнотизировали меня?

— Я, но не гипнотизировал, конечно. Ну, а других шансов у меня нет. Я прошу вас, Мила, послушайте меня или прочтите вот это. — Валерий вынул из нагрудного кармана три письма. — Это я написал вам в первый день, когда увидел. — Он протянул ей

письмо в аккуратно заклеенном конверте. — Это на третий день. (Следующий конверт был побольше.) А это вчера. (Он подал ей конверт, который расклеился, такое толстое лежало там письмо.) Я прошу вас прочесть это. Можете мне не отвечать на них сразу. Только прошу вас, Мила, не отталкивайте меня сейчас. Я только хочу сказать вам — пусть это для вас звучит смешно, — что вы тот человек, который мне нужен, что вы созданы для меня. И что я создан для вас.

Девушка смотрела на Валерия прозрачными глазами, чуть растерянно, не зная, что ответить. Потом она спросила:

— Но что теперь будет с вами? Вас ведь накажут?

— Да, вероятнее всего. Но что я мог придумать другое? Подойди я к вам вечером, чтобы проводить до дома (а я пытался это сделать — духу не хватило), вы только испугаетесь. Домой тоже не зайдешь — без приглашения не ходят... Да и в институте, вы сами знаете, никаких шансов.

— Вы чрезмерно решительны. Я действительно возмущена вашим напором, и было бы правильно, если бы я больше никогда не захотела вас видеть. — Фраза прозвучала как-то натянуто. Мила даже усмехнулась собственным словам. — Нет, в самом деле странный поступок. Но давайте о нем не будем. Возвратите меня домой, — сказала она уже мягче. Испуг ее прошел, и на лице опять появилась характерная ироническая улыбка.

— У вас нет шансов, — продолжила она ясным голосом. — Никаких.

Но писем при этом не отдавала.

— Стало быть, «нет»? — проговорил он вслед за ней.

— Никаких, ни малейших шансов. — покачала головой девушка, — и письма свои возьмите. Я не свободна.

— Обручены? — полувопросительно произнес Валерий.

— Помолвлена, — парировала Мила, усиливая ироническую гримаску.

Ей было немного не по себе оттого, что атака этого лихого незнакомца не встретила в ней внутреннего сопротивления. Так ведь не должно быть. Она не впервые подвергается атакам: знакомые ребята, сокурсники да и взрослые мужчины проявляли к ней активный интерес, причем похвалеными, а не тем, что этот мальчишка. Мила вдруг почувствовала, что его взгляд, его слова, несмотря на всю глупость и двусмысленность положения, снимали одну за другой «оборонительные позиции» и «сторожевые посты», которые она обычно воздвигала между собой и активными ухаживателями.

Неожиданно включилась рация, и начальственный голос откуда-то издали сурово потребовал от Валерия немедленного объяснения его действий. Это окончательно разрушило то, что служило «сторожевыми постами».

— Валера, а вам ведь здорово влетит.

— Не то слово, — ответил он. — Налицо предпочтение личных интересов общественным. И еще того хуже... — добавил он мрачно.

Девушка всерьез встревожилась.

— Поехали?

— Поехали. Семь бед — один ответ.

Машина рванулась вперед. Мила тронула Валерия за плечо. Ей вдруг захотелось проявить чуточку внимания к человеку, который вот так, запросто жертвовал ради нее всем.

— Ну что же вы? Хотели ведь рассказать про себя...

Машина выскочила на шоссе.

— Рассказать, правда?

Валерий тихо, как будто она сидела рядом, принялся говорить. Странно, к этому он не готовился никак, хотя много раз видел эту сцену: как он отдаст ей свои письма, как рассказывает о тех хорошо знакомых ему местах, где он родился и вырос. О покрытых лесом горах, о нежных, теплых закатах, о бурных реках, стекающих с гор в долины. Он рассказывает ей об отце с матерью, которых теперь уже, к сожалению, нет. Они рано умерли. Он воспитанник деда. Гуцульские песни. Мила услышала эти мелодии, одну, другую, третью...

Потом он рассказывал ей про школу, про свой город, про своих друзей, про футбол. В их городе футбол — повальная болезнь, эпидемия. Собственно, как юный футболист он впервые и попал в Москву. И тогда же, много лет назад, решил, что обязательно вернется сюда. Вот и вернулся...

— Теперь, выходит, конец карьере. И конец законный...

Наверное, после наказания придется вернуться назад, в свой город, к деду. Неожиданно Валерий понял всю чудовищность положения, в котором он оказался по своей же воле.

— Да, вернуться мне придется — это точно. А как же вы, Мила? Я не уеду без вас. Вы моя.

Мила про себя отметила старомодность его выражений. Теперь вот «вы моя». «То воля неба, я твоя», — это у Татьяны в письме к Онегину. А чтобы про нее вот так сказали: «Вы моя», — нет уж!

«Нет уж!» — надлежало произнести немедленно и сурово. Но Мила не произнесла. Она молчала. Вот сейчас ей сообщили: «Вы моя». Мама, папа, институт, перспективы, собственная карьера — что они перед этими двумя словами мальчишки? А если разобраться — легкомысленного вертопраха, способного совершить должностное преступление. Ради нее — преступление? Как же это он уверовал в себя? Да и в нее, видно, уверовал. Но почему? Не бывает ведь такого. Не в романе же в конце концов все это происходит, а в жизни. Кто это может позволить так со мной обойтись? «Вы моя»!

Мила молчала, произнося эти внутренние монологи. В первый раз говорить с девушкой и позволить себе такое: «Вы моя». Этот мальчик, видно, совершенно не привык считаться с правилами приличия и обхождения. Значит, он так уверовал в свои права на нее? Да какие такие права у него могут быть? Через три года она специалист с некоторой даже гарантией на работу в столице... А тут, извольте видеть, милиционер, сержант: «Вы моя». Ничего себе. Красивый жест красивого сержанта. Он надеется на успех? Это с ней-то? Сейчас она ему объяснит кое-что на этот счет, как ее учили дома. «Вспомню мамочкины уроки», — поиронизировала она над собой.

Мамочкины уроки, однако, негодились.

Показалась милицмейская «Волга» ярко-желтого цвета. Из нее вышел офицер и встал посреди дороги. Валерий остановил машину, не доехав до того места, где стоял офицер, и повернулся к Миле.

— Пожалуйста, выйдите здесь, отсюда вам легко будет уехать. Тут часто ходят такси. Простите меня, я не смогу доставить вас на станцию. Но, пожалуйста, Мила, не говорите мне сейчас, что это конец. Поверьте, так бывает раз в сто лет, чтобы сразу, чтобы вот так, как я это вижу...

Мила неожиданно для себя ответила:

— Я, пожалуй, не выйду здесь. Отправлюсь с вами. Может быть, часть вины я смогу взять на себя. Ну, к примеру, с бабушкой что-то случилось, и вы...

Валерий посмотрел на нее с удивлением.

— Пожалуйста, не надо. Я очень, очень прошу вас. Вы все испортите. Пожалуйста.

— Наверное, испорчу. Что от меня еще можно ждать? Только я останусь.

Мила надула губки. На лице появилось упрямое выражение.

— Поедемте, поедемте, — поторопила она.

Но им не пришлось даже двинуться с места. «Волга» ГАИ подъехала вплотную. Из нее вышел офицер и открыл дверь.

— Выходи-ка, — сказал он Валерию жестко. — И вы тоже, — кивнул он девушке.

...Вот именно эта история и разбиралась в ГАИ параллельно с «моей». Валерий получил строгое дисциплинарное взыскание, подал рапорт об увольнении из органов милиции и уехал в Закарпатье, в свой родной город.

Я бы не стала рассказывать эту историю, если бы не встретила Валерия и Милу в Ужгороде прошлым летом. История кончилась «старомодно». Мила сбегала с ним от своих родителей. (Те благословения на брак не дали.) Мила перевелась из столичного института в ужгородский. Дед Валерия продал дом в деревне и переехал к молодоженам в город. Живут они все вместе — Мила, Валерий и дед.

Когда мы прощались, Мила, смеясь, ответила на мой вопрос: «Пожалуй, уговорить бы ему меня в самом деле не удалось. Нужно было именно украть».

ОТ РЕДАКЦИИ: По-всякому складываются семейные узы людей. Одни ищут друга или подругу жизни долго, чуть ли не до седых волос, другие доверяются своему чувству, что называется, «с первого взгляда». А бывает и так, как рассказано в этой, только что прочитанной вами истории. Будет ли счастливым брак героев этой истории — мы не знаем. Это покажет только время. Но нам было бы интересно знать ваше мнение на этот счет, уважаемые читатели.

И прежде всего, не совершили ли Мила и Валерий, учитывая неожиданность и, если хотите, несерьезность ситуации, той самой роковой ошибки, которая в дальнейшем может принести им горькие разочарования?

Что вы вообще думаете о проблемах молодых семей, какими должны быть отношения между молодыми супругами, чтобы мир и счастье не покидали их семью?

Рубрика «Человек среди людей» ждет ваших писем.

Генрих ГУРКОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные корреспонденты
«Смены».

Термометры должны были засомневаться—на Камчатке они или где-нибудь в Самарканде. Преодолев отметку в 25 градусов, столбик ртути упорно продолжал ползти вверх. Температура для Петропавловска-Камчатского неслыханная, самая высокая, какая фиксировалась с момента, когда этим вообще начали заниматься.

А по центральному городскому «пятачку» возле гостиницы «Авача», мимо разомлевших старух с бидонами и банками, из которых торчали пучки редиски и роскошные гладиолусы, мимо молчаливо-сосредоточенной очереди за квасом легко шагал паренек, будто бы спрыгнувший в этот знойный полдень с открытки, имеющей касательство к каким-нибудь альпийским сюжетам. На паренке был аккуратный костюмчик горнолыжника, украшенный щегольскими лампасами, шапочка с лихо сидящими на ней темными очками, рюкзачок, в котором прощивались горнолыжные ботинки. На плече паренек нес сверкающие интенсивной расцветкой, хотя уже слегка профессионально потертые лыжи «Элан».

На следующий день—спасибо по-кавказски темпераментному и подальневосточному организованному и четкому Геворку Шхияну из обкома комсомола—мы уже тряслись на «козле» по различной с трудом извилистой тропинке, которая то появлялась, то безнадежно исчезала в неукротимо буйных камчатских джунглях. Путь лежал к вулкану Вычкажец, на склоне которого открывалась летняя резиденция «бармалейчиков»—так на Камчатке называют самых юных горнолыжников. Кто придумал—не знаю. Но приклеилось это шутливо-ласковое слово к мальчикам и девочкам неотрывно. И другие их так именуют. И сами о себе они тоже говорят: «Бармалейчики».

— Полوماتая моя жизнь,—ворчливо изрекла завхоз Петровна и скучно посмотрела на белобрысого человека лет десяти.—Сорок семь вот таких—и все ходют, все спрашивают: где то, где это?

Петровна несколько сгущала краски. «Бармалейчики», прибывшие сюда утром, довольно быстро разобрались что к чему. Молниеносно разгрузили «Урал», натужный рев которого был слышен долго, за несколько километров, пока не вывалился он из леса, оказавшись таким передвижным лыжным складом. Улеглись на траву разных размеров и феерических раскрасок лыжи «Польспорт», «Кнайсль», «Фишер», выросла гора ботинок «Альпина», «Кабер», «Дюнафит»—все самые известные мировые марки. «Бармалейчики» сегодня экипированы первоклассно. О том, как этого удалось достичь, каких, без преувеличения, мук это стоило, пришлось бы повести разговор особый...

Так вот, опровергая суждение Петровны о мнимой инфантильности юных обитателей спортивной базы, те быстро разбежались по брезентовым шатрам, облачились в подобающую погоде одежду и замельтешили в сторону удивительно красивого, но адски холодного озера, раскинувшегося между горами.

А четверо или пятеро самых шустрых уже волокли в сторону палатки

армейских размеров котел с компотом—его не пришлось долго выклянчивать у добрейшего человека поварахи Иры.

Потом в лагере появился начиненный энергией, как электрический скат, «Витаминыч»—так ребята несколько упростили отчество Григория Вениаминовича Вайнеса, директора специализированной детско-юношеской школы олимпийского резерва Камчатского областного совета общества «Спартак» (в ней и состоят «бармалейчики»).

«Витаминыч» громогласным божманским голосом что-то прогромыхал. Забегали дежурные. Сверкая пятками, понеслись с озера любители самостоятельного времяпрепровождения. Построение заняло несколько минут. Приветствие. Потом несколько минут—инструктаж. Нас занимал один пункт: вечерняя тренировка...

Много ли на свете мест, где круглый год можно кататься на горных лыжах? Да еще при этом в окружении непостижимо разнообразия пейзажей. По пути к месту тренировки—снежному склону в амфитеатре рыжего вулкана Вычкажец—проходишь по сказочному ковру камчатских цветов, а подни-

**«КТО ХОТЬ РАЗ УВИДЕЛ ГОРЫ, ТОТ
ВЕРНЕТСЯ К НИМ ОПЯТЬ...»**

**АЗБУКА НА СНЕГУ.
УРОК ВЕДЕТ САША
КАТАЛАГИН.**

маясь все выше и выше по склонам, открываешь на горизонте волны хребтов—то зеленых, то черно-белых, как зебры, то каких-то фиолетовых, окантованных розовой полоской контрастного солнечного света.

Трава, камни, языки снега... Вытянулась за тренером Сашей Каталагиным цепочка «бармалейчиков».

И вот она, чаша Вычкажеца.

...Тоненькая, как веточка, девчушка провела рукой по поверхности лыжи. Повернулась к подруге:

«БАРМАЛЕЙЧИКИ»

С КАМЧАТКИ

ПРЫЖОК В МАСТЕРСТВО.

— Мне очки идут?

Девочке 12 лет. Ее зовут Лена Ковалева. Или, если хотите, Ковалева Елена, СССР. Так ее объявляли на соревнованиях «Интеркритериум», собирающих всех современных «горнолыжных принцесс». В 1978 году призы «Интеркритериума» разыгрывались в Высоких Татрах. Тоненькая девочка из Петропавловска заняла третье место в слаломе.

— Она ничего не боится, — сказал Каталагин. — Пойдет чуть ли не по отвесной стене.

Тренировочный склон Вычкажеца сравнительно спокойный по рельефу, здесь технику точить, а не бить спортивные рекорды. Но технику здесь точат на современных скоростях. Изящной, легкой, стремительной молнией мелькнула по трассе Лена. И еще раз. И еще раз. И еще.

Сидим у костра с Вайнесом. Отбой. «Бармалейчиков» уже разогнали по кроватям — не без конфликтов с особенно упорными книголюбями.

— Анкета школы, спрашиваете? Ну, так... Начали работать в 1973 году. Сейчас у нас 23 группы, 367 человек. Есть четыре группы, где начинают заниматься с четырех лет. Есть отдельные исключения — с трех лет. Есть одна девочка — Вика Гриценко, она катается с двух. Сейчас она уже «солидная дама» — ей пять исполнилось. Один паренек — Максим Везнер — встал на лыжи... в полтора года. Сейчас ему три, и он идет трассу для взрослых.

Как все-таки время омолодило спорт... «Ты сколько лет катаешься?» «Шесть». «А сколько тебе сейчас?» «Десять». Это из блокнота. Нормальный диалог в спартаковском лагере.

— Вы Лену Ковалеву видели? А ее подружку Ларису Фомичеву — чемпионку профсоюзов и «Спартака»? Обе «калошницы»...

И Вайнес объясняет, что это такое... Когда не было в школе инвентаря для самых маленьких, поступали так: отрубили носок у поломанной лыжи, прибавили калошу — в нее валенок. Конечно, «Росиньоль» с креплением «Маркер» лучше, но что делать...

— Знаете, привезет мать такого клопа на занятия, тренер спрашивает: «А лыжи где?» «В сумке...»

Горные лыжи — спорт для «элиты» или спорт массовый? Дискуссия вчерашнего дня... На склонах Бакуриани, Домбая, Терскола встретишь академика и плотника, физика и лирика, деда и внука. Встретишь асов и новичков. Последних куда больше. Асами — не в курортном, так сказать, а в спортивном понимании этого слова — мы прежде особенно не блистали. Но уже есть сдвиги. И будут сдвиги — не претендуя на лавры пророка, это можно предсказать. Те, кто хоть раз наблюдал, как выглядят сегодня горнолыжные склоны от Закарпатья до Камчатки, от Кавказа до Хибин, сомневаться в этом не станут.

Но...

Чтобы «пробить» массовую базу соответствующего уровня, нужны международные успехи, а чтобы были международные успехи, необходима, естественно, современная массовая база. Круг, казавшийся в свое время замкнутым, в общем-то прорван. И тем не менее энтузиасты горных лыж

радуются каждому успеху, который выходит за рамки обычного. Где-то в Альпах хорошо выступили — где-то на Кавказе или на Камчатке прибавится подъемников, больше будет классного снаряжения, больше внимания к великолепию этому виду спорта...

В горах Камчатки я услышал фамилию: «Аграновские».

Людмила Семеновна и Герман Леонидович — мастера спорта международного класса, альпинисты с мировым именем. Альпинисты и, как это очень часто бывает, горнолыжники. Среди камчатских «бармалейчиков» многие — их ученики.

Я не застал Аграновских в лагере на склоне Вычкажеца. Они были в это время на Памире.

Уже в Москве прочитал газетное сообщение, опубликованное под рубрикой «Сенсация».

Вот текст:

«20-летняя студентка Петропавловского педагогического института Ольга Аграновская — первая в мире женщина, совершившая лыжный спуск с семитысячника, памирского пика Ленина (7134 метра). По горным склонам она промчалась вместе с Владимиром Лопатниковым. Свои достижения спортсмены посвятили 60-летию Ленинского комсомола».

Восхождение продолжалось несколько дней. Спуск на лыжах — единственный этап.

Целая коллекция титулов у Ольги Аграновских. Есть среди них и первый, который носила памирская Ольга.

Ее звали «бармалейчиком».

ЧЕРЕЗ ЧАС — С НОВА ТРАССА, С НОВА БЕШЕНАЯ СКОРОСТЬ, С НОВА ВЕТЕР В ЛИЦО...

Библиотека
«Смены» —
в Уренгое

Читателям журнала хорошо известно, что «Смена» выступила инициатором создания в поселке Новый Уренгой библиотеки на 25 тысяч томов.

Каждый день продолжают поступать сотни книг со всех уголков страны. Недавно получены книги от сотрудников Ленинградского радио, от учеников средней школы г. Вятские Поляны, Кировской обл., от комсомольцев г. Черновцы, от студентов Казанского института культуры. А ребята из спецшколы-интерната г. Нарвы Эстонской ССР прислали литературу, купленную на деньги, полученные за макулатуру. Около тысячи книг собрал коллектив Серебрянской библиотеки Восточно-Казахстанской области. Благодарим также за присланные книги читателей: москвичей Андрееву В. П., Болдышеву Л. В., Беликову А. Г., Ильичева В. А., Уварову А. В., ленинградцев Богданова О. Н., Колосову К. Г., Веревкина Г. И. из Усолья, Величко Г. В. из Шахтерска, Дудника А. Ф. из Челябинска, Загузину Л. М. из Ижевска, Михайлову Г. Д. из Риги, Михайлова В. М. из Вологодской обл., Пузакова Н. А. из Саранска, Рожанова Б. С. из Мурманска, Стырова П. Д. из Иваново, Умникова С. Д. из Ленинградской обл., Фролова С. А. из Вильнюса, Фомина Н. Е. из Канева, Герстюк И. С. из Днепрпетровска, Шапочкину Р. П. из Киселевска, Шленову В. В. из Ярославля, Эркелову З. Т. из Ставропольского края.

Продолжает пополняться и «Золотой фонд» — книги писателей с их автографами. Первый секретарь ЦК КП Узбекистана, известный прозаик, поэт и публицист Шараф Рашидович Рашидов прислал свои книги с дарственной надписью: «Комсомольцам, молодым патриотам Уренгоя, всем тем, кто самоотверженно, без устали осваивает несметные богатства Сибири». А вот какие строки адресовал молодым строителям Герой Социалистического Труда поэт Николай Грибачев:

«Вам, открывающим Сибирь,
Вам, обживающим Сибирь.
Гремящим временем открыта
Грядущей жизни высь и ширь!»

«Золотой фонд» дополнили своими книгами с автографами-посланиями: Илья Беликов, Фоусат Балкарова, Николай Бажанов, Владимир Виноградский, Николай Дубов, Моисей Ефимов, Атиф Зейналлы, Виталий Захаров, Владимир Коянто, Юрий Когин, Янка Казека, Феликс Кривин, Рустем Кутуй, Валентин Ковалев, Лев Кондырев, Михаил Котов, Марк Колосов, Юрий Красавин, Вячеслав Кузнецов, Борис Ласкин, Андрей Лукашенко, Владимир Лясковский, Геннадий Лутков, Михаил Мусиенко, Матвей Нагаев, Иван Овчаренко, Еремей Парнов, Олег Попцов, Леонтий Раковский, Гилемдар Рамазанов, Александр Рогачев, Борис Рахманин, Ирина Ракша, Владимир Успенский, Николай Фотиев, Шридон Халваши, Абдулмажид Хачалов, Георгий Холопов, Альшмантас Чекуолис, Вера Чубакова, Василий Цаголов, Александр Шибяев, Вячеслав Шугаев, Николай Шаповал, Алексей Шиллов, Андрей Яхонтов.

Ждем ваших новых книг, товарищи! Напоминаем, литература может быть любой: художественной, политической, научной, учебной.

ЖУРНАЛ И ЧИТАТЕЛЬ

ИТОГИ ЗАОЧНОЙ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ЛЕТУЧКИ

Перед вами 24-й номер журнала. Последний в 1978 году. Состоялось двадцать четыре встречи с нашим миллионным читателем. Каждую журнальную книжку мы стремились сделать так, чтобы наиболее полно удовлетворить запросы читателей. А они весьма обширны. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, полученные редакцией, ответы на анкету заочной читательской летучки.

«Смена» получила 1600 ответов, в которых читатели действительно по-хозяйски, заинтересованно подсказали и новые проблемы и новых героев, рассказали о том, что их волнует, оценили рубрики журнала, эффективность выступлений. Анкеты были тщательно проанализированы, результаты обсуждены на редколлегии, учтены в редакционных планах.

Пожалуй, громче всех на этой конференции прозвучал голос нашего главного читателя — молодого рабочего. Профориентация молодежи, вопросы профессионально-технического образования, наставничество вызывают закономерный интерес. Этим темам «Смена» уделяла серьезное внимание. Широкий читательский отклик получила статья заместителя Председателя Государственного комитета по профессионально-техническому образованию СССР В. А. Саюшева «Заводская проходная третьего тысячелетия», опубликованная в № 3. В статье «Нулевой эффект» (№ 7) было рассказано о результатах рейда, проведенного в Приморском крае. Были вскрыты причины отставания строительства профтехучилищ. В № 6 знатный буровой мастер Самотлора Владимир Глебов поделился своими мыслями о подготовке рабочей смены в Тюменской области. О почине семипалатинских школьников, решивших после десятилетки пойти работать на стройки города, рассказал в № 3 специальный корреспондент «Смены» Владимир Анисимов. Поднятые читателями проблемы подготовки квалифицированных молодых рабочих нашли отражение в рубриках «Путь в рабочие», «Профориентация: опыт и перспективы». Читатели отметили материал Эллы Черепановой «Знакомое лицо» о ткачихе Валентине Голубевой, напечатанный под рубрикой «Рабочая повесть «Смены».

В анкетах мы нашли темы, которые, по мнению читателей, требуют анализа, изучения, коллективного обсуждения на страницах журнала: каким должен быть современный рабочий; сочетание работы с общественной деятельностью и учебой; культура труда; что такое работать по призванию; проблемы работы сквозных бригад. Кроме того, читатели Вячеслав Сазонов из Салавата, Юрий Тюльпин из Барнаула, Вера Привалова из Магнитогорска, Владимир Соколов из Калуги считают, что «Смена» должна продолжить разговор о наставничестве, об ответственности и рабочей сознательности, о воспитании подростка в рабочем коллективе, его адаптации.

Наш заочный разговор с читателем проходил в год 60-летия Ленинского комсомола. Этот юбилей способствовал активизации комсомольской жизни. И ветераны комсомола и те, кто только что вступил в его ряды, предложили рассказать в «Смене» о положительном опыте комсомольских организаций, вожаках молодежи и рядовых членах ВЛКСМ, активных участниках борьбы за новое, передовое.

Прямым ответом редакции на эти

читательские предложения стали опубликованные в журнале «Письма из райкома» Бориса Данюшевского (№№ 13, 16, 18); беседы с первым секретарем Душанбинского горкома партии Гульджахон Бобосадыковой и с первым секретарем ЦК ЛКСМ Таджикистана Абдужабором Саторовым (№ 11); беседа с первым секретарем Омского горкома ВЛКСМ Александром Ревиним (№ 16).

Наибольшее количество читательских предложений пришло на темы морали. И это естественно: каждый год в нашу читательскую аудиторию приходят новые поколения молодежи. А вечные понятия: любовь, гордость, бескорыстие, доброта — остаются актуальными и в четырнадцать и в семьдесят. Множество новых тем предложено для традиционных рубрик «Человек среди людей», «Прошу слова». Интерес молодежи к этической стороне жизни заметно повысился, и это добрый показатель духовного здоровья нашего общества.

Что же конкретно предлагают читатели для обсуждения на страницах «Смены»? Вот некоторые темы: «Мы — люди первой страны социализма»; «Гражданская зрелость: умеем ли мы применять ее в повседневной жизни»; «Я и мой товарищ по работе»; «Гуманизм и доброта»; «Причастность и равнодушие к происходящему рядом»; «Поговорим, отец, по душам!»; «Воспитание воспитателей»; «Человек для вещей или вещи для человека?»; «Самовоспитание: роль литературы и искусства в становлении характера»; «Шаг в зрелость» и т. д. Трудно перечислить все темы, предложенные для обсуждения на страницах журнала. Темы действительно «горячие», злободневные.

Именно поэтому «Смена» представляет значительную часть своей площади теме нравственного воспитания молодежи. Посмотрите номера журнала за год: прошла дискуссия по письмам читателей о любви и верности, в которой приняла участие писательница Елена Вентомова; о «неблагополучных» подростках рассказал писатель Лев Успенский, о психологическом климате молодой семьи — Виктор Переведенцев; с циклом статей о воспитании чувств супругов, о физиологии брака, о воспитании ребенка в молодой семье выступит в будущем году писатель Юрий Рюриков.

Воспитанию личности, идейной убежденности, крепости духа и вместе с тем доброты, деликатности, подлинной интеллигентности посвящены материалы традиционных рубрик «ЖЗЛ» и «Автобиографии». Рассказывая о жизни замечательных людей, таких, как Сухэ-Батор, Михаил Иванович Калинин или как Арам Хачатурян, Аркадий Райкин, Алексей Грибов, «Смена» прежде всего учитывала мнение и просьбы читателей.

В анкетах заочной летучки читатели предложили «Смене» рассказать о жизни и деятельности Кирова, Фрунзе и Орджоникидзе, Курчатова, Королева, Янгштейна, Блюхера, Тухачевского, Якира, Куйбышева... Круг интересов наших читателей поистине неисчерпаем.

Молодежь сейчас много путешествует. Известно, чем больше узнаешь, тем больше хочется знать. Отсюда обилие предлагаемых читателем тем для «путешествий» на страницах «Смены». Кто-то захотелось побывать на Дальнем Востоке, увидеть Байкал, Лену, узнать об исторических памятниках Самарканда и Бухары, Соловецких островов и Кийей. Фотомастера и журналисты

«Смены» удовлетворили многие заявки своих читателей, рассказав в рубриках «Жемчужины отечественной культуры», «Красота родной земли» и о природе Дальнего Востока, Предуралья, Киргизии, и о трех чудесах света — Байкале, Лене, Енисее, и о шедеврах Петродворца, и об интересных экспонатах Государственного исторического музея. Редакцией запланированы новые поездки по родной стране, подсказанные участниками заочной встречи.

С тюменскими нефтяниками и монтажниками Уренгоя, енисейскими речниками и прокладчиками трассы БАМа, оленеводами Чукотки и камчатскими рыбаками встретились наши читатели в августовском и двух сентябрьских номерах, которые целиком были посвящены Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнему Востоку. Эти номера явились подтверждением слов Л. И. Брежнев: «Совсем недавно, во время поездки по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку, я с огромным удовлетворением мог еще раз воочию убедиться, какие замечательные люди трудятся в этих богатейших, но во многом еще суровых краях, какая там великолепная молодежь».

Новая рубрика «Как это делается» была введена по просьбе читателя. Станислав Окуневич из Вильнюса попросил рассказать о том, как изготавливают грампластинки. Репортаж об этом вы прочитали в № 21.

Многие читатели просят рассказать о современной джазовой музыке. Как ответ на эти просьбы они смогли прочитать в № 14 статью Людмилы Герасимовой «Оглушить, ослепить, запугать».

В течение года редакция провела среди читателей пять конкурсов, посвященных 60-летию ВЛКСМ: конкурс интересного письма, конкурс одного стихотворения «Пою мое Отечество», фотоконкурс «Мир молодости Страны Советов», конкурс «Сборная СССР: какой она будет?» и 21-ю шахматную олимпиаду. И вот новые советы: провести конкурс эрудитов, конкурсы по искусству и литературе, по истории ВЛКСМ, конкурс молодых хозяек, организовать клуб знатоков спорта, провести психологический практикум.

Заочная читательская летучка дала нам очень многое. Мы еще лучше узнали характер и запросы своего читателя, умеющего плодотворно, творчески работать, умеющего быть не только наблюдателем, но и постоянным участником всех наших дел.

Заинтересованно, с благодарностью к своему другу-читателю отнеслись к летучке журналисты-сменовцы, учтя в своей редакционной работе разумные и дельные советы читателей.

Редколлегия журнала благодарит читателей, принявших участие в заочной летучке «Смены».

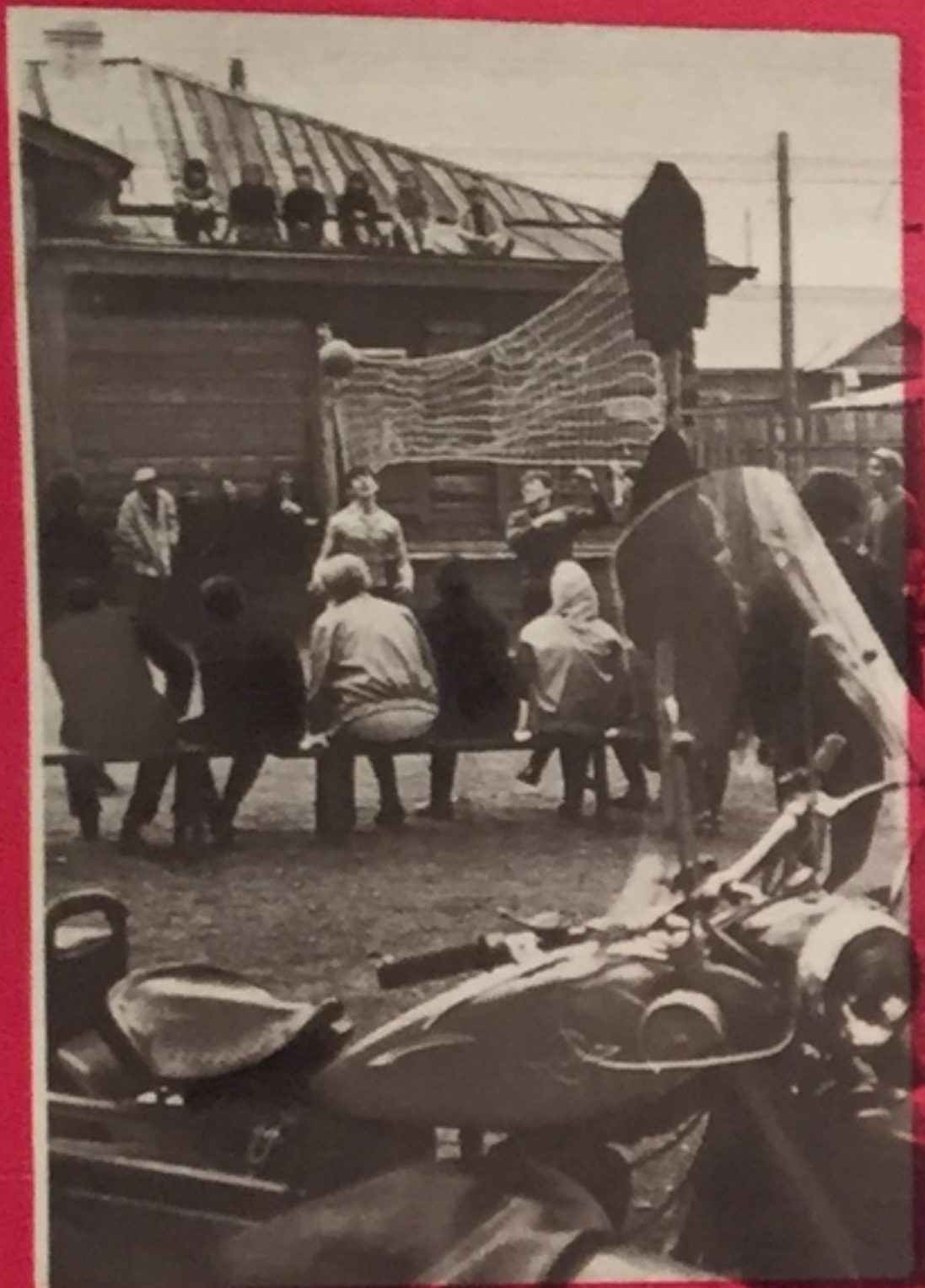
Дорогие товарищи!

Год 1979-й, четвертый год пятилетки, ставит перед нами немало сложных и ответственных задач. Нам предстоит решать их совместно. Поэтому «Смена» будет стремиться учесть ваши пожелания, помочь разобраться в сложных проблемах, быть вашим помощником в труде, учебе, общественной работе. Ждем ваших писем, друзья!

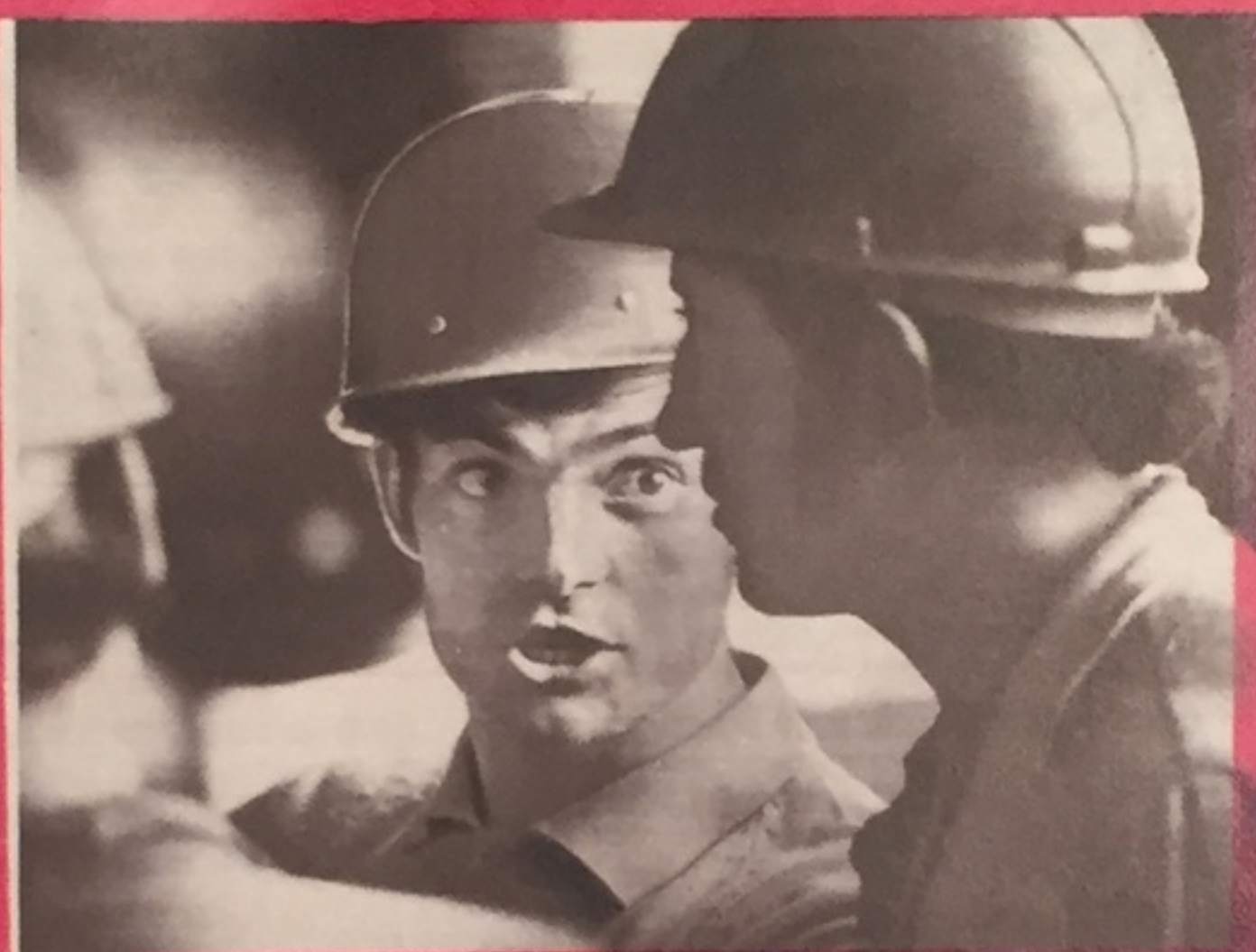
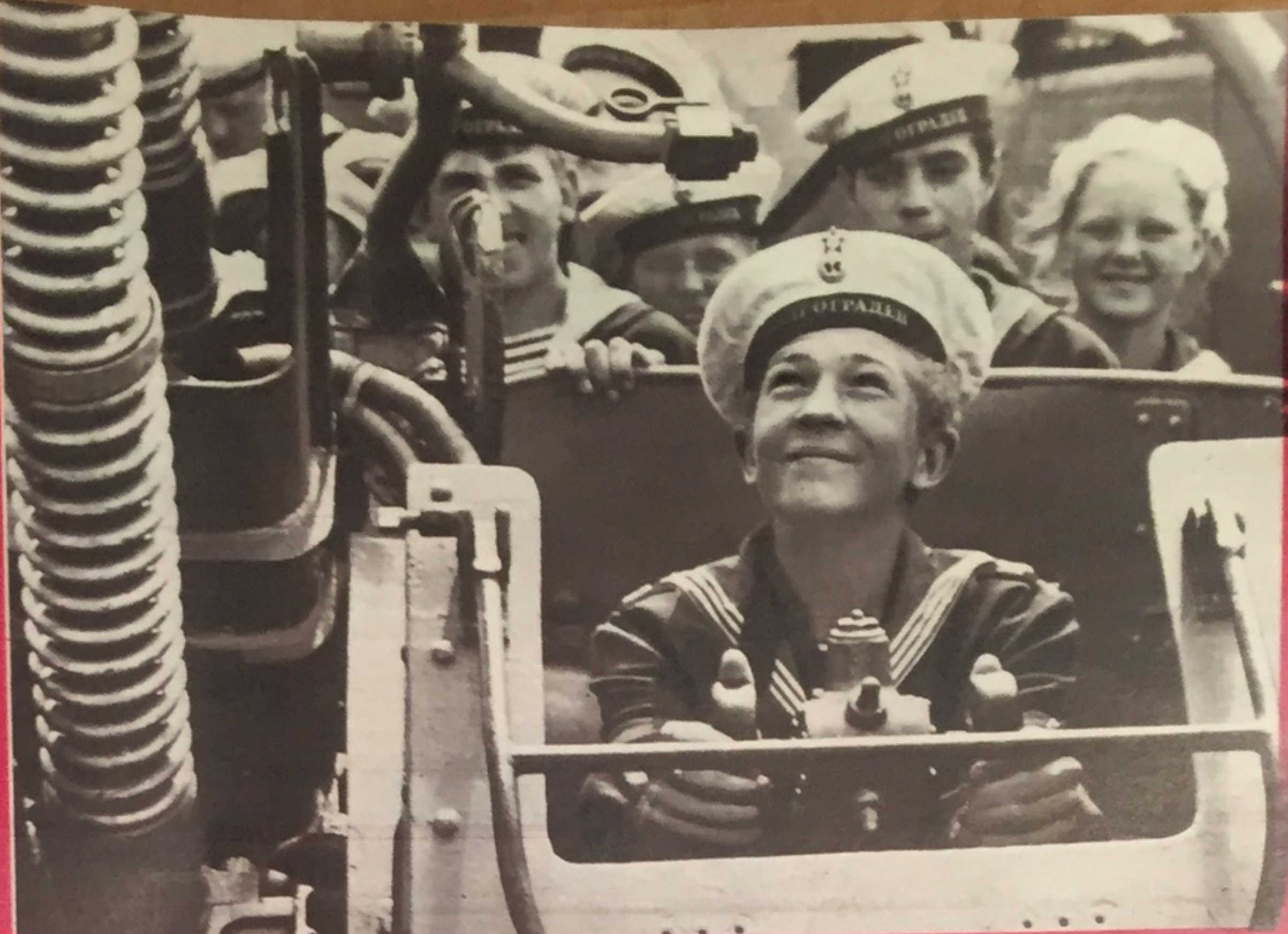

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

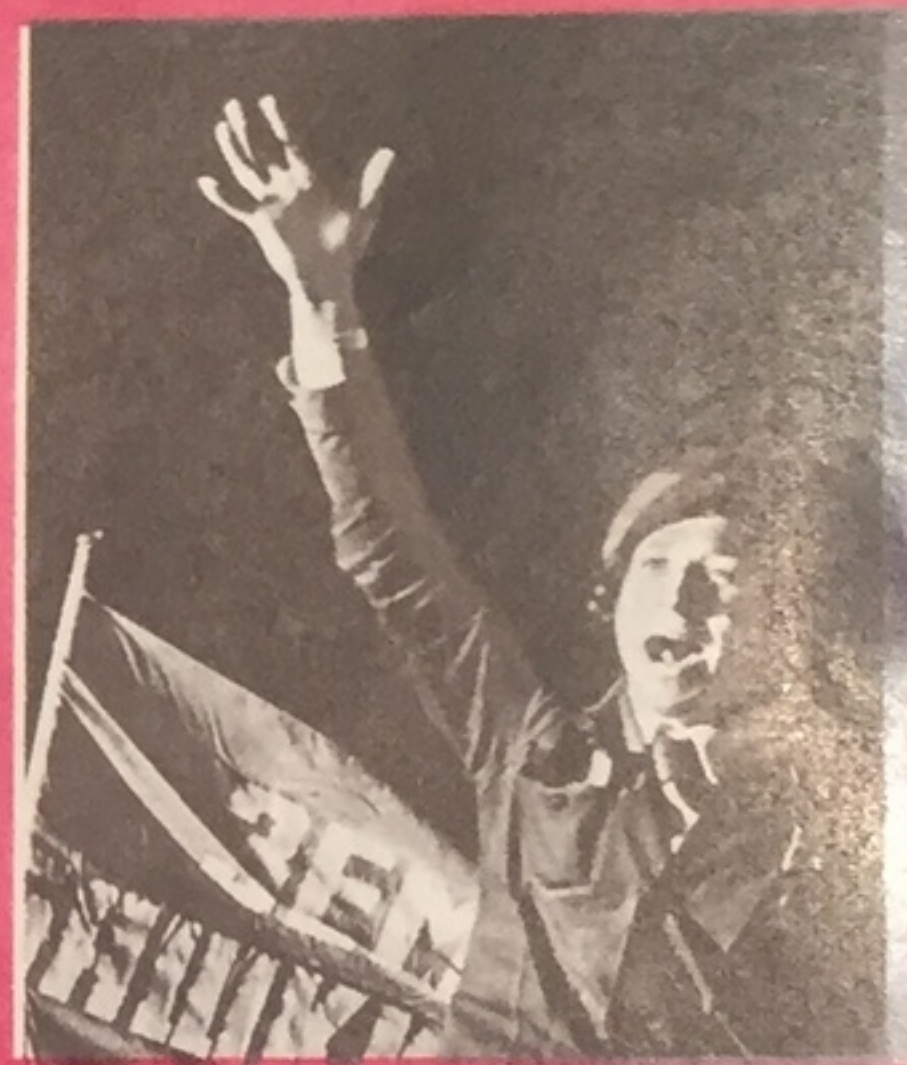
ЮНЫЕ МОРЯКИ.
Фото Николая ДОЛМАТОВА (Волгоград).

МЯЧ В ИГРЕ.
Фото Вилора ЛЕЩЕНКО (Новосибирск).

ДИАЛОГ.
Фото Михаила ПОТЫРНИКЕ
(Кишинев).

СТРОЙОТРЯДОВЦЫ.
Фото Петра НОВИКОВА (Москва).

ИТОГИ КОНКУРСОВ «СМЕНЫ», ПОСВЯЩЕННЫХ 60-ЛЕТИЮ ВЛКСМ

В начале нынешнего года наш журнал объявил конкурсы интересного письма, одного стихотворения, фотоконкурс «Мир молодости Страны Советов», посвященные 60-летию Ленинского комсомола. В редакцию пришли тысячи писем из разных концов нашей страны, от людей разных возрастов и судеб. В целом из полученной почты — писем-исповедей, фотографий, стихов — сложился собирательный портрет комсомольца — героя гражданской войны и первых пятилеток, героя Великой Отечественной войны и восстановительного периода, целины, Братска, героя КамАЗа и БАМа... 60 героических лет комсомола встали со страниц писем наших читателей. Конечно, мы смогли опубликовать лишь малую часть корреспонденции, пришедшей на конкурс. Но практически каждое стихотворение, каждая фотография, каждое письмо легли еще одной строкой в комсомольскую летопись.

КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА

В этом конкурсе приняли участие сотни читателей. На страницах журнала были опубликованы десятки писем. Авторы их искренне, взволнованно рассказали о себе и своих друзьях, о своих старших товарищах, о работе, мире своих увлечений.

Редакция решила присудить премии — годовую подписку на наш журнал — следующим читателям:
Владимиру КНЯЗЕВУ из Брянска, **Александру НИКОЛАЕВУ** из Тамбовской области, **Николаю ВЕРТЯКОВУ** из Оренбурга, **Надежде БАЦАНОВОЙ** из Орска, **Татьяне ДМИТРИЕВСКОЙ** из Владимира.

ФОТОКОНКУРС «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

В «Смену» пришло более 300 фоторабот, рассказывающих о делах сегодняшней комсомолки, о духовном мире нашего молодого современника. Лучшие снимки регулярно публиковались на страницах журнала. Жюри конкурса, рассмотрев присланные работы, постановило:

- **первую премию** (десятидневная поездка по стране) присудить **Николаю ДОЛМАТОВУ** (Волгоград) за снимок из серии «Юные моряки» («Смена» № 24);
- **вторые премии** не присуждать;
- **третьи премии** (годовая подписка на «Смену») присудить:

Марионасу БАРАНАУСКАСУ (Вильнюс) за снимок «Память» («Смена» № 13); **Владимиру ГАЙДАКИНУ** (Киев) за снимок «Праздник музыки» («Смена» № 13); **Ивану ДРОНОВУ** (Фрунзе) за снимок «Невеста» («Смена» № 13); **Алексю КРАСОВСКОМУ** (Запорожье) за снимок «Сталевар» («Смена» № 3); **Виктору ЛЕОНТЬЕВУ** (Москва) за снимок «Огорчение» («Смена» № 7); **Вилору ЛЕЩЕНКО** (Новосибирск) за снимок «Мяч в игре» («Смена» № 24); **Олегу МАНУХИНУ** (Мурманск) за снимок «Вихрь» («Смена» № 9); **Петру НОВИКОВУ** (Москва) за снимок «Стройотрядовцы» («Смена» № 24); **Михаилу ПОТЫРНИКЕ** (Кишинев) за снимок «Диалог» («Смена» № 24); **Анатолию ХРОМОВУ** (Курган) за снимок «На ударные рубежи пятилетки» («Смена» № 20).

Специальная премия Красногорского механического завода (фотоаппарат «Зенит-ЕМ») за лучший снимок, сделанный фотоаппаратурой, изготовленной на этом заводе, присуждена **Владимиру СОКОЛОВУ** (Москва) за снимок «БАМ, после рабочей смены» («Смена» № 7).

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

В конкурсе одного стихотворения приняли участие около двух с половиной тысяч читателей. Массовое участие самодеятельных поэтов в конкурсе в преддверии VII Всесоюзного совещания молодых писателей позволило выявить редакции немало интересных имен. Лучшие стихи 74 авторов были опубликованы на страницах журнала.

Сегодня мы называем имена победителей:

Валерий ФОКИН — инженер, г. Киров;

Петр СУХАНОВ — шофер, Сургут;

Виктор СМЕРНОВ-ФРОЛОВ — экскаваторщик, Москва.

Победители конкурса рекомендуются для участия в VII Всесоюзном совещании молодых писателей и награждаются творческими командировками. Подборки их стихотворений журнал напечатает в первом номере 1979 года.

Кроме того, жюри конкурса сочло целесообразным присудить ряд поощрительных премий, которых удостоены: **Анатолий Анисимов** (гидротехник, Ростов-на-Дону), **Иван Крючков** (электрик, Рыбинск), **Евгений Кохан** (токарь, Хабаровск), **Юрий Мезенко** (студент, Киев), **Ирина Набиева** (учительница школы рабочей молодежи, Москва), **Любовь Никонова** (журналистка, Новокузнецк), **Олег Саньков** (монтер пути, Амурская обл.), **Вячеслав Семенов** (электротехник, Москва).

«Смена» поздравляет победителей, благодарит участников конкурсов за присланные работы и желает всем дальнейших творческих удач.

СОКРОВЕННЫЕ СТРУНЫ БРАТСТВА

«...Бесчисленны нити, которые связывают современную Болгарию и Советский Союз. И нет числа струнам, которые звучат в болгарской душе сегодня, когда произносится это святое для нас имя». Так писал в предисловии к книге «Здравствуйте, братушки!» Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков. Нынешний год, год столетия освобождения Болгарии от османского ига, поистине стал годом Болгарии в Советском Союзе.

Искусство и литература вносят свою весомую лепту в укрепление историей подтвержденной братской дружбы двух стран, двух народов. «Смена» представляет в этом номере творчество известных болгарских литераторов в переводе советских писателей. И в этом видится еще один пример многогранности контактов, культурного взаимообогащения, постоянного заинтересованного внимания — того, чем вот уже многие годы отмечено сотрудничество деятелей искусства и литературы Болгарии и Советского Союза.

Евтим ЕВТИМОВ

Из цикла «Горькое вино»

Ты говоришь, что я переменялся.
Душа чиста и помыслы добры.
К твоим ногам с кометой я явился,
вели —
и снова поднесу миры.

И в этой жизни необыкновенной
не пятна на луне — следы мои,
ведь я шагал, влюбленный, по вселенной,
срывая звезды для своей любви.

Спросила: мол, насколько я влюбленный?
Я не считаю, ведь не в этом суть.
Я б, и на смерть жестоко обреченный,
не стал бы вымерять последний путь.

И я победу праздную удало,
барыш не исчисляю, не хитрю.
Ты предо мной — душа затрепетала,
я счастлив тем, что на тебя смотрю.

Ты не сегодня на земле возникла,
но я тебя сегодня сотворю, —
ведь первая моя любовь велика,
не лгу я, не скрываю, не хитрю.

Никто из нас своей судьбы не знает,
быть поздней встрече — первую для нас,
мой взор свечой венчальною сияет,
и близок свадьбы долгожданный час.

Мир будет ясен. Я с тобой встречаюсь
в суровый день, но все перетерплю.
Последним, может быть, в тебя влюбляюсь,
но первую любовью я люблю.

Роса на травах пела и кипела,
я на заре по лугу шел босой,
а завтра стану сам росой белой
под этой необъятной синевой.

Меня искать повсюду будут пчелы
и окликать полдневные сверчки,
а я войду навек в твой взгляд веселый,
войду в твои бессмертные зрачки.

Снова я один, никак не спится,
хоть полночный мрак в моем окошке.
— Ты куда спешишь, душа-девица,
в мир сошедшая по лунной стежке?

Стала б моя жизнь тобой согрета,
и сказали б люди в ранней сини:
— Яблоко златое у поэта,
потому-то и запел он ныне.

О, будь зарей, что моего чела
коснется предрассветными ветрами,
о, будь березой, что как снег бела,
склоняющейся надо мной кудрями.

Будь птицею, собравшеюся в путь...
И все-таки я говорю пустое, —
ты женщиною, женщиною будь,
ведь в ней соединилось все земное.

Любовь за любовь

Я, как в долг, тебя не обнимаю,
не мечтаю, как в долг, о тебе.
Я надеюсь, я верю, я знаю,
что не гость в твоей женской судьбе.
Может, ты не придешь на свиданье, но
назавтра,
но через три дня
озарит твою душу сиянье
и чащобой ради меня
ты пойдешь там, где тучи кажутся
и пролились бескрайним дождем.
От тебя не идут ко мне птицы,
но два слова напишешь потом —
и доставишь мне радость шальную,
весточкой за живое возьмешь...
Одному твоему поцелую
бросить сердце любимого в дрожь
и наполнить всю жизнь чудесами,
горячить неумную кровь...

Мне не взвешивать чувства
весами!

Я хочу
за любовь — любовь.

Перевел с болгарского
Олег ШЕСТИНСКИЙ.

Творчество Владимира Голева хорошо известно в Болгарии и за ее пределами. Он автор многих поэтических сборников, нескольких книг для детей. Его перу принадлежат также и пьесы, широко идущие на сценах болгарских театров.

По характеру своего поэтического дарования Владимир Голев — лирик, обладающий острым чувством современности. Именно этим можно объяснить неизменный интерес читателей и критики к его поэзии. Неоднократно стихотворные сборники В. Голева удостоивались в Болгарии различных литературных наград, в том числе и сборник «Поздние признания», стихи из которого мы предлагаем вниманию читателей.

Посвящение

ПАРТИИ

К тебе пришел я.
Где мне взять слова,
чтоб о пути своем тебе поведать?
Я твердо знаю:
ты всегда права
в своих свершеньях, жертвах и победах.

Пускай глядят на нас сквозь толщу лет
грядущие за нами поколения.
Я, как и ты, за все несу ответ —
и это сердца моего веленье.

Я шел к тебе по узким тропам гор,
сквозь дым, огонь, сомненья и печали.
Дни эти живы в сердце до сих пор —
и светят мне они из дальней дали...

Я не искал вовек судьбы иной,
я песни пел, встречая ветры грудью.
И ты позволь мне быть всегда с тобой,
пока дышу, пока мне верят люди.

Ночь узором окна украшает.
Кисть ее волшебна и проста...
Смотришь околдованный, но тает
под твоим дыханьем красота.

Вереница ледяных мелодий,
образов неповторимых пир
исчезают, в темноту уходят —
тает на глазах прекрасный мир.

Исчезают... Выюга заглушает
звуков и видений стройный хор.
И стекло уныло отражает
снег осевший и печальный двор.

И каждую ночь почему-то в мой сон,
как видения древние,
являются тени соборов твоих
и столетних развалин...
Зовут меня старые площади,
звуки напевные,
и я возвращаюсь опять и опять
в старинный и сумрачный Таллин.

Все видится: Линда мне машет рукой,
загадочна и непонятна.
Все чудятся скалы и старый собор,
величав и печален.
Я вижу березы —
они, как эстонские девушки,
светловолосые и статные...
И я возвращаюсь опять и опять
в далекий и сумрачный Таллин.

Владимир ГОЛЕВ

Зимние рисунки на окнах

От дыханья твоего исчезнут
тени детства, золотые дни...
Подожди! Пускай они воскреснут!
Не дыши! Пускай живут они!

Пусть живут все давние разлуки,
все воспоминанья и мечты.
Так спаси же образы и звуки
от холодной этой темноты.

Пусть не гибнут под твоим дыханьем,
а живут, рождаются вновь и вновь,
тихий смех и счастья ожиданье,
снежные рисунки и любовь...

Таллин

Я, росший в долинах Пирина,
под солнцем спящим и алым,
под белыми вишнями, что свои тайны
весной мне шептали,
я, знающий с детства смолы аромат
и дыханье фиалок, —
все вижу во сне почему-то
лишь север и сумрачный Таллин...

О, может, вовек не дано мне постичь
глубину твоих мглистых просторов,
и древнюю тайну твою,
что скрывают туманные дали,
и девушку Линду,
и многоголосицу хора,
но знаю одно:
что пленен я тобою навеки,
мой Таллин!

Вселенная

Я понял многое с годами,
и эти истины просты:
зачем лететь мне к звездным далям,
к чужим мирам, к чужим печалям
сквозь километры пустоты?
Ужели там, во тьме крошечной,
куда не проникает взгляд,
найду свой мир, свою надежду?
Ужели там мой рай и ад?..
Нет, человек и сам — вселенная!
Его галактика сложна.
Кипят в ней бури неизменные,
миры рождаются нетленные,
то взрыв, то всплеск, то тишина.
Чтоб тайны эти сокровенные
открыть, нам дан короткий срок.
Так постигай свою вселенную,
ведь в ней
ты бог.

Перевела с болгарского
Лорина ДЫМОВА.

Что тут думать? Сто двадцать метров, сто пятьдесят скоб, дым, газы, качание трубы — что тут думать? Савва закурил, нахмурил лоб и сказал: «Можно попробовать, товарищ директор». Директор заглянул ему в глаза, помолчал, поднял рюмку. «Только по глоточку, Савва. Больше врач не позволил. Завтра получишь десять дней дополнительного отпуска и пятьдесят левов премии. Ну, желаю удачи!»

Прямо от директора его отвели в медпункт, измерили пульс, давление, температуру, прослушали, сделали какой-то укол, дали стакан апельсинового сока и плитку шоколада. Заставили полчаса полежать, потом подняли, велели сделать гимнастику. Пришли ребята из электроцеха, принесли схему и объяснили, что и как нужно исправить, и через несколько минут, невысокий, собранный, он уже стоял перед бетонной громадой. «Давай, Савва, оставь-ка и ты в космосе расписку!» — сказал Денчо, его дружок. А потом шепнул: «Ты смотри там, осторожнее!» Савва по очереди пожал руки главному инженеру, парторгу, комсоргу, начальнику механического, пожарному, даже доктору. Потом — ребятам из цеха, электрикам. «Ты стал у нас большим человеком, Савва! — посмеялись ребята. — Хотя в кино тебя снимай!»

Взволнованный и слегка встревоженный, он подошел к растущей прямо из земли трубе, постоял немного и, не оборачиваясь, ухватился за первую скобу.

С тех пор прошло сорок минут. Он знал, что часы его идут точно, а все же не мог этому поверить, так быстро летело время. Еще в труднейший Савва не раз работал на высоте. Там шум стройки, леса, подъемники и, главное, работавшие вокруг люди внушали уверенность и спокойствие. Захваченный своим делом, он просто не замечал высоты. Сейчас все было иначе: ни шума, ни лесов, ни живой души рядом. У самых глаз серело могучее тело трубы, и, словно муравьи, вверх по нему ползли скобы.

Савва вздохнул и почувствовал неодолимое желание оглянуться: пришло одиночество. Справа раскинулся город, окутанный полуденной дымкой, но церковь и новая гостиница были видны отчетливо. За церковью, в низинке, — его дом. Сестра, небось, зубрит свои уроки, мать затеяла стирку. Вчера он попросил ее выстирать ему рубашку: хотел сегодня прошвырнуться в соседний город. «А что, и прошвырнусь!» — сказал он себе. Слева дремала равнина, опоясанная шоссескими дорогами и линиями электропередач. Где-то в той стороне должен быть аэродром, за тополями не видно. Значит, и там заметили, что на трубе погасли лампы. «Надо, Савва, надо!» Он посмотрел прямо вниз. Цеха, моторы, краны стали маленькими, словно игрушечными. У самой трубы чернело что-то вроде муравейника. «Надо...» Савва отвернулся, отпил из манерки, снова окинул взглядом неимоверно длинное тело трубы. Какая все же разница между вертикальным и горизонтальным. Вытяни по земле эту сотню метров, их одолеет даже ребенок, а поставь на попа — и все по-другому. «Ладно, философствовать будем на земле!» Савва осмотрел брюки, завязки на ботинках, проверил пояс и поплел на левую ладонь.

Сердце билось чуть чаще обычного, но ровно и полно, грудь дышала спокойно, в том ритме, который он установил для себя. Сверху одна за другой бежали скобы, он задерживал их в крепких ладонях, успокаивал и подталкивал вниз. Главное — вовремя зашелкнуть карабин каната. В этом вся штука. Знал, что даже если оступится, канат и двойной пояс удержат его сколько угодно. Но он знал также, что на такой высоте может внезапно закружиться голова, высота

Герчо АТАНАСОВ

РАССКАЗ

BLICOTA

Должно быть, он уже добрался до середины. По спине, по икрам, по суставам растекалась усталость. Но сердце сумело преодолеть тяжесть тела, пульс выровнялся, а вместе с ним дыхание. Он знал, что при таком подъеме главное — сохранить спокойствие, найти нужный ритм, который помог бы сберечь силы до самого верха. Шаг. Лево́й ногой крепко упираешься в одну скобу. Лево́й руко́й хватаешься за другую. Тело выгибается плавной дугой. Право́й руко́й отстегиваешь канат. Набираешь в грудь воздух, отталкиваешься лево́й ногой, и — бам! — вот уже обе ноги прочно стоят на скобе. Щелчок карабина, шумный выдох — под тобой еще восемьдесят сантиметров. Теперь можно передохнуть.

Он старался не смотреть вниз, на заводской двор, и кучку людей; столпившихся возле трубы. Они курили, не сводя с него глаз. Не то чтобы он боялся — просто не пришло еще время оглядываться. До верхушки дымящейся трубы оставалось еще метров шестьдесят. Приходилось беречь каждое усилие, каждое движение, каждый взгляд. Там, наверху, еще предстояло надеть противогаз и в дыму, в жаре заменить погасшие контрольные лампы на раскачивающемся, сложенном из огромных бетонных колец гиганте.

Когда часа два назад его вызвал к себе директор, он и представить себе не мог, что ему придется опоясаться широким ремнем, повесить на плечо противопогаз и ящик с инструментами, сунуть в карман асбестовые рукавицы и после того, как десяток дружеских ладоней похлопают его по спине и плечам, ухватиться за первую, самую нижнюю скобу. Когда-то, еще до того, как Савва обосновался в первую, механическом цехе, ему не раз приходилось работать на высоте. Директор вспомнил об этом и вызвал Савву к себе, поздоровался, поинтересовался здоровьем, спросил, как спал ночью, обедал ли. А в это время секретарша, до невозможности любезная, принесла чай, апельсины, коньяк. «Или они все тут чокнулись, или со мной что-то не в порядке», — подумал он тогда, глуповато усмехаясь. Но вскоре все выяснилось. На главной трубе погасли контрольные огни. Табло показало, что повреждение наверху. Исправить его нужно немедленно. Шеф хотел было вызвать пожарных, но вспомнил о Савве. Будет просто здорово, если он возьмется за это дело. Потому что пожарные у них на заводе люди новые, а требуется человек опытный. «Ты не торопись с ответом, Савва. Взвесь свои силы, нервы, подумай. Я подожду».

может заморочить, потянуть вниз. Знал, что человека может сбить внезапный порыв ветра. Сто двадцать метров все-таки не шутка!

Правая нога вперед, левая рука вверх, крепче, крепче, защелкиваешь карабин, толчок левой ногой, спокойно, опять защелкиваешь карабин, так, теперь правая рука. Хорошо, что мать ни о чем не знает. Пусть себе стирает. Вечером он выкупается, сменит белье, посидит в садике. Что все-таки значит высота. Он всегда, бывало, усмехался, когда видел, как мать сидит под лозой, сложив на коленях натруженные руки. «Женщина! — думал он тогда. — Что за удовольствие сидеть вот так, одной, в этом обшмыганном садике?» А сейчас ему казалось, что он мог бы просидеть там целую ночь — в покое, в тишине.

Левая рука, правая нога, карабин... Над самым ухом раздался какой-то тонкий свист. Савва остановился. Совсем рядом с ним пролетела птица — крылья широко раскинуты, хвост сложен. Птица не обратила на него никакого внимания, может, просто не заметила. Описала красивый круг, погасила скорость, замерла на мгновение и, сложив крылья и вытянув хвост, нырнула в прозрачный воздух, понеслась к земле. «Птички радости, — позавидовал он. — Сюда бы ее, да что толку, в электричестве-то она ничего не понимает!» В сущности, он был доволен. Птица разбила тишину, пролетела совсем рядом, даже уважила его — «притормозила». Он повеселел. Все-таки еще одна живая душа в этой пустоте. Впервые с тех пор, как начался подъем, Савва улыбнулся. Во рту еще чувствовалась приятная сладость шоколада и апельсинового сока, но губы сохли. Он облизал их и пошел дальше.

До верхушки трубы оставалось метров двадцать. Труба стала тоньше, кольца ее — короче. Из горловины выползал редкий, желто-серый дым и быстро таял в воздухе. Савва потрогал бетон — теплый, он, казалось, чуть вздрагивал. «Завод дышит, не что-нибудь!» — сказал себе Савва. Внизу-то когда заметишь трубу, когда нет. Вот издали, с низины, другое дело: там она просто кидается в глаза... Правда, такое бывало не только с трубами... Савва поднял руку и вдруг почувствовал еле заметное покачивание. Вправо, потом влево. Он замер и крепче вцепился в скобу. Бетонное туловище подалось вперед и потянуло за собой его тело, внезапно потерявшее вес. Показалось, что труба сейчас рухнет, как подрубленное у корня дерево. Но мотушиль кольчатый ствол выгнулся, напрягся, выпрямился и вдруг качнулся назад, прямо на Савву. Грудь сдавила невыносимая тяжесть, словно труба навалилась на нее всей своей бетонной

громой. Савва еле удержал крик, рвавшийся из всего его существа, и впился пальцами в скобу. Труба выпрямилась, замерла, потом склонилась вправо. Савва прижался к бетону и закрыл глаза. «Надо привыкнуть», — решил он. И вдруг почувствовал легкую тошноту. Дыхание стало неровным, он жадно и глубоко заглатывал воздух, но тошнота от этого только усиливалась. Где-то внутри возникла боль и медленно поползла к горлу. А труба продолжала качаться — все так же, крест-накрест. Савва понял, что сейчас ему станет дурно. Он поискал манерку, но непослушные пальцы никак не могли отстегнуть ее от пояса. Боль поднялась к горлу и застряла там. Савва почувствовал, что задыхается. Внезапно отяжелевшее тело, казалось, готово было сорваться и рухнуть вниз. Крик прозвучал слабо, с ним неожиданно ушла боль. Тело стало легче. Савва пришел в себя, глотнул из манерки и взглянул вверх. Оставшиеся скобы уже нетрудно было пересчитать. «Космос? — подумал он. — Вот тебе космос!» Правая нога нехотя, но все же оторвалась от опоры и медленно переступила на следующую скобу.

Оставалось еще три. Труба качалась по-прежнему, но теперь из ее жерла несло жаром, пахло горелым. Савва в последний раз отхлебнул воды и натянул противогаз. Мир сразу же отдалился, стал чужим, враждебным. Маска мешала дышать и смотреть, она словно предупреждала — дальше нельзя! Савва слегка отвернул фильтр и убедился, что дым еще не проходит в противогаз. Дышать теперь должно было быть особенно точным, как у хирурга. Уже на первой скобе лицо его залил пот. На второй по спине побежали мурашки. Савва ступил на последнюю скобу и заглянул в самое жерло, усыпанное по краям желто-серой пылью. Внутри было темно от сажи. Горячее ядовитое облако окутало Савву, стекла противогаза запотели, небо померкло. Надо было ждать, пока не сравняются температуры по обе стороны стекла. Он прикрыл глаза и попробовал все обдумать. Не так уж здесь жарко, видно, в котельной топят поменьше. Значит, дыма и газов поубавится. Теперь остается ступить на верхнюю площадку, прикрепить канат к ограде и сменить лампы. Нет, сначала нужно осмотреть провода. Так велели электрики.

Савва взглядом измерил расстояние и точным движением перебросил тело на железное кольцо, опоясывающее корону трубы. Здесь можно было свободно двигаться и работать. Только бы не выронить инструменты. Пот залил все тело, воздух стал еще более едким, резко запахло серой. «Надо поторавливаться», — подумал Савва, зажимая ключом первую очищенную от золы гайку.

Лампы были распределены по трем секторам. На первых двух он почти не обращал внимания на то, как трудно дышится в противогазе, но, перейдя на третий, стал задыхаться. Стекла маски запотели. Он наполовину отвернул фильтр. Газы и резкий запах ударили в голову, он задыхался часто и мелко, как неумелый бегун. Постепенно на стеклах появилось по точке, которые потом расширились до размеров зрачка. Савва отвинтил крышку третьего сектора, сменил лампы и ощутил дуновение до оград. Он ничего не видел, но все-таки несколько раз взмахнул рукой. Вскоре снизу взлетела ракета — его поняли.

Наверное, прошло немало времени, пока включили ток. В полумороке, пропекшийся, как ящерица на солнце, и вместе с тем весь взмокший, Савва бросил безразличный взгляд на бледные грозди вспыхнувших ламп. Даже улыбнуться не было сил. Он опять три раза махнул рукой и, не дожидаясь ракеты, принялся закручивать гайки. Мысли мешались, руки и шея одеревенели, но он по опыту знал, что человек может выдержать ровно столько, сколько нужно. С этой уверенностью он завернул последнюю гайку. Теперь только не торопиться. Один неверный шаг, одно неточное движение — и он погиб. Тяжелый, малоподвижный, неловкий, он начал спуск. Левая нога подолгу оступывала каждую скобу, рука с трудом отстегивала карабин. Полные дыма и газа легкие дышали часто и неглубоко. И сразу же он вновь почувствовал качание, которого почему-то совсем не замечал наверху.

Но все-таки уже сам спуск нес успокоение. Если раньше каждая новая скоба вселяла неизвестность и страх, то сейчас каждый шаг вниз снимал частицу этого страха и приближал к манящей земле.

Спустившись метров на десять, Савва снял противогаз и чуть не потерял сознание. Невыносимая свежесть захлестнула грудь. Тело обмякло, веки сомкнулись, и он повис на обмякших руках, поддерживаемый канатом. Первое, что он увидел, очнувшись, были рубиновые ряды ламп. Они горели густым предупреждающим светом.

Савва тряхнул странной легкой головой и взглянул вниз. Муравейник зашевелился. Кто-то махал ему рукой. Савва приветственно поднял руку. Где-то на станции свистнул локомотив. Савва проследил взглядом за вагончиками, которые, словно взявшись за руки, бежали куда-то, обгоняя собственные тени. Вид затихшей в полуполуденной дреме равнины действовал успокаивающе. Где-то вдали угадывались бледные контуры гор, за которыми простирались новые равнины и вздымались новые горы. Савва впитывал в себя это разнообразие, эту изменчивость, он наслаждался зрелищем, охваченный вдруг возникшим чувством горизонта, которого он, конечно, не сумел бы выразить словами. Наверху, кроме ламп, Савва оставил что-то еще, маленькое, но принадлежащее лично ему — первый и, вероятно, последний результат его новой небесной профессии. Это ради него он карабкался на такую высоту, откуда — с самого неба — он сейчас спускался усталый, довольный, влюбленный в весь мир.

На землю ему ступить не дали. Чьи-то ладони подхватили его, похлопывали по спине, трясли руку... Савва еле поспевал поворачиваться, осунувшийся, потерявший дар речи, с бледной улыбкой...

Наконец люди понемногу разошлись.

— Выкупаться бы теперь, а? — только тогда заговорил Савва. Денчо одобрил идею и потащил его к цеху.

— Ты случайно не знаешь Дору из прессовочного? — с нарочитой небрежностью спросил вдруг Денчо.

Савва никак не мог ее вспомнить.

— Ну та, маленькая, такая в желтом платочке!

Савва опять не мог вспомнить.

— Понимаешь, ты был уже порядком высоко, и вдруг вижу: наверху, на вентиляционной установке, что-то желтеет. Пригляделся — она. Примостила там за трубами и глаз с тебя не сводит.

Савва остановился, помолчал, потом пошел дальше.

— И знаешь, так все время там и просидела, сжалась вся, как зайчонок. А когда ты спустился, тут же сбежала...

Савва украдкой бросил взгляд на вентиляторы, улыбнулся про себя и полез в карман за сигаретами.

Перевела с болгарского
Любовь ЛИХАЧЕВА.

Йордан МИЛЕВ

Вода

Колодезный журавль на горизонте.
И тень его наклонена ко мне:
как будто
он вычерпывает жажду...

Да, это тот же солнечный колодец,
который во дворе моем доньше
не пересох.
Вода журчать в нем будет,
пока я жив.
И свет в нем бьет ключом.

Вот с ведрами на коромысле
идет по тропке моя мама.
Она следит внимательно за мной,
чтобы душа моя не расплескалась,
и говорит мне строго:
— Пей!

Но не могу я жажду утолить.
И снова ощущаю капли слов,
тех слов, что я когда-то слышал:
— Глоток воды,
пусть из следа копыта,
в краю родном намоеном слаще
воды из родников волшебных
в чужом краю!

Когда я от тебя вдали,
я не могу спастись от жажды.
Тогда мираж на горизонте
меня зовет.

Рыбацкое село

Рыбацкое село у океана. Лодки
вдоль берега раскиданы небрежно.
И волны-буйволы, задумчивы и кротки,
лениво лижут золотой песок прибрежный.
А над водой, пропахшей нефтью, стаи чаек
кричат о том, что рыбы нет, сварливо.
И как заколка на кудрях прилива,
качается корабль, безмолвен и печален.
И сети, порванные косяками быстрыми,
на волнах спят под ветерком беспечным
и ждут, когда в них солнце затрепещет,
преображенное в чешуйки серебристые.

Фирдоуси

Нет человека богаче...
Время — золотая казна
его слов.
Ничего, что он был бедняком —
мой шейх,
славный поэт,
некогда в Тусе рожденный.

Не было у него ни чудесных алмазов,
ни пышных хоромов, как у шаха.
Не утонул он в балдахинах
из шелка и лжи.
Не следил он лениво
за смуглыми бедрами
танцовщиц придворных.

Нет, он владел
лишь огненным сердцем,
а сердце вмещало
страдания народа,
стенанья голодных
и тихие вздохи погубленной веры.
Наполнены дни его были
печалью
и тайной надеждой,
что труд его жизни
со временем шах непременно оценит —

Но кто-то должен...

Но кто-то должен рисковать и ныне!..
Нас мир зовет, таинствен и суров.
...Корабль-тюрьма плывет по волнам синим
на тайный зов неведомых миров.

Изогнут темный горизонт, как бочка,
невыносим ритмичный шум воды.
Но Христофор Колумб упрямо хочет,
чтоб люди были смелы и тверды!
А солнце беспощадно и мятежно —
одно на всех...
Кружится голова...
Но все-таки жива в сердцах надежда,
пускай мала,
но все-таки жива.

Они увидят берег неизвестный!
К нему не приставали корабли!
Неистребима вера в них, как песня,
как в море — ожидание земли.

Пока живешь ты верой и покуда
горит в твоей душе надежды свет,
ты смеешь крикнуть перед всеми: Буду! —
хотя в ответ услышать можешь: Нет!

И снова ждет нас путь под небом низким,
диск острова, встающего вдали...
Я воспеваю безоглядность риска
и поиска неведомой земли!

Керамика

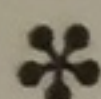
Димитру Стефанову

Июнь идет к концу. Сначала
он был водою и обычной глиной.
И день — гонимый с утра до поздней ночи
вертел без устали свой круг.
Черешни у дорог созрели.
По ним легко считать минуты
на солнечном спящем циферблате
с миллионом стрелок золотых.

Взяв блики света вместо красок,
усердно мастер принялся за дело.
И кистью рисовать он начал время,
веселое —
как радуга весной.

Деревья он зеленою глазурью
нарисовал вдоль горизонта —
края чаши.
Из этой драгоценной чаши можно
пить целый век...

Перевела с болгарского
Лорина ДЫМОВА.

Я ищу тебя в дождь. Среди нахохленных зонтиков странно вдруг припомнить сиянье весеннего звонкого дня. А витрин полыхают в ночи голубые экраны, и рекламное лето оттуда глядит на меня.

Я ищу тебя в дождь. И о времени нет представленья. И улыбку твою я сейчас вспоминаю едва... Дождь идет бесконечный—

почти наводнение, и сезон одиночества грустно пророчит листва.

Знаю—ждешь от меня ты любви и защиты. И какой-то мужчина

тебя укрывает зонтом, как богиню, возводит на высокие, скользкие плиты, и учтивое сердце свое

он подарит притом.

Ну, а я весь другой—и душа и одежда. Надо мною не властно дождя забытье. Все ночные такси мчат сейчас к остановке Надежда, только я с каждым шагом

все дальше иду от нее.

Миг словно вечность

Я полюбил тебя нежно и жаростно прежде, чем встретил. В древних гравюрах искал тебя, ясную, в солнечном свете. В звездном сиянье манили объятия, очи и плечи. По телевиденью, по телепатии знал я о встрече.

Сколько столетий бесшумно сближались наши маршруты! Сколько случайностей в мире связались ради минуты! Чтобы столкнулись влюбленные атомы в вихре вселенной. Зовом извечным была ты мне, песней весенней.

Ты по откосам крутым поднималась вместе со мною. В сны мои радостью светлой являлась, горькой виною. Ты моя боль, моя истина, гнев и сердечность. Наша любовь беспредельно-единственна. Миг словно вечность.

Где-то далеко...

Минск возник и вновь растаял. Минск дождлив и серебрист. Был когда я там? Не знаю. Только сердцем помню Минск. Пусть он будет не в обиде как явление мечты... Я его почти не видел. Был с тобой. Со мною ты. Помню площадь, словно поле. То ль дождинка, то ль слеза... И музей народной боли. И кричащие глаза. Помню в небе светлоликом журавли плывут, трубя. И багряная гвоздика на ладони у тебя... Миг, летящий птичьей стаей. И высокий обелиск. Минск возник. И вновь растаял. Твой И мой навеки Минск.

Другой жанр

Я прощаюсь с поэзией. И вступаю в суровую прозу. И не только перо—жизнь в другой устремляется жанр. Я безумному риску предпочту нынче скромную пользу. О футболе толкую. Степенно хожу на базар. Я подшучивать стал над собою, вчерашним. Витамины глотаю. Над строкою не бьюсь до утра. И все чаще мне снится, что стал я начальником важным, и в уме не стихи, а телефонные номера. А в ладони остался лишь хвост улётвешей кометы. И зима в одеянии белом идет на порог. Становлюсь я спокойней и верую в сны и приметы, сам теперь сохраняю, что раньше не очень берег. Мая больше не будет. А впрочем, не знаю. Я как лекарь, который себя не умеет лечить. Не спешу я, как прежде, уступаю дорогу трамваю. И пороки в себе всё трудней мне теперь уличить. Сам я в жанре другом. И, наверное, выбора нету. Трусом не был вовеки. Что ж такое случилось со мной? Пусть поэзия снова, как родник, пробивается к свету и поит меня звонкой живою водой... Может быть, это возраст. Ученые всё объясняют, и во мне происходит естественный, скажут, процесс... Выхожу я, а звезды, как в детстве, призывно сияют, и томится душа ожиданием новых чудес.

Новость

Мои сынок разбудил меня нынче с утра: — Папа, важная новость! Поднимайся, пора! — Что за новость?...—С тревогой гляжу на него, Ну, а сын мне не хочет сказать ничего.

Может, слушал транзистор он в утренний час и узнал, что ракета стартует на Марс...

Иль спортсмен знаменитый успел где-нибудь золотым достижением в мире блеснуть...

Может быть, на заре приходил почтальон и сынишку известьем порадовал он?..

Что за новость?... Как будто и не было сна. Ну, а вдруг где-нибудь разгорелась война?..

И не выдержал маленький мой человек: — Первый снег! Погляди-ка в окно—первый снег!

Мир

Мир для меня—мой маленький сынок. Он во дворе играет, непоседа, и жизнь не мыслит без велосипеда, освоил и педали и звонок. Приятель птиц, неистовый ковбой, большой любитель задавать вопросы, он от квартиры ключ на шею носит, поскольку сам командует собой.

И я глухую чувствую вину и за него всечасно беспокоюсь, не угодил бы под недалёкий поезд, когда опять начнет играть в войну. Страшусь, что нету страха у него ни перед кем, он в зло людей не верит и их свою добротой мерит. Как уберечь мне сына своего?... Не знаю, есть ли у него друзья, кому он теплоту души подарит? А жизнь его еще не раз ударит... И вырасти без этого нельзя.

Шесть без пяти. Он смотрит с высоты и ждет меня, коль задержусь я где-то, полив из водяного пистолета заботливо балконные цветы.

Перевел с болгарского Геннадий СЕРЕБРЯКОВ.

Димитр СТЕФАНОВ

Пять шагов

Георги Струмскому

Пять маленьких шагов впервые в жизни дочь сделала моя по домотканому ковру, споткнувшись только раз о вышивку.

А ныне советский космонавт прошел все те же пять шагов по синеве земного неба.

От нашей узкой улицы до космоса теперь исхожен мир.

Уже давно был сделан нами шаг к сердцам, родным нам не по крови,

по цвету ярко-красному родным. И два шага к рукам, что утонули в желаньях и мыслях буден. И три шага к той правде, что горчит на языке, пока о ней мы вслух не скажем. Прошли четыре мы шага к счастливой вере, что все пройдем, все одолеем, раз уж смогли взлететь.

И пять шагов... Какой же длинный путь!

Стихи о чесноке

Мы воспевает все привычно славянский золотистый мед. Но кто же, кто же воспевает чеснок болгарский прозаичный? И даже летопись о нем молчит, в веках его хоронит: ведь был знаком крестьянский дом с ним, а не царские хоромы.

Я видел стены расписные Боянской церкви. Скуп и строг рисунок. Там едят чеснок на Тайной вечере святыне. И он таким изображен, каким был на пиру и тризне. Сумел вдохнуть в искусство он правдивость и величие жизни.

И я подумал: кто веками привык трудиться в хлад и в зной, склонится тот перед сохой, но никогда перед врагами! Чеснок—он каждому знаком, он друг простого человека. И пахнет, пахнет чесноком сума крестьянская от века.

Когда же в комнате чердачной в день невозможной синевы был выслежен «агент Москвы» полицией и тут же схвачен—обед остался на столе... Открылся любопытным взглядам непрочесанный серый хлеб и чеснока головка рядом...

Пусть поэты, как обычно, поют про золотистый мед. В моих стихах же пусть живет чеснок болгарский прозаичный. Есть у него свои права: нас окружают ежечасно предметы, вещи и слова, что так обычны... и прекрасны!

Баллада

Доктору Върбану Генчеву

Царский луг—Царский ключ—между ними лежит твоё царство. Лекарское и политкомиссарское.

Кони врагов на Царском лугу копытами били. Из источника Царского кони и стражники пили. Были леса твоим истинным царством. Лекарским и политкомиссарским.

Бинтами ты перевязывал раны, словами врачевал сердца. В сумке лежали таблетки и травы, в обойме пилюли для врагов из свинца. Боль и заботы твоим были царством. Лекарским и политкомиссарским.

Прописывал сон и живую воду. Но знал ты, мудрейший из докторов: общество печат только свободой, только тот, кто свободен, здоров. Были мечты твоим истинным царством. Лекарским и политкомиссарским.

Враги шли по следу, хотели настичь тебя с друзьями в одну из ночей. Не знали они, что должны погибнуть те, кто своих убивает врачей. Свобода была твоим истинным царством. Лекарским и политкомиссарским.

Перевела с болгарского Лорина ДЫМОВА.

ЗЛОТУТОЕ СЛОВО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Далекое —
близкое

МОЖНО ЛИ
ОПРЕДЕЛИТЬ ИМЯ
АВТОРА «СЛОВА
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»?

Великая поэма, призывавшая русских людей к единению перед лицом надвигавшейся военной опасности, безымянна. Автор ее, пристыдивший князей, занятых мелкими распрями и забывавших о судьбах русской земли, не подписал свое смелое произведение. Он не поставил свое имя не из боязни мести с их стороны, не от желания скрыться в тени анонимности. Можно думать, что в конце лета 1185 года, когда половецкие ханы во главе с Кончаком вели свои войска на Переяславль и Киев, он, этот безымянный для нас поэт и мудрец, выступил открыто перед лицом всех князей, созданных в Киев по случаю грозной войны. Те князья, чьи владения находились далеко в глубине Руси, вдали от опасных степей, норовили вернуться в свои вотчины, покидали передний край обороны. И автор их остановил своим набатным «Словом». Во всей поэме мы видим как бы прямое обращение ко всем тем, кто был позван в Киев защищать «мать городов русских». Вся поэма полна намеков, мимолетных напоминаний о том, что этим людям в те дни было понятно с полуслова. Как жаль, что автор не подумал о потомках — сотни ученых на протяжении почти двух веков кропотливо разбирают каждую фразу, разгадывают значение его аллегорий, пытаются проникнуть в истинный смысл его намеков. Ведь точно так же и Пушкин писал своего «Онегина» в расчете на современников: он не раскрывал своих искрометных намеков, надеясь на их полную прозрачность для окружающих. А для нас теперь уже нужны комментаторы, раскрывающие смысл иносказаний, значение забытых имен и понятий.

Все исследователи сходятся на том, что «Слово о полку Игореве» предназначалось первоначально для устного исполнения или как сказ, или как песня-былина, может быть, под аккомпанемент гуслей. Недавно музыковед-фольклорист Л. В. Кулаковский переложил «Слово» на музыку; это очень интересная работа.

Возможно, что в грозный 1185 год с этой песней и обратился автор к русским полководцам, укрепляя их дух и обличая тех, кто, подобно князю Давыду Смоленскому, пытался уклониться от общего дела.

Нет, не из страха перед сильными мира автор не упомянул своего имени, а потому, что он стоял перед ними и им в лицо направлял свои похвалы и свои упреки.

Он остался для нас анонимом оттого, что был слишком хорошо известен людям своего времени и не считал нужным подписывать свою поэму. Да это и не было принято тогда; лишь очень немногие средневековые произведения дошли до нас с именами их авторов.

Автор «Слова» покорила современников и потомков гармоничным сочетанием красоты и мудрости, благородства и смелости. Он нигде не поучает, он только рисует сотни картин и образов, действующих так, как задумано им. Превосходный лаковый язык, переменчивый ритм, счастливо найденные созвучия... Чего стоит, например, изображение легкой кавалерии, мчащейся во весь карьер по сухому степному грунту: «С зараня во Пятюк ПоТОПТаша Поганые Полки Половецкия...»

Словами здесь сказано, что в пятницу утром русичи победили полки нечестивых половцев, а звуками стихов передан торопливый топот стремительной конницы.

Поэт неразрывно слил дела человеческие с природой. Бездорожные степи, овраги, голубые реки, тихие заводи, холмы, дубравы, заросли камыша, неприступные горы и синее море — все упомянуто здесь. Природа жива. Степные волки, испуганные лебеди, барсы, орлы, лисы, кречеты, зловещие вороны, легкие речные чайки... Природа принимает живейшее участие в судьбе людей: солнце, светило

мира, гаснет среди дня, чтобы предостеречь неосмотрительного князя; спасительный туман вовремя окутывает Игоря, отважно убегающего из половецкого становища; дятлы стуком своим указывают путь, соловьиные песни предвещают конец ночной безопасности.

Но самым любимым образом, взятым из природы, является сокол. Быстрый, смелый, небывало зоркий сокол поднимается на такую подоблачную высоту, откуда ему открывается широчайший кругозор. Четырнадцать раз (и всегда к месту) использует автор образ сокола. Да и сам он оглядывает Русь и сопредельные страны с какой-то особой, недоступной обычным людям высоты, «яко сокол на ветрех ширяясь».

Примером широкого охвата многих земель с излюбленной им соколиной высоты может служить один из вариантов запева, когда автор как бы вслух размышляет о том, как лучше было бы начать песню о событиях в Руси и в Половецком поле. Ему нужно сказать о четырех событиях:

1. Половцы всеми племенами перекочевали на свои весенние кочевья близ пограничной реки Сулы. Сюда они пригнали табуны своих коней.

2. В Киев на пасхальной неделе, при звоне колоколов, вернулись с победой войска киевского князя Святослава, разбившие половецкий отряд.

3. В Новгороде-Северском князь Игорь Святославич протрубил поход против половцев и двинул свои полки.

4. В Путивле, на пути в половецкую степь, уже сформированы полки, долженствующие принять участие в походе северских дружин.

И все это в поэме намеков и иносказаний гениальный автор выразил всего лишь в четырех коротких строках:

Комони ржут за Сулою.
Звонит слава в Киеве.
Трубы трубят в Новеграде.
Стоят стяги в Путивле.

Поэт поднимался и над пространством и над временем. Своих слушателей он тоже поднимал на эту высоту и как бы раскрывал перед ними карту Европы от Венеции до Великого Новгорода, от Германии до Половецкого поля, от Византии до Волги и Северного Кавказа. Как же это должно было поражать и привлекать средневековых людей, живших в пору узких обособленных феодальных мирков, когда действовала поговорка: что город, то норы, что деревня, то обычай!

Обилие красочных образов, сочных характеристик, народных поговорок, символов не заслоняло в поэме ее главной патриотической идеи, ее задачи сплотить все силы Руси.

Недаром историки искусства нашли в старой русской архитектуре XII века белокаменное подобие «Слова». Это Дмитровский собор во Владимире, весь покрытый резными узорами, сотнями фигур всадников, кентавров, львов, фантастических птиц, причудливой каменной листвой. Узору так много, что вся верхняя половина здания сплошь, как златотканым плащом, покрыта этими бесчисленными рельефами. Но это щедрое изобилие декора не заслоняет целого: стоит вам отойти на расстояние, и перед вами будет не сумма изукрашенных камней, а стройное, гармоничное до музыкальности целое.

Таково и «Слово о полку Игореве».

Не удивительно, что русские люди, жившие среди кровавых и бессмысленных княжеских раздоров и войн, сразу же полюбили великое «Слово о полку Игореве».

Во-первых, следует сказать, что как произведение злободневное, созданное по поводу реальной опасности определенного года, оно достигло своей непосредственной цели: князья, очевидно, призна-

ли необходимость единства, так как весь следующий, 1186 год прошел спокойно, а в 1187 году русские князья объединенными усилиями осуществили давно задуманный превентивный поход в степь.

Лет пять спустя после создания «Слова о полку Игореве» киевский летописец, оформляя записи о событиях 1184—1185 годов, явно подражал «Слову о полку Игореве», и там, где нужно было описать взятие Игоря в плен, он вложил (не очень удачно) в уста пленнику огромную покаянную речь в стихах:

...и се ныне вижу отместье
от господ бога моего:
Где ныне возлюбленный мой брат?
Где ныне брата моего сын?
Где чадо рожения моего?..

Проникнутое церковной идеей покаяния грешника, расценивающего свои несчастья как месть господу бога, эта искусственная «речь» Игоря не что иное, как литературный вымысел летописца, чуждый по духу «Слову», автор которого пренебрегал церковными идеями и фразеологией. Для нас это важно лишь как показатель влияния великого поэта на современников: даже летописец-церковник заговорил стихами.

Художники начала XIII века, иллюстрировавшие летопись для князя Всеволода Большое Гнездо, вносили в свои рисунки такие детали, о которых текст летописи не говорил ничего, но их можно было почерпнуть только из «Слова о полку Игореве».

Тогда же, в начале XIII века, в самый разгар княжеских междоусобиц во Владимиро-Суздальской земле, еще один неизвестный по имени книжник написал поэму о «погибели» (болезни) русской земли, видя эту гибель в междоусобных войнах, уносивших тысячи жизней. В этой поэме автор как бы продолжает «Слово о полку Игореве», а иногда кажется, что он цитирует какой-то не дошедший до нас, более полный текст «Слова».

В 1307 году, опять во время княжеских распр, ученый книжник Диомид во Пскове цитирует «Слово о полку Игореве». Как Данте, писавший в эти самые годы свою «Божественную комедию», обличавшую распри феодалов, обратился к Вергилию, так псковский монах вспомнил об авторе «Слова».

После знаменитой Куликовской битвы 1380 года, ставшей надолго как бы новой точкой отсчета лет, создалось много литературных и устных произведений, воспевавших битву за национальную свободу. Одним из таких произведений была «Задонщина», поэма о битве за Доном. Автор ее взял за образец «Слово о полку Игореве» и, будучи твердо уверен, что этот образец прекрасно известен всем его современникам, все события осени 1380 года подчинил структуре «Слова», беря из него и образы и целые фразы. Русскому патриоту, свидетелю победы над поработителями, приятно было дать в своей поэме антитезу «Слову»: там — поражение русских в результате отсутствия единства, а здесь победа, как заслуженная награда объединенным мужественным войскам Дмитрия Донского.

«Слово о полку Игореве» переписывали и в XV и в XVI века; следы знакомства с ним мы находим в летописи в описании знаменитой битвы под Оршей в 1514 году и в «Истории о великом князе Московском» князя А. М. Курбского. Затем почти на два с половиной столетия жемчужина русской поэзии уходит в небытие, исчезает с горизонта поэтов и историков. Ни В. Н. Татищев, ни М. В. Ломоносов не знали о «Слове». На двадцать лет единственная рукопись оказалась на свет, чтобы сгореть в Москве в пожаре 1812 года. К счастью, была сделана рукописная копия и была типографски напечатана в 1800 году книга с полным текстом.

С тех пор многие сотни ученых в разных странах мира изучают «Слово о полку Игореве», а переводчики ведут благодарное соревнование, кто из них точнее и красочнее переведет поэму на современный язык.

В свои школьные годы я плохо понимал «Слово о полку Игореве», хотя и был увлечен романтикой родной старины. Став студентом-историком, я подпал под власть околдовывающей поэзии «Слова», зачаровывающей загадочности речений. Читал и перечитывал, даже разъяснял иногда друзьям отдельные места. В 1937 году, когда отмечали 750-летие поэмы (тогда считали от 1187 года, года смерти одного из героев битвы 1185 года), я начал вести семинарские занятия со студентами по сопоставлению летописи и «Слова». Тогда мне казалось, что я уже все окончательно понял, что все загадки вполне разъяснились. Самомнение! Прошло два и три десятка лет работы над этой эпохой, и лишь тогда мне открылись новые тайны, были найдены нужные опорные точки, и снова показалось, что наконец-то «Слово о полку Игореве» стало по-настоящему понятно мне. Не знаю, до конца ли?

Одной из загадок остается имя автора. Работая над «Словом» как одним из элементов русской средневековой культуры, я не очень огорчался тем, что нам неизвестно имя поэта: грандиозность самой поэмы, ее неумирающая значимость отодвигали в сторону такую деталь, как имя автора.

Догадка пришла в процессе работы. Сначала она была записана на полях рукописи с вопросительным знаком, затем обросла дополнительными соображениями, но, разумеется, осталась лишь догадкой.

Имя автора «Слова о полку Игореве» нам неизвестно, и могут быть высказаны только гипотетические соображения. А между тем в журнальной и газетной литературе что ни год, то появляются новые (и притом весьма категоричные) утверждения, что имя автора найдено!

Автором «Слова» оказывается то сам князь Игорь, то бежавший с поля боя боярин Беловолод Просович, то галицкий князь Тимофей, упоминаемый летописью под 1205 годом, то сын тысяцкого Рагуилы, то сам тысяцкий, то галицкий певчий Митуса (уп. в 1241 году), то случайно упомянутый летописью тюрк Кочкар. Трудно перечислить все те выхваченные из источников имена людей XII—XIII веков, с которыми исследователям и любителям хочется сопоставить поэму. Так поступать нельзя! Ведь зачастую мы ровно ничего не знаем об этих людях, кроме однократного упоминания. Был ли писателем тысяцкий Рагуила? Знал ли грамоту княжеский слуга Кочкар?

Десятки вопросов должны быть заданы по поводу каждой кандидатуры в авторы «Слова». Необходимо составить, так сказать, «правила игры» или условия задачи: в каком социальном кругу искать автора, в каком княжестве, каково отношение автора к церкви, державшей тогда в своих руках письменность, откуда автор почерпнул свои глубокие исторические знания, почему автор так блестяще знает военное дело, соколиную охоту, на каком диалекте написано «Слово» и т. д. Полемика нашего поиска будет сама поэма, где личность автора, его симпатии и антипатии, его познания обрисованы достаточно рельефно. Но, кроме того, нам следует углубиться и в обширный лес русской письменности XII века вообще, где легко заблудиться в сопоставлениях и аналогиях, где содержится не меньше загадок, чем в самом «Слове», но там могут быть найдены писатели или летописцы, близкие по духу и по стилю к нашему замечательному анониму.

По поводу принадлежности автора к верхам дружинного слоя Древней Руси споров нет. Превосходное знание военного дела и воинских обычаев, знакомство с польскими, кавказскими и западноевропейскими доспехами и оружием, понятие рыцарской чести, описание действий конницы — все это свидетельствует в пользу его прямой причастности к дружинному кругу.

Смелая критика действий отдельных князей, которые по своему положению и объему власти равнялись западным королям, разговор с ними на равных свидетельствуют о том, что автор был не в последних, а в первых рядах киевского боярства. Киевлянином его можно считать, во-первых, по языку (без диалектизмов), а во-вторых, потому, что он прекрасно знал топографию Киева (Боричев взвоз, Пирогощая, златоверхий дворец на Горе, Оболонье). Значительно меньше ясности в вопросе о том, к какому князю был близок наш автор. Поскольку вся поэма написана в поддержку Игорю, то обычно такой вопрос даже не ставится; считается

аксиомой, что автор находился в окружении Северского князя и, может быть, даже был участником несчастного похода 1185 года. Последнее мы должны отвести: описание битвы могло быть сделано по рассказам участников, а самый факт наличия описания битвы в поэме не дает еще нам права считать автора ее участником. (Ведь по этому принципу Жюль Верн, автора «Путешествия на Луну», мы должны считать человеком, побывавшим на Луне.) «Эффекта присутствия» в описании битвы нет.

Симпатии автора к Игорю тоже очень ограничены. Автор явно порицает князя за сепаратный и поэтому обреченный на неудачу поход, но когда Игорь убежал из плена и явился в Киев просить помощи, автор в интересах всей Руси стремился загладить его вину, выставить на первый план его личную храбрость, его желание нанести удар опасным соседям. Ту княжескую ветвь потомков Олега Гориславича, к которой принадлежал Игорь Святославич (внук Олега), автор называет Ольговичами, как сами потомки Олега себя никогда не называли. Из всех Ольговичей автор выделяет и восхваляет лишь одного Святослава Киевского, но это объясняется тем, что Святослав являлся как бы главнокомандующим дружинами разных князей по принципу старшинства Киева среди других русских княжеских центров. Если бы автор принадлежал к окружению Игоря Святославича Северского, то нельзя объяснить полное умолчание о Северском княжестве, отсутствие в поэме описания возвращения Игоря из плена в свое княжество. Автор — киевлянин, и для него Игорь становится видимым лишь тогда, когда он добрался до Киева.

Приглядимся к очень важному разделу поэмы, где автор обращается к русским князьям со своим знаменитым призывом стать за землю Русскую, «затворить ворота Полю половецкому». На первый взгляд кажется, что здесь названы чуть ли не все тогдашние князья. Но это только так кажется. Великие князья (Черниговский, Владимирский, Галицкий) названы независимо от их династической принадлежности, а все второстепенные, так сказать, удельные князья и князьки названы по строгой системе: поэт обращается только к потомкам Мстислава Великого, сына Мономаха. Десяток князей, враждовавших с этим «мстиславовым племенем», просто не упомянут. Это сыновья «злодея Мстиславичей» Юрия Туровского, сыновья «мачешича», образовавшие побочную ветвь. Зато к князьям «мстиславова племени», даже к самым юным, автор обращается с призывом к борьбе за Русь.

Киевский престол в это время занимали два князя-соправителя: Святослав (из Ольговичей) и Рюрик (из Мстиславичей). Автор поддерживал их обоих, так как оба они организовывали оборону Руси от половцев, но симпатии автора в поэме проявились только по отношению к Мстиславичам, к этой многочисленной княжеской ветви.

Крайне интересно отношение автора к церкви. В средневековой церкви старалась монополизировать литературу, и большинство тогдашних писателей принадлежало к духовенству. Во всем они старались провести идею божественного руководства всеми человеческими делами и упоминали бога и святых чуть ли не на каждой странице.

«Слово о полку Игореве» резко отличается от такого рода литературы. Это поэма чисто светская, рыцарская, патристическая, без каких бы то ни было элементов церковности. Герои поэмы не молятся, не обращаются к богу, их судьбы не связаны с божественным предопределением. Больше того, автор проявил живой и даже опасный для того времени интерес к языческой романтике: русские люди не потомки библейского Адама, а внуки языческого Дажьдога; ветры не дунуение ангелов, а внуки Сtribога; Солнце не творение христианского Саваофа, а сам языческий бог Хорс.

Только высокое социальное положение могло спасти смелого поэта от преследований церковных инквизиторов.

Отвергнув божественное предопределение, автор искал причину зол современной ему Руси, истоки распри и кровавых междоусобиц в делах человеческих, в истории русских земель.

«Слово о полку Игореве» не только вдохновенная поэма, но и мудрый историко-политический трактат, результат многолетних размышлений автора над судьбами Руси и глубоких знаний родной истории.

Автор знает и далекую эпоху славянского процветания в первые века нашей эры, называя ее «веками трояными» — по римскому императору Траяну, при котором начались торговые связи славян с империей. Знает он и трагическое поражение славянского князя Буса в битве с готами в IV веке. Намекает он и на походы славян VI века на Балканы, «через поля на горы». Но настоящим историком, не только описывающим факты, но анализирующим явления, он проявил себя тогда,

когда отошел в своей поэме на сто лет назад от своей эпохи и подверг острому и тщательному разбору дела князей XI века. Он резко и беспощадно осудил дела князей XI века — Олега Святославича, подбивавшего убоицы, приглашавшего наемные войска половцев и разорявшего Русь. Гневно назвал он его Гориславичем — князем, приносящим горе. Он противопоставил ему князя Всеслава, который был избран на престол народом в разгар победоносного народного восстания в Киеве в 1068 году. Используя народные былины о кратковременном княжении Всеслава, автор дал ему восторженную поэтическую характеристику.

В исторической части поэт упоминает тринадцать исторических деятелей XI века и девять географических пунктов. Он отлично знал историю Руси столетней давности и, несомненно, был не только поэтом, но и историком, строго судившим князей времен «первых убоиц».

Теперь мы уже получили несколько признаков, по которым можно пытаться отыскать автора среди его многочисленных современников.

Он воин, полководец, получивший хорошее образование: он сторонник потомков Мономаха Мстиславичей, киевский боярин, независимый державный по отношению к князьям и к церкви. Он историк, прекрасно знавший летописи и умевший находить причины явлений путем анализа их истоков. Где же искать его нам? Куда направить свой поиск?

О князьях и боярах XII века мы знаем лишь по отдельным упоминаниям об их делах, но ничего не знаем об их литературном творчестве (кроме Андрея Боголюбского, умершего за одиннадцать лет до похода Игоря).

Есть еще один разряд людей, о которых мы кое-что знаем, — это летописцы, авторы хроник, по которым мы изучаем дела и дни Древней Руси.

В XII веке летописи велись в каждом большом городе; почти каждый князь хотел видеть свои деяния описанными в летописях на память потомкам. Далеко не все летописи дошли до нас. Но все же в древних рукописях сохранилось летописание Киева, Чернигова, Владимира, Новгорода, Пскова, Галича, Рязани и некоторых других княжеских центров. Летописцы были субъективны, они своим пером служили каждому своему князю, и поэтому их легко опознать.

Имена летописцев в большинстве случаев нам тоже неизвестны и определяются предположительно, по косвенным данным.

Для наших целей очень важна сводная киевская летопись, законченная в 1198 году (она дошла до нас в копии XV века). Составитель киевского свода использовал несколько разных летописей, которые он слил воедино, выбрав из каждой то, что он считал наиболее интересным, но плохо сгладив индивидуальные особенности использованных им рукописей.

При анализе этой сводной летописи проглядывают фигуры первоначальных летописцев, каждый со своим языком, стилем, симпатиями, политическими взглядами. Для второй половины XII века можно насчитать шесть таких летописцев, труды которых оказались к 1198 году в одном переплете киевского свода. Перечислим их, иногда пользуясь условным именем, которое угадывается в тексте, а иногда давая им описательное обозначение, когда намеков на имя в тексте нет.

Летописец **Поликarp** служил отцу Игоря. Церковник, интересовавшийся денежными и хозяйственными делами своего князя. Умер в 1183 году.

Летописец **Кузьмище Киянин**. Служил Андрею Боголюбскому. Любил церковные изречения.

Петр Бориславич. Служил сыну и внукам Мстислава Великого («Мстиславову племени»). Церковных выражений и церковного счета времени по дням святых в его летописи нет.

«Галичанин». Молодой, неопытный летописец церковного направления. Ему принадлежит запись событий 1185 года.

«Летописец князя Святослава». Церковник, писал очень льстиво и тяжеловесным языком.

Моисей. Игумен Выдубицкого монастыря под Киевом. Он, очевидно, являлся составителем свода 1198 года. Написанные им самим летописные статьи носят узкий придворный характер.

Итак, предметом более пристального рассмотрения может быть только одна летопись Петра Бориславича, единственного из всех летописцев, далекого от церковности.

Что мы знаем о Петре Бориславиче? Это киевский боярин, сын боярина. Двор его отца находился в богатой части Киева. Одно время Петр был киевским тысяцким, возглавлял боярство, нередко соперничавшее с князьями в борьбе за политическую власть. Боярская программа была более прогрессивной: боярство стремилось прекратить разорительные убоицы князей и заботилось об организации обороны Руси от половцев. Эти два пункта отражали интересы всего народа. Эти два пункта не всегда с ними соглашались.

Петр Бориславич был дипломатом, улаживал

* См. книги академика Б. А. Рыбакова по данному вопросу: «Слово о полку Игореве» и его современники. Изд. «Наука», 1971; «Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». Изд. «Наука», 1972.

княжеские конфликты и как военный участвовал в походах против половцев. Имя его упоминается с 1152 по 1169 год, но дожил он, по всей вероятности, до 1196 года (так по крайней мере можно судить по его летописи).

Летопись, приписываемая Петру Бориславичу, дошла до нас только в тех отдельных выписках, которые делал составитель свода 1198 года. Иногда это небольшие фрагменты, иногда же — многие страницы подробнейших описаний, дневники походов, записи княжеских совещаний, переписка между князьями, включенная Петром Бориславичем для большей документированности своих слов.

В руках историка В. Н. Татищева (первая половина XVIII века) была древняя рукопись, купленная в Сибири у одного старообрядца («Раскольников манускрипт»). Мне кажется, что по многочисленным выпискам Татищева из этой летописи можно думать, что это была несокращенная, первоначальная летопись Петра Бориславича или точная копия с нее.

На каком основании те или иные летописные статьи я приписываю Петру Бориславичу? Основания следующие: язык, определенный стиль, умение широко обрисовать общую обстановку, постоянная симпатия к Мстиславичам, знание военного дела, отсутствие церковной фразеологии и многие другие признаки единства этих разрозненных (в своде) частей единой летописи. Единство этих частей едва ли подлежит сомнению. Но возникает законный вопрос: почему же эта обширная летопись связана именно с Петром Бориславичем? Дело в том, что в средние века большинство авторов не указывало своего имени, и даже тогда, когда они писали о себе как об участниках событий, то писали в третьем лице, а не в первом. Таков был обычай. Редко-редко кто из старых авторов проговаривался и писал: «я видел», «я приехал»; Петр Бориславич, к сожалению, проговорился только один раз.

Исследователи разгадывают анонимные хроники по «эффекту присутствия», по подробному изложению каких-либо мелочей, увлеченных наблюдательным глазом очевидца.

В тех местах летописи, где описываются дипломатические поездки Петра Бориславича, есть множество бытовых деталей, которые мог знать только сам дипломат: где он ночевал, какой гонец к нему приехал, что сказал ему **наедине** князь, что он видел вокруг и т. п. Этот раздел летописи, несомненно, должен принадлежать перу этого дипломата, а по аналогии с ним и остальные фрагменты, сходные по всем указанным выше признакам, следует приписать тому же автору.

Конечно, авторство Петра Бориславича в отношении киевской летописи «Мстиславова племени» остается гипотезой, но степень вероятности велика.

Что же представляла собой летопись Петра Бориславича, если взглянуть на нее как на литературно-историческое произведение? Это была необычная, блестяще написанная хроника событий второй половины XII века. Автор умел дать широкую картину Руси и сопредельных стран, обрисовывал союзы и коалиции князей, их переписку, заключенные договоры. Эту часть он документировал подлинными грамотами из княжеского архива. Он вводил в летопись дневники походов, записи княжеских съездов, но, кроме этой документальной стороны, у него была и сторона литературная, представляющая огромный интерес.

Летопись Петра Бориславича — единственное историческое произведение того времени, где, во-первых, широко использованы (как литературный прием) «речи» мудрых бояр, которые, может быть, никогда не произносились, но полно отражали взгляды самого автора, а во-вторых, даны замечательные портретные характеристики всех великих князей середины XII века. Описывались внешность, личные качества, полководческий талант (или его отсутствие), отношение к государственным делам, к дружине, к придворным дамам, к дворцовым пирам, к чтению книг; отмечались такие черты, как храбрость, трусость, скупость, щедрость, памятьливость, физическая сила, красота и т. п. В результате мы получили целую галерею русских князей от Владимира Мономаха до Андрея Боголюбского, оцениваемых современником то положительно, то отрицательно.

Читая летопись, условно названную мною летописью Петра Бориславича, мы постоянно ощущаем необычайную близость ее к «Слову о полку Игореве»: одна и та же манера широкого изложения событий, рельефная обрисовка действующих лиц, умение видеть и крупное и мелкое. Самое главное — совершенно одинаковое деление князей на хороших и плохих, в полном согласии с интересами «Мстиславова племени». Конечно, есть различие в жанре: летопись — проза (но весьма олитературенная), а «Слово» — поэма, со своим набором словесного декора. Но ведь Пушкин одновременно был автором и прозаической «Истории Петра Великого», и великопленной поэмы «Полтава».

Быть может, и здесь было так же?

Александр
АБРАМОВ,
Сергей
АБРАМОВ.

РОМАН

ВРЕМЯ ПРОТИВ ВРЕМЕНИ

Глава XVIII ШАНТАЖ

Я сижу в белом медицинском халате у дверей больницы, куда четверть часа назад привезли Стила. Перепуганная горничная сообщила, что сенатор очень беспокоился: барышня уехала за покупками, но так и не вернулась до вечера, а в это время ему вдруг принесли письмо. Кто принес, она не знает. Обыкновенный посыльный с бородкой и шрамом под глазом. Сенатор вскрыл письмо, прочитал и упал. «А где письмо?» — спросил я. Она не знала: сенатор спрятал его в карман.

К Стилу меня в больницу не допустили. В палате у постели больного собрался консилиум с участием личного врача сенатора, доставившего его в больницу. Я жду и вспоминаю все, что произошло за последние дни. Всего-то два дня, и столько событий, тревожных и настораживающих. Все началось с утра, когда в «Сити-ньюз» объявили о своем отказе полемизировать с реставраторами. Я вышел из отеля и позвал стоявший поблизости фиакар. Он медленно подъехал, но почему-то не остановился, а рванул вперед по улице. В ту же секунду из окна кареты кто-то выстрелил, и я услышал в двух сантиметрах от уха свист пули, скользнувшей со скрежетом по гранитному пилону у входа в отель. Сейчас же выскочили швейцар и дежуривший полицейский.

— Кто стрелял?

Я пожал плечами:

— Лица не видел, а номера экипажа не разглядел.

— Кажется, возница совсем не походил на кучера?

— Не обратил внимания, — сказал я.

Швейцар посмотрел на меня с любопытством и ушел. Полицейский же побежал докладывать о происшедшем начальству. Я оглянулся. Улица была пуста — ни прохожих, ни экипажей. Опасная для меня карета была единственной.

«Совсем как Паскву», — подумал я, — и та же направляющая рука». Почему же стреляли не в Стила? Во-первых, потому, что убийство сенатора после его выступления сразу бы разоблачило виновников, а во-вторых, роль моя в происшедшем за последнее время событиях была разгадана, и холодная война определена и точно закончилась. Начинаясь война настоящая. Ликвидировать меня было проще и безопаснее — велика птица, советник сенатора. Не велика, но опасна. И хотя стреляли из полицейского автомата, но стреляли метко — только рывок экипажа чуть-чуть изменил направление пули.

Я вернулся в отель и позвонил в редакцию Мартину.

— Думаешь, Мердок? — спросил Мартин.

— Вероятно, кто-нибудь вроде покойного Пасквы.

— Я точно же ужо из газеты и буду сопровождать тебя, куда бы ты ни поехал.

— Две мишени вместо одной, — усмехнулся я. — У тебя есть оружие? У меня нет.

— Оружие надо добыть. Стрелять я тоже умею.

Я тут же сообразил, где можно достать оружие. У главного комиссара полиции. И времени терять не будем. Бойль принял нас немедленно и любезно, хотя и не без удивления, увидев входящего со мной Мартина.

— Что-нибудь срочное, мсье Ано? — заинтересовался он.

— Первое: Дональд Мартин, которого вы сейчас видите, наш человек. Он работал, — я подчеркнул это слово в прошедшем времени, — у Мердока по нашим заданиям. Был связным, а сейчас срочно перекалывается в моего телохранителя. Отсюда и второе: нам требуется оружие. Не полицейские автоматы — они слишком громоздки, их не

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

спрячешь, а обычные карманные многозарядные пистолеты, такие, как у вас, например.

— Значит, что-то случилось? — подумав, спросил Бойль.

Я кратко рассказал ему о нападении у входа в отель.

— Но почему стреляли именно в вас?

Я объяснил, почему они решили не трогать сенатора. И добавил с усмешкой:

— Мердок — человек сообразительный и умеет делать правильные выводы. В кого бы вы стреляли, если бы хотели ответить по-мердокски на выступление Стила? И меня, конечно, не устраивает судьба Пасквы, сами понимаете. Вместо ответа Бойль вызвал дежурного адъютанта.

— Принесите два пистолета карманного образца и соответствующего калибра, — распорядился он. — Кроме того, пошлите полицейского, который дежурил бы у отеля «Омон».

— Привлечет внимание ваш полицейский, — сказал я Бойлю, когда адъютант вышел из кабинета.

— Лишний глаз не помешает.

Пистолеты нам выдали, но относительно полицейского я оказался прав. Его застрелили на другой же день к вечеру, когда редкие газовые фонари в переулке позволяли стрелять из любого уголка уличной темноты.

Об этом мне сообщил по телефону Бойль, когда убитого уже увезли.

— Гибнут не только противники, Бойль, — ответил я, — гибнут и друзья. Вспомните хотя бы Луи Ренье. А кто убил его? И долго ли, думаете, осталось бы жить Питу Селби, если б Ринки удалось скрыться?

...Наконец консилиум заканчивается, выходят его участники, личный врач сенатора шепчет мне на ухо: «Все в порядке, сердце выдержало. Постарайтесь его не тревожить», — и дежурная сестра пускает меня в палату.

Сенатор лежит под одеялом, обросший седой щетиной: видимо, с утра не побрился и от этого постарел этак лет на десять. Но не то меня встревожило, а какая-то растерянность, почти страх в его мутных, слезящихся глазах: вот-вот не выдержит и закричит не от физической, а скрытой душевной боли.

— Хорошо, что вы пришли, Ано, — говорит он и дрожащей рукой вынимает из кармана больничной пижамы письмо в зеленом конверте с краткой надписью: «Джемсу Стилу, сенатору».

«Уважаемый мистер Стил, — читаю я, — ваша племянница жива и здорова и пока находится у нас в надежном и недоступном для полиции месте. Кормят и обслуживают ее отлично, но увидеться с вами, иначе говоря, вернуться домой, она сможет лишь послезавтра, на другой день после выборов, когда будут подсчитаны все голоса, в том числе и поданные за вас лично. По условиям конституции вы можете подать в отставку и отдать все эти голоса любому избранному вами политическому деятелю. Вот мы и предлагаем вам сделку: мы отдаем вам Минни, а вы нам свои голоса, иначе говоря, избранному не вами, а нами политическому деятелю. Имя его Тур Мердок. Имя, отнюдь не ласкающее ваше ухо, но таковы уж условия сделки».

Подписано письмо не было. Пока я читал его, Стил лежал как мертвец, с закрытыми глазами и отеками веками. Я, заикаясь, спросил его:

— Когда же ее похитили?

— Думаю, после полудня.

Значит, она еще в Городе, предполагаю я. Шантажистам нет смысла увозить ее далеко, если придется возвращать ее завтра после полудня.

— Я все уже решил, — не открывая глаз, произносит Стил.

— Что именно?

— Сделать то, что они требуют.

Я встал над его постелью.

— Откройте глаза, Джемс! Вы еще не умираете, и Минни пока жива. Вы имеете право жертвовать многим ради ее

Окончание. Начало в №№ 19, 20, 21, 23.

спасения, но не имеете права предавать партию. Не имеете права предавать Город. Если вы сделаете это, Мердок станет его хозяином. Словом, ждите. И не вызывайте никаких адвокатов, пока я не сообщу вам, что Минни свободна.

С этими словами я покидаю палату. Мартин поджидает меня на улице.

— Минни похищена, — говорю я. — Чистый киндnapпинг, как говорят у вас в Штатах.

— А выкуп?

— Все голоса Стила, полученные на выборах.

Мартин не понимает. Я объясняю ему, как можно распорядиться поданными за тебя голосами, если подашь в отставку тотчас же после выборов.

— Сволочи, — говорит Мартин.

— Хуже, — добавляю я.

— А если все-таки рискнуть?

— Как?

— Без полиции.

— Об этом я и думаю.

— Ты же знаешь адрес.

— Наверняка дом охраняется.

— А сколько их? Двое, трое... не больше. Справимся. Не Земля ведь, а чужое пространство и время.

— Сволочи не слабее оттого, что они стреляют в чужом пространстве и времени.

— Все равно поехали.

Мы с Марином понимаем друг друга с полуслова. Чтобы спасти Минни, должен струсить Мердок. А это не просто. Сначала трое или четверо дружков Пасквы, а потом он сам, бывший шериф. Стрелять умеет.

Но и мы умеем.

Газовый фонарь далеко, а в особняке Мердока тускло горят лампочки или свечи. Освещены только два окна на втором этаже — должно быть, все-таки свечи: ночью в Городе электроэнергия не подается в дома даже этого квартала. Внизу светится окошко рядом с подъездом: в первой комнате, должно быть, дежурят охранники.

Я подхожу к калитке так, чтобы сидящему на ступеньках крыльца был виден мой силуэт. Мартин, мгновенно поняв меня, незаметно взбирается на ограду рядом. Я издаю тихий свист. Фигура на крыльце подымается и шагает по утрмбованной дорожке к калитке. Судя по силуэту, парень похож на гориллу в темной рубашке без пояса.

— Кто? — хрипит он из темноты.

— Свой, — говорю я.

Он плотно принакает к чугунной решетке, силась разглядеть, свой ли. В ту же секунду Мартин кошкой прыгает на него сверху. Охранник не успевает даже вскрикнуть.

— Готов, теперь не скоро очнется, — шелотом откликается Мартин, открывая засов калитки.

— Видишь слабый свет в окнах сверху? — говорю я тоже шепотом. — Там кабинет и спальня Мердока. Наверно, он дома. Внизу, по-видимому, охранники. Сколько их, неизвестно.

— Рискнем.

Мы поднимаемся по ступенькам к двери. Она чуть приоткрыта: видимо, охранники не боятся вторжения. Пол скрипит, не скрипит, дверь тоже бесшумна. Должно быть, петли заботливо смазаны. Сразу из темной передней видна неосвещенная лестница наверх и стол с зажженным трехсвечником в комнате справа с настезью открытой дверью. За столом два небритых «пистолетника» играют в карты. На табуретке рядом лежит знакомый полицейский автомат. Другого не видно. Нас картежники не замечают.

— Может, не будем? — шепчу я на ухо Мартину. — Обезоружим сначала. Свяжем...

— Нашел кого жалеть! — яростно шепчет Мартин. — Да и бесшумно не выйдет. У них автоматы. Лучше шумно, да наверняка.

Несколько часов спустя, когда все уже кончилось, я, вспоминая об этой минуте, спрашивал себя: а имел ли я право без всяких ссылок на чужое пространство, время и чужой социальный строй, имел ли я моральное право стрелять? Что бы ответил я судьбе? Да, имел. Я стрелял в убийцу, спасая жизнь похищенной ими девушки, я защищал свободу Города: ведь голоса Стила, отданные Мердоку, сделали бы того подобием самых отвратительных земных диктаторов.

Два выстрела взрывают тишину дома. Оба охранника оседают на пол, даже не успев открыть огонь. Мартин, не нагибаясь к раненым, тотчас же подхватывает лежащий на табуретке автомат.

— Подходящая штука для встречи с теми, кто сейчас спустится с лестницы.

— А если это Мердок?

— Вступим в переговоры.

На лестнице наверху показывается тень человека с похожим на шахтерский фонарем. В другой руке у него пистолет. По силуэту видно, что не Мердок.

— Погоди. Может, обойдемся без выстрелов, — шепчет Мартин.

Человек с фонарем приближается, не опуская пистолета.

— Стоп, — говорю я из темноты. — Поставьте фонарь и бросьте пистолет. А руки вверх!

В ответ гремит выстрел по голосу. Я успеваю брякнуться на пол, пуля надо мной разбивает стекло входной двери.

Мартин не остается в долгу. Успев подкрасться по темной лестнице наверх, он хватается стрелявшего за ноги. Тот падает навзничь. Фонарь, покотившись вниз, гаснет, но загорается струйка вытекшего керосина. Мы наспех связываем руки лежащего — он молчит, видимо, понимая, что кричать бессмысленно: Мартин уже поднял свой брошенный автомат. Но из предосторожности мы все-таки загибаем ему рот носовым платком. Струйку горящего керосина затаптываем, чтобы не загорелась деревянная лестница.

— Теперь визит к хозяину, — говорю я.

Но дверь в кабинет заперта. Выстрелом я сбиваю кусок дерева у замочной скважины. Потом ударом ноги открываю дверь настезью. Тут же из освещенного кабинета слышится выстрел. Мердок готов к встрече, но не видит цели. Мартин и я притаились за дверью.

— Не двигайтесь, Мердок. — Он слышит мой голос и замирает. — Нас двое, а ваших телохранителей уже нет. Бросьте пистолет и поднимите руки. Мы сможем спокойно поговорить с вами, если нам никто не мешает.

— Верю, — говорит Мердок и бросает пистолет на пол. — Входите, Ано, не стесняйтесь.

Мы входим. Мердок встречает нас с улыбкой и чуть поднятыми руками.

— Обыщи его, Мартин. — команду я.

Мартин ощупывает карманы Мердока и, подняв брошенный им пистолет, передает его мне.

— Ничего нет, Юри.

— Тогда садитесь, Мердок, — предлагаю я, не опустив пистолета.

В кабинет вбегает горничная с перекошенным от страха лицом, без халата, только в ночной рубашке.

— Что случилось, мистер Мердок? Меня разбудили выстрелы.

— Идите к себе, Джесс, — спокойно произносит Мердок. — Закройте двери, запирайтесь и не выходите до утра, пока не прибудет полиция. Никто вас не тронет.

Горничная исчезает, и мы остаемся с Мердоком. Он сидит на диване, а мы напротив у письменного стола. Мартин с автоматом, а я опустил пистолет в карман.

— Вы опять переиграли меня, Ано, — кривится в насильственной улыбке Мердок.

— Переиграй, — соглашаюсь я, — хотя, скажем мягко, вы и пытались мне помешать.

— Возможно. Вы, кстати, отвечаете тем же. Судя по тому, как вы угробили моих парней, вам что-то от меня нужно.

— Многие.

— А именно?

— Во-первых, вы немедленно освободите Минни Стил.

— Это не так просто. Ее здесь нет.

— А где она? Бесполезно скрывать.

— Согласен. В кафе «Жюн». Под надежной охраной.

— Жива?

— Пока.

— Вот мы с вами и отправимся сейчас в кафе «Жюн», и вы сами позаботитесь о ее благополучном возвращении домой.

— А если я этого не сделаю?

— Мы тут же вас уйдем, Мердок. У нас нет выбора.

— Так ведь и девочку тоже уйдем.

— А сенатор Стил — он, кстати, сейчас в больнице — умрет от второго сердечного приступа. Допускаю и это. Но зато вас не будет, Мердок, и Город вздохнет свободно.

— У меня тоже нет выбора, — пожимает плечами Мердок. — разрешите передо мной.

— Последи за ним, Мартин.

Пока Мартин ощупывает шнурок Мердока, я поднимаю телефонную трубку.

— Соедините меня с больницей святой Магдалены, не знаю ее номера, — говорю я телефонистке.

— Дежурный врач у телефона, — отвечает больница.

— Говорит советник сенатора Стила. Он спит, наверно?

— К сожалению, нет, советник. Не спит даже со снотворным. А мы не рискуем увеличивать дозу.

— И не надо. Сообщите ему немедленно, что я звонил и что племянница его уже через час, а может быть, и раньше благополучно вернется домой.

Мердок в шнурке и цилиндре ждет нас у двери.

— Я готов, джентльмены.

— Пойдем пешком до ожидающего нас экипажа, — говорю я. — Мы по бокам. Никакие парни из кафе вам не помогут. Девушку вы отправите самолично в нашем же экипаже, парней отпустите, а мы втроем поговорим о дальнейшем. Ясно?

— Ясней быть не может. Идемте.

Глава XIX РЕШАЮЩИЙ ШАГ

Кафе «Жюн» закрыто. Пришлось стучать. На стук дверь приоткрылась, закрепленная изнутри на цепочке, и чей-то хриплый голос сказал сквозь щель:

— На вынос не продаем. Закрыто.

Мы ждем ответа Мердока. Он говорит тихо и властно:

— Открой. Слим. Свои.

В распахнутую настезью дверь мы входим в том же порядке: чуть впереди Мердок, за ним вплотную я и Мартин.

В зале тихо и пусто. Столы поставлены один на другой, стулья отодвинуты в сторону, на стойке горит единственная свеча, освещающая не больше пяти квадратных метров погруженного в темноту зала.

— Где девочка, Слим? — спрашивает Мердок.

— Наверху в угловой комнате. Наверное, уже спит. От ужина отказалась.

— Разбуди ее пожеливее и скажи, чтоб спускалась вниз. Кто рядом?

— Крук и Тони. Должно быть, играют в кости. Проглотили уже бидон абрикосовой.

— Будет оплачено, Слим. Кстати, скажи им по пути, чтобы убились отсюда немедленно.

Слим мгновенно исчезает за дверью возле стойки, смутно различимой в темноте. Мердок садится на ближайший к стойке стул, мы устраиваемся рядом, контролируя каждое его движение.

В двери у стойки появляются двое, похожие на ранченых в широкополых соломенных шляпах и узких штанах, заправленных в высокие башмаки до колен. Тусклый свет единственной в зале свечи не позволяет рассмотреть их лица.

— Вы оба свободны. Девочкой займется Слим, — говорит Мердок.

Парни в высоких башмаках почтительно ретируются, не обращая на нас никакого внимания. Приказа хозяина им было достаточно, а самостоятельность, должно быть, не поощряется.

Минуты две-три спустя появляется Минни в светлом платье с жирными пятнами на длинных толстых рукавах: вероятно, ее тащили за руки. Я делаю знак Мартину, чтоб он держал под прицелом Мердока, и выхожу ей навстречу.

— Мсье Ано! — радостно восклицает она, в окружающей полутьме не замечая ни Мердока, ни Мартина.

— Вы сейчас поедете домой, Минни, — говорю я. — Вас отвезут. И не пугайтесь, если не застанете отца дома. Он в больнице святой Магдалены. Легкий сердечный приступ

после вашего исчезновения. Вы ему позвоните в больницу, как только вернетесь домой.

— Слим, — распоряжается Мердок, — отвезешь девушку и головой ответишь за любую задержку в ее возвращении домой.

— А кто же здесь останется, хозяин? — медлит Слим.

— Мы подождем твоего возвращения.

— Идите, Минни, — говорю я. — Экипаж у подъезда.

Минни и Слим уходят. Я закрываю дверь на цепочку.

— Первое ваше требование выполнено, Ано, — Мердок разговаривает спокойно, но с какой-то внутренней настороженностью. Видимо, он понимает, что его ждет еще более неприятное испытание.

Я сажусь напротив Мердока.

Наблюдение продолжает Мартин.

— Здесь есть телефон? — спрашиваю я.

— Вон там, за стойкой, — кивает Мердок.

— Через полчаса я позвоню Минни домой и тогда будет видно, как выполнили вы наше первое требование. Надеюсь, телефон работает?

— Проверьте.

— Проверим. А пока проверим другое.

— Что?

— Ваш здравый смысл и страсть игрока.

— Не понимаю.

— Сейчас объясню. Вы проиграли, Мердок. Но только игрок по призванию переживет спокойно любой проигрыш. Повторяю: любой.

— А что я проиграл сейчас, кроме голосов Стила?

— Вашу ассоциацию, Мердок, в перспективе — клятву и все кресла в сенате.

Мердок долго молчит, выражения глаз его я не вижу, но знаю, что он понял и подсчитывает свои возможности.

— Сейчас вы напишете под мою диктовку заявление в сенатскую избирательную комиссию, — продолжаю. — Вы признаетесь, что лично проверили обвинения сенатора Стила и убедились в их правдивости. Как честного политического деятеля вас глубоко возмутило сотрудничество ассоциации реставраторов с шайкой грабителей и убийц. Ассоциация скомпрометирована, и вы ее распускаете, одновременно требуя изъятия из всех избирательных списков ее кандидатов, в том числе и вашей кандидатуры.

— Что же вы оставляете мне? — спрашивает Мердок.

— Не так уж мало. Во-первых, достоинство и незапятнанную репутацию, во-вторых, возможность играть дальше и, вероятно, не только проигрывать. У вас еще остаются все ваши игорные дома и ночные клубы, организация букмекеров на городском ипподроме и контрольный пакет акций страховой компании «Эврика». А самое главное — у вас в руках газета, которая, оставаясь в оппозиции, может поддерживать и другие движения, если не «джентльменов» — они, пожалуй, слишком аристократичны для вас, — то, скажем, католиков или евангелистов. Ведь и с их помощью можно добиться сенатского кресла.

Мердок молча встает и проходит за стойку бара. Мартин с пистолетом следует за ним.

— Я не оружу ишу, а перо и бумагу, — огрызается Мердок.

Найдя их под прилавком, он, стоя, записывает: «В сенатскую избирательную комиссию...» Диктуйте, — обращается он ко мне.

Со своего места я диктую примерно то, что уже высказал.

— А теперь позвоните в ночную редакцию «Брэд энд баттер» и продиктуйте написанное, — продолжаю я. — Там знают ваш голос и ничего не заподозрят. Утром это заявление должно быть в газете. А затем отдадите бумагу мне. Я уж сам позабочусь и об избирательной комиссии и о «Сити-нюз».

Мердок довольно быстро находит по телефону ночного редактора. «Стенографистки не надо. Записывайте сами». Быстро, но отчетливо диктует написанное. Слышатся перебивающие текст реплики: «Что? Я уже сказал. Пишите слово в слово. Да, так. Не вы мне, а я вам плачу за работу. Понятно? Пишите дальше...» Потом опять текст, и снова перебивающая реплика: «Если хотите сохранить свое место, все это должно быть завтра в утреннем номере. Я сказал все, Жюль. Заеду лично. Да, подпишу номер».

И с элегантною банкомета, подвигающего партнера его выигрывать, Мердок протягивает мне листок со своим заявлением.

— Еще две минуты, Мердок, и мы с вами расстанемся, — говорю я. — только позвоню Минни.

Она уже дома и радостно сообщает, что уже созвонилась с больницей, отец все знает и уговорил врачей отправить его домой.

— Запирайтесь, девочка, и никого не пускайте до приезда отца, а ночью ваш покой будет охранять Мартин.

— Зачем? — вмешивается Мердок. — Наемных убийц послать не буду. Проиграл — плачу.

— Крупно играете и классно проигрываете, — замечает все время молчавший Мартин. — А ваши «пистолетники» не играют, а постреливают.

— Выстрелов больше не будет, — смеется Мердок. — Вы, может быть, все-таки вернете мой пистолет, Ано?

— Я верну его вам завтра во время обеда в сенатском клубе.

Мердок так и не успевает ответить. Свеча гаснет, заливая оплывшим воском медный подсвечник. Мердок остается в темноте. Самая подходящая обстановка для житейских раздумий. Я почти уверен в том, что он сказал правду. Выстрелов больше не будет. Он уже раздумывает не над тем, что проиграл, а над тем, что выиграл. А выиграл возможность играть дальше. Ведь мертвецы уже не играют. Я знал, что, может быть, уже через полчаса-час он заедет в типографию и подпишет к печати утренний выпуск газеты. А над следующим еще можно подумать.

Мой же экземпляр заявления Мердока, прежде чем попасть в «Сити-нюз» и сенатскую избирательную комиссию, должен побывать у Уэнделла. Придется будить магната, не дожидаясь утра. Время не ждет.

Несмотря на все протесты разбуженного дворецкого, мне удается поднять Уэнделла. Он выходит в халате, протирая заспанные глаза.

— Что-нибудь сверхсрочное, Ано, иначе бы вы не явились в такое время? — зевает он.

Не отвечая, я молча передаю ему сложенный вчетверо лист бумаги и плюхаюсь на кушетку. Ноги меня не держат — так хочется спать.

— Это не подделка? — спрашивает Уэнделл, спотыкаясь на гласных.

— Вы странный человек, Уэнделл. Сколько месяцев меня знаете, а говорите глупости, непростительные даже ребенку. Заявление подлинное и должно появиться в утреннем номере «Брод энд баттер». Одновременно надо опубликовать его и нам. Свяжитесь сейчас же с редакцией «Сити-нюз» и продиктуйте его стенографистке.

Уэнделл покорно, как младший клерк, бежит к телефону, а я мгновенно засыпаю в сидячем положении и просыпаюсь, как только он появляется снова.

— Как вы добились этого, Ано? — с умилением спрашивает он и всплескивает руками: — Боже мой, вы больны?

— Нет, просто чертовски устал.

— Выпейте коньяку.

— Давайте.

Глоток коньяка приводит меня в чувство. Но как рассказы-

зать кратко об этой ночи? Уэнделл меня перебивает.

— И он решил отдать свои голоса?

— Решил. После того как вмешались мы с Мартином.

Что произошло дальше, я рассказываю коротко, как могу...

— А если он все же заявит в полицию? — колеблется Уэнделл.

— О чем? О том, что заявление сделано под угрозой

расправы? Тогда придется признаться и в письме Стилу и в похищении девушки с явно шантажной целью. А это уголов-

щина и политическая смерть Мердока. Нет, своего заявления он опровергать не будет. Оно даже создает ему ореол

политической честности и принципиальности. А затем начнет снова тасовать карты. Не вышло с реставраторами — выйдет с церковниками. Я, кстати, это и посоветовал. А денег ему не

занимать. У него их немногим меньше, чем у вас, мистер Уэнделл, и, во всяком случае, больше, чем у Стила.

Уэнделл садится против меня по-наполеоновски — верхом на стуле. Он доволен, даже более чем доволен, почти счастлив.

— Все-таки вы переиграли его, Ано. Два раза. Не понимаю, не могу понять, как вы это сделали.

Рассказать все я, конечно, тоже не могу.

— Мердок шел к диктатуре своим путем и не знал иного.

Имя ему — политический авантюризм. Но возможен был и

другой опыт. Мердок мог бы, став популистом, выдвинуться в

партийном аппарате и, как бывший шериф, добраться до

поста главного комиссара полиции. Тогда свою мечту он

осуществил бы без затруднений. Только вместо краденного

оружия «пистолетников» действовали бы законные автоматы

полиции. Послушайте моего совета, Уэнделл. Ваше счастье,

что пост начальника полиции занимает Бойль, а не Мердок.

Глава XX ВОЗВРАЩЕНИЕ

После той бурной ночи прошли еще день, и ночь, и еще добрых полдня, которые мы с Мартином проводим под тентом на верхней палубе «Гекльберри Финна». Мы едем в Сильвервилль. Город еще далеко, хотя уже издали виднеется пыльная дымка на горизонте в голубой чаше неба за поворотом Реки. Плынут мимо сосновые роши на берегах, глинистые обрывы, рыбацкие хаты над ними и лодки, вытас-

щенные дном на песчаные отмели. Что-то похожее на Волгу

ниже Саратова, а иногда вспоминаешь Дунай под Измаилом,

где вербные заросли совсем нависли над серой от ила рекой.

А почему мы вдруг решили ехать в Сильвервилль, да еще в

самый день выборов?

Произошло это так. После той «пистолетной» ночи мы

встали поздно, прослав и утренний завтрак и ленч. В баре нам

соорудили яичницу и подогрели кофе.

— Ты почему молчишь? — вдруг вцепился Мартин.

— У меня странное ощущение, Дон. И началось оно еще в

полусне, перед тем как проснулся.

— И у меня. Словно сон под утро увидел, который забылся,

или шепнул кто-то на ухо. Мне даже показалось, что это был

ты.

— О том, что мы должны ехать в Сильвервилль?

— Да. Но совсем не из страха перед Мердоком. Хотя мысль

о мести была.

— Нет, Дон, ни при чем здесь Мердок. И страх ни при чем.

Думаю, что нас отпускают. Домой.

— «Они»?

— Тебе ведь тоже показалось, что надо ехать в Сильвер-

вилль. И зачем — ясно. Все, что нужно, мы сделали.

И главное — поняли. А нас прочли, как газету. И я уверен, что

это произойдет в Сильвервилле на том же месте, где мы

здесь появились. У океана, близ песчаных дюн.

Найдем?

— Найдем. Я отлично помню. Ты еще спрашивал меня, что

за кустарник.

— Думаешь, в Крыму и очутимся?

— Убежден.

— У твоей машины?

К обеду я опоздал. В ресторане было немногочисленно:

депутаты и журналисты торчали на избирательных участках,

пресс-конференция и митинг в парках. Уэнделл, как мне

сказали, уехал на биржу, а Стила я нашел в курительной. Он

сидел в кресле, один в пустой комнате, докуривая сигару, и

пил содовую воду мелкими глотками через каждые пять

минут — его мучила послеобеденная изжога.

— Хочу обнять вас, Ано, — поднялся он с кресла. — Вы

сделали для меня больше, чем кто-либо и когда-либо в

жизни. Мне стыдно смотреть вам в глаза, но я бы отдал ему

все мои голоса, чтобы спасти Минни. Я предатель, трусливый

старик, ничтожество. Если бы не вы... — Он отпустил мои

плечи и сел, закрыв глаза сморщенной рукой. — Как вы

спомнили его, Ано?

— Просто я убедил его, что так будет лучше.

Стил больше не спрашивал. Да и мне не хотелось рассказы-

вать о подробностях. Все это было вчера. А что будет завтра?

— Я все-таки подаю в отставку, — сказал Стил.

— А голоса?

— Отдам Уэнделлу, а часть вам.

— Не понимаю. Я же не кандидат.

— Ну, Donovanу. Я ведь знаю, в каком вы политическом

лагере.

— Спасибо, Джемс. А теперь простимся. Поклон Минни. Я

ухожу.

— Совсем?

— Совсем. Не огорчайтесь, Джемс. Это должно было

случиться. Я ведь случайно здесь и не по своей воле.

— И Мартин с вами?

— И Мартин. Он не зашел к вам, чтобы не тревожить

Минни.

— Может быть, так и лучше.

Он уже глядел в сторону куда-то мимо меня, так что я

незаметно, не прощаясь, мог выйти из комнаты. А Donovanа

увидел уже уходя. Он забежал в бар на минутку выпить

кружку любимого имбирного пива — промочить горло, охри-

шее от речей и приветствий.

— Как успехи, Биль?

— Порядок. Он сиял, явно довольный теми предвари-

тельными данными, какие уже имел. — Правда, в Майн-сити

еще не был, но в привокзальном районе хорошо. Наши идут

вперед. Думаем увеличить число мест в сенате с пяти до

восьми.

Больше, Donovan, больше! Ведь он еще не знал о судьбе

голосов, поданных за Стила.

— Есть уже планы на будущее? — спросил я.

— Много. Будем добиваться признания ассоциации пар-

тий. Численность позволит нам это. А к первому же

заседанию готовим билль о единой рабочей организации,

упраздняющей цеховину.

— Иначе говоря, единый профессиональный союз?

— У тебя всегда точные формулировки. Охотно возьмем

твою.

— Я бы предложил и билль о рабочих школах. Нужно

собрать по крохам все, что имеется в Городе, изданное

когда-то или переписанное: все, что знакомит рабочего с

основами социализма.

— Ты говоришь со мной так, как будто мы видимся в

последний раз.

— Возможно. Я ведь землепроходец в отпуску, романтик

новых земель. А отпуск уже кончается.

Мне не хотелось продолжать этот уже ненужный для меня

разговор. Я спешил. Все было уже известно. Несколько тысяч

бюллетеней, поданных за реставраторов, были объявлены

недействительными, а Donovan после отставки Стила полу-

чил уже не шесть, а шестнадцать мест.

На этом и заканчивается наше второе путешествие, может

быть, в другую галактику. Пусть это не рай, но у него есть и

прошлое и будущее.

Вот и дюны вдали у океанского берега и знакомые колючие

заросли «альгарробо», куда нас перебросило с крымской

автомобильной дороги от Севастополя к Ялте.

— Кажется, здесь, — говорит Мартин, — и песок примят,

как будто кто-то сидел.

— Так тебе и сохраняются следы при таком ветре да еще на

прибрежном песке.

— Все-таки присядем.

Присели. Оглянулись. Серо-зеленый океан блеснул вдруг

васильковой голубизной и провалился куда-то вниз.

Мы уже сидели на краю обрыва крымской дороги, выходя-

щей серпантином среди виноградников от серых скал Яйлы к

синему-синему Черному морю. И мой «Жигуль» стоял с

полукруглой дверцей чуть в стороне от дороги, и пиджаки

наши с деньгами и документами лежали на сиденьях. Только

вокруг машины ходил инспектор ГАИ — старший лейтенант

лет тридцати. В стороне стояла милицмейская «Волга».

Я кашлянул, старший лейтенант повернулся и застыл.

будто увидел что-то явно противозаконное.

— Вы откуда? — грозно спросил он.

Мы молчали. Мы улыбались. Мы были дома.

— Как вы здесь очутились? Минуту назад тут никого не

было, — продолжал допрос инспектор ГАИ.

— А мы поднялись вон оттуда. — Я указал на обрыв к

виноградникам.

— Чья это машина?

— Моя. Разрешите? — Я подошел к машине и вынул из

лажащего там пиджака права и паспорт.

Инспектор внимательно просмотрел документы и спросил:

— Так почему же вы ее бросили?

— Погулять пошли, — идиотски ответил я, не в силах

придумать ничего более умного.

— Где же здесь гулять? — удивился инспектор. — По этим

кручам?

— Вот-вот, — обрадовался я. — Замучил меня товарищ. Лю-

бит горы.

— А кто этот ваш товарищ? — строго спросил инспектор,

подозрительно оглядывая Мартина.

Я ответил почти шепотом:

— Американский турист, товарищ инспектор. Корреспон-

дент из Нью-Йорка. Очень интересуется советским автоту-

ризмом. Мартин, покажи ему свое удостоверение, — прибавил

я по-английски.

Мартин вынул из своего пиджака документ, свидетельству-

ющий о его законном пребывании в СССР, и корреспондент-

скую карточку.

— Спасибо, Карашо, — сказал он по-русски с дурацкой

улыбкой. Сразу понял, как надо сыграть.

Инспектор мельком взглянул на документы и вернул их

Мартину.

— Как же так, граждане, — сказал он уже менее гроз-

но. — Нам сообщили, что машина ваша со вчерашнего утра

здесь стоит. Дверцы не заперты, и ни водителя, ни пассажи-

ров. А мы из Севастополя сюда ехали, чтобы машину вывезти

и владельца искать. Ведь ее и угнать могли.

— Что вы, товарищ инспектор, не везде же жулики, — ска-

зал я гордо.

— Можете следовать дальше, — сухо сказал инспектор,

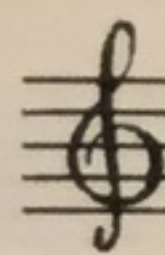
сел в машину и умчал вверх по шоссе к Байдарским воротам.

А мы хохотали и не могли остановиться. И не над

инспектором и не над собой, а просто потому, что стояли на

земле, на Земле с большой буквы, с какой пишется имя нашей

родной планеты.

Василий АКСЕНОВ

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ МУЗЫКИ

ПОРТРЕТ МУЗЫКАНТА КОЗЛОВА,
СДЕЛАННЫЙ НЕ БЕЗ ЕГО ПОМОЩИ.

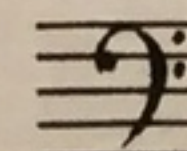

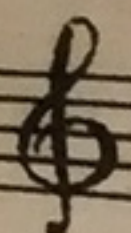
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Я ехал по Сретенке и вдруг, увидев жерло Хмелевского переулка, зава-
ленного снегом, безотчетно сделал
левый поворот. Только оказавшись в
переулке, я понял, что произошло:
месяца три я уже собирался к Козло-
ву, да все никак не мог собраться, а
тут все сошлось — и время, и место, и
рефлекс сработал...

Возле знакомого дома криво, кормой вверх стоял
среди сугробов козловский ярко-желтый «Запоро-
жец», «Иеллоу сабмарин», как его называют в
Москве по имени песенки битлов.

Я обрадовался: значит, приятель дома. Я
привык в последнее время видеть Козлова за
рулем этой громко стучащей автомашины. Впол-
не естественно: саксофон и гитары ансамбля

«Арсенал» соединяются с усилителями, а здесь «Запорожец» как усилитель пульса.

Оказалось, радость преждевременная. Домашние сообщили, что «Запорожец» вращается в хмельские сугробы, словно корабль «Фрам», а его хозяин со своими «арсенальцами» в Москве теперь почти не бывает — сплошные филармонические гастроли. Вот только что были в Ярославле, а теперь играют во Владимире.

Дерзкая мысль посетила меня: а что, если на два дня оторваться от писанины и махнуть во Владимир? Такая отчаянная идея посетила меня, и вот я уже в поезде «Буревестник».

На станции во Владимире мела пурга, эпицентр пурги кружил в Золотых Воротах, хвост пурги хлестал по новому шикарному зданию филармонии.

— Ребята, вот приехал наш друг Василий Павлович, — сказал Козлов. — Ты нам мешать приехал?

— Интервью приехал брать.

— Я вынул из мешка магнитофон.

— Я и говорю, приехал сорвать нам репетицию, — сказал Козлов.

Мы уселись посреди проводов и барабанов, подключились и заговорили.

АКСЕНОВ. Недавно я вспоминал, когда первый раз тебя слушал, и вспомнил. Это был один из самых первых фестивалей джаза в гостинице «Юность», кажется, в 61-м году. У вас там был квартет... или трио... Не помнишь?

КОЗЛОВ. Я отлично те времена помню.

АКСЕНОВ. Впрочем, подожди. Давай еще подальше заберемся. Когда ты вообще начал играть джаз?

КОЗЛОВ. Я начал играть в 57-м году на Всемирном фестивале молодежи и студентов. Тогда я впервые увидел настоящего английского саксофониста. Я знал очень много о джазе, но не думал, что сам буду играть. Все это казалось мне очень сложным, просто недоступным, и вот на фестивале мне впервые показали, как держать саксофон, а потом я ориентировался уже на наших саксофонистов — Гаряна, Зубова... Их опыт прибавил мне смелости. Рояль я знал и потому через месяц уже мог извлекать из саксофона ноты, но это, конечно, был примитивный уровень. Уровень тогда у нас вообще у всех был невысок, но зато энтузиазма хоть отбавляй.

АКСЕНОВ. Прости, Алеша, восьмерка Зубова и Гаряна в ЦДРИ, кажется, возникла?

КОЗЛОВ. Они там укрепились, но перед этим они каким-то чудом попали в ресторан «Националь» и играли там месяца три, пока ресторан не перестал выполнять план...

АКСЕНОВ. Из-за джаза?

КОЗЛОВ. Вот именно. Туда попасть было невозможно, но все приходили джаз слушать, а не выпивать-закусывать, вот в чем загвоздка. Увы, эта история потом повторилась в кафе «Молодежном», и в кафе «Печора», и в других...

АКСЕНОВ. А кафе «Ритм» ты помнишь?

КОЗЛОВ. Еще бы не помнить...

Еще бы не помнить кафе «Ритм». Еще бы не помнить шевеление тяжелой листвы под городским пыльным ветром, еще бы не помнить этот асфальт: в жаркие дни он пружинил под ногами и даже слегка проваливался, а ночью, после джаза, начинал звенеть. Ночью, после джаза, над тихой Миусской площадью прореживались облака и в космическом колдовстве ясно, словно в горах, сверкали звезды, еще бы не помнить. Еще бы не помнить и возмущенный гаджед на кухне, странные лучи, взгляды друзей, пересекающие пищевой зал... Все эти джаз-кафе шестидесятых — и «Аэлита», и «Синяя птица», и «Молодежное», и «Печора», — оказывается, помнятся, и мимолетный «Ритм» не забыт.

КОЗЛОВ. Еще бы не помнить... В общем, они все горели экономически из-за джаза. Понимаешь, в кафе нужна текучесть. Небольшое число «текущих» посетителей экономически выгоднее, чем зал, битком набитый любителями джаза, даже если они и заплатили по 4 рубля за вход. Я сам вешивался в бухгалтерию кафе «Печора», и мне там все детально растолковали. Вот такой парадокс помешал развитию крупного джаза у нас в Москве.

АКСЕНОВ. Во время первых фестивалей начали говорить о так называемом «джазе русского акцента». Считаешь ли ты возможным это явление или все-таки джаз — это чисто американское искусство?

КОЗЛОВ. Знаешь, я только сейчас, пожалуй, могу ответить на этот вопрос. Мне кажется, что именно

периодом ученичества можно объяснить тогдашнюю тягу к обязательной непохожести. Мы тогда удивлялись американской джазовой технологии, нам казалось, что мы никогда не сможем так сложно играть, и это как-то подавляло нас, быть может, угнетало наши творческие и философские начала, и вот потому мы стали называть наши собственные композиции «русским стилем». Мы этим пытались как бы перепрыгнуть через целый период, но, увы, частенько получалась, прости меня, типичнейшая клюква... А между тем собственные композиции играть, конечно, нужно.

АКСЕНОВ. Композиции в русском стиле?

КОЗЛОВ. Думаю, что лучше искать суть не в стиле, а в самой музыке. Я тогда стал изучать русскую музыку и обнаружил, что она формально весьма трудно сливается с джазом. Я подумал, что и не нужно ее сливать, а быть может, следует просто взять ее основу, ладовую, например, структуру и безболезненно переложить на джазовый ритм. В те времена ведь мы еще не представляли, что джаз может быть без ритма. Уже много позднее мы с Пищиковым и с Васильковым играли русский фольклор ad libitum. Помню, мы играли в «Печоре» «Как на вечере». Игрались просто мелодия и гармония — лад, этим мы ограничились, и, может быть, это единственное, что можно было сделать, — вложить в русский фольклор джазовое чувство, но не ритм. Джазовый, то есть в общем-то негритянский, ритм не годится для русской музыки. Соединяя то и другое, мы рискуем впасть в пошлятину.

Должен сказать, что сейчас в новой музыке, именуемой «джаз-рок», у нас появилось гораздо больше возможностей для использования ладовой музыки любой народности.

АКСЕНОВ. Ты думаешь, что фольклор больше подходит для рок-музыки, чем для джаза?

КОЗЛОВ. Конечно, больше, потому что джаз все-таки — это искусство американских негров, оно стало интернациональным только в самом конце своего развития, уже на авангардном этапе, но все равно там очень много осталось этой... ну... угнетенности какой-то, негритянской проблемности, напряженности. Рок-музыка — новое явление, она гораздо легче, бесшабашней, что ли... Джаз в питательной среде рока сильно помолодел. Это новая какая-то культура... Иногда музыканту даже странно: ведь технологически рок все взял у джаза, все абсолютно, я могу по элементам показать — все исполнялось прежде джазовыми музыкантами, но вот какое-то новое ощущение, загадочное соединение элементов... Из одних и тех же молекул получаются разные вещества...

АКСЕНОВ. Как ты считаешь, Леша, в конце шестидесятых достиг ли уже наш русский джаз каких-то международных высот?

КОЗЛОВ. Думаю, да. К тому времени у нас появились и составы и отдельные музыканты, которые играли на европейском или на среднеамериканском уровне, но, к сожалению, не было организованной профессиональной деятельности и люди были не уверены в себе.

АКСЕНОВ. Я запомнил один вечер, кажется, это было уже в 68-м году... Тогда существовал джазовый клуб в кафе «Ритм» на Миуссах. Ты помнишь?

КОЗЛОВ. Еще бы не помнить.

АКСЕНОВ. Мы туда случайно забрели, ты в тот вечер играл с Зубовым вдвоем.

КОЗЛОВ. С Зубовым? Странно. Мы с ним работали в разные дни.

АКСЕНОВ. Может быть, вы случайно соединились, но это было потрясающе! Вы играли попеременно, каждый минут по двадцать, потом как-то вместе, и все это производило впечатление какого-то немыслимого самовыражения, даже саморазоблачения, я бы сказал.

КОЗЛОВ. Ну да, в джазе так бывает...

АКСЕНОВ. Так вот, скажи, ты сейчас в своем ансамбле не выходишь на такого рода откровения?

КОЗЛОВ. Нет, сейчас совсем все другое, абсолютно другое, вообще другой способ музицирования. Во-первых, основная часть музыки — оркестровая, импровизатору отводятся лишь небольшие куски, предполагается, что современный импровизатор настолько изощрен, что он может за небольшой промежуток времени концентрированно изложить то, на что раньше ему понадобилось бы несколько квадратов.

АКСЕНОВ. Очень уж головная концепция. А что, если тебе хочется играть дольше?

КОЗЛОВ. Сейчас так не получится. Если ты растянешь одну из частей, вся форма рухнет. Рок — это очень организованная музыка по сравнению с джазом. Учти, кроме того, что ты вспоминаешь ситуацию

«Джем-сейшн», это особая ситуация, которая в рок-музыке почти уже не повторяется.

АКСЕНОВ. Вот я к этому и веду.

КОЗЛОВ. У нас сейчас нет повода для «джема», нет даже гармонического повода. Сейчас меня не заманишь на «джет», потому что мне играть не со своими людьми и не свою музыку не хочется. Это вовсе не головная концепция, как ты полагаешь, а просто сейчас время другое.

АКСЕНОВ. И все-таки ты теперь строишь свою музыку, как архитектор и...

КОЗЛОВ. Неважно, как мы ее построили, но только ее нам интересно играть. Понимаешь, и раньше люди вроде бы собирались случайно, но они были не случайными партнерами, они были единомышленниками, и если там оказывался «чужак», который не мыслил так, как вся компания, а только лишь подлаживался, то ему очень быстро показывали на дверь. К сожалению, время «джет-сейшн» прошло...

АКСЕНОВ. Ты говоришь, к сожалению?

КОЗЛОВ. К сожалению, да.

АКСЕНОВ. Из того, что ушло в прошлое, быть может, больше всего как раз и жалко эту атмосферу «джема».

КОЗЛОВ. Между прочим, ты, может быть, не знаешь, что би-боп именно на «джемах» возник. Ранние боперы старались играть так, чтобы не лез к ним в компанию всяк, кому не лень. Телониус Монк, например, специально изобрел такие аккорды, чтобы «чужаки» не вклинивались. На «джеме» важно, чтобы музыканты совпадали не только по вкусу, но даже и по темпераменту.

Не только музыкантам надо было тогда совпадать, но и слушателям, вспомнил я. Ритм моих шагов по ночным улочкам Кракова должен был совпасть со скрипом дверей, с мяуканьем котов, с боем часов на башнях костелов, прежде чем я попал бы в прокуренный подвал, где совпали друг с другом десятка два любителей джаза, и я с ними совпал.

Когда-то случайно совпали Телониус Монк и Джерри Маллиган, чтобы записать случайное и до сих пор осязающее «Около полуночи». Все это должно было еще, конечно, совпасть с атмосферой почти пустого кафе, где зевающий официант переворачивает стулья...

Так и тогда совпали Козлов и Зубов, и наша случайная компания, и посудомойки «Ритма», которые гремели посудой и ругали музыкантов за невосполнимые убытки, и недостаток кислорода в кафе с испорченной вентиляцией тоже должен был совпасть с саксофонами, ибо морской озон или хвойные ароматы не совпадают с джазом шестидесятых.

АКСЕНОВ. Раньше, когда ты был чисто джазовым музыкантом, ты интересовался роком?

КОЗЛОВ. Тут есть некоторая предыстория. Еще в 1957 году некоторые из моих, так сказать, приятелей, такие модники московские, забросили своего кумира Паркера и стали увлекаться Элвисом Пресли, всеми этими рок-н-роллами, которые, конечно, на фоне би-бопа были полнейшим примитивом. Я тогда даже потерял часть своих друзей, потому что понял, что джаз для них не музыка, а мода. Сам я эту музыку глубоко презирал. Меня даже поначалу не очень привлекали «Битлз», хотя у них уже были красивые баллады с джазовыми гармониями. Но как можно было говорить об этом всерьез в то время, когда творили такие сложнейшие экспериментаторы, как Арчи Шепп или Джон Чикай, когда появилась уже предсмертная пластинка Колтрейна... Мы все это осваивали и изучали с энтузиазмом и в то время играли в «Печоре» музыку такого типа, уже отказываясь почти от всех традиционных элементов джаза, от ритма там, от квадрата, от гармонии и лада. Мировая джазовая культура так уже высоко поднялась в своем искусстве, что... однажды я с ужасом понял, что мы пришли к логическому концу, что дальше развиваться уже некуда и джаз перестал быть тем, чем он был... Этот кризис у меня еще совпал с личным потрясением. Саксофон украли.

АКСЕНОВ. Когда это было?

КОЗЛОВ. В 1970-м. Это меня просто подкосило тогда.

АКСЕНОВ. И это совпало с твоим творческим кризисом? Не то слово? Разочарование? Упадок? Скажи, что испытывает музыкант, когда теряет свой инструмент?

КОЗЛОВ. Ощущение какой-то сногшибательной нелепости... Это ведь не просто вещь потерять. У тебя

АКСЕНОВ. Вроде бы ты вдруг ослеп, оглох, онемел, да?

АКСЕНОВ. Он, может быть, даже немного враждебен тебе?

Какова моя задача? Я должен выйти на сцену и воздействовать на слушателя своим желанием играть и своим чувством музыки, жизни, мира, тем, что идет лишь из меня, а саксофон мне просто помогает. Это основное, собственно, этому я и учу наших ребят. Передать публике свое наслаждение музыкой. Оркестр сродни факиру, который показывает толпе воображаемое дерево.

КОЗЛОВ. Лишь иногда. Малейший неясный сдвиг настроения, и «момент истины» улетучивается. А публика чувствует это прекрасно, причем любая, и не только специалисты-эстеты, но и обычная публика. Во всех этих смыслах кража саксофона, конечно, ужасное дело... просто ужасное дело... У тебя такое бывало?

КОЗЛОВ. Да, в те годы мне надоело играть. Годы два я играл без всякого желания.

Я подумал, что, сколько бы раз ни встречал этого человека в прошлые годы, всякий раз удивлялся преобразению—скромняга Козлов, взяв в руки саксофон, исторгает водопад неистовых звуков.

В этом же году на фестивале в «Ударнике» я вывел немного странный состав, похожий на камерный оркестр: скрипка, виолончель, контрабас... И сам играл на сакс-альте за альт струнный. Написал тогда несколько псевдострунных пьес. Любительской традиционного джаза эта музыка шокировала, они говорили, что джаза здесь нет, но хотя, и правда, джазом там почти не пахло, но это было в джазовом контексте, вот что важно — джазовый контекст. Как ни странно, это был мой первый шаг к джаз-року, ибо эта современная музыка характерна как раз тем, что в ней можно использовать все, что угодно, если это завязано единым контекстом и задачей. Я вдруг понял, что все мои скачки с одного стиля на другой, чем меня даже попрекали некоторые друзья, теперь мне могут пригодиться для работы в современном джаз-роке.

Следующий шаг был в джаз-студии Дворца культуры «Замоскворечье», где я вел класс саксофона. Там я стал собирать энтузиастов. Стал слушать молодых, совсем молодых, двадцатилетних ребят. Именно там я и отыскал костяк нашего оркестра. Я увидел, что там есть музыканты, которые тянутся уже к более сложной музыке и отчасти к джазу. Многие из них отпали, но тем не менее вот даже нынешний состав — из этих же молодых ребят. Сейчас-то у меня играют все профессионалы, окончили Институт имени Гнесиных или консерваторию, но все они начинали в самостоятельных бит-группах.

АКСЕНОВ. Я помню, у тебя с самого начала играли несколько юношей из консерватории, в частности Вадим Ахметгареев.

Я помню, в старые времена среди джазменов, которые не гнушались халтурой, всегда существовало стремление учиться, все понимали, как далеко нам до эталонов. Сейчас масса молодых рок-музыкантов теешится каким-то дурацким самообманом. Едва научился парень дергать струны, и он уже бог, за него пока что «квакушка» играет, фуз и все эти дела, а он уже думает, что он великий музыкант. Его не переубедишь, ездит с дружками на танцы, зарабатывает хорошие деньги (нам такие и не снились) и... обрубает себе будущее: он никогда уже не поднимется при таком отношении к делу.

АКСЕНОВ. Скажи, как твои старые товарищи, джазовые музыканты, отнеслись к тому, что ты ушел в иные сферы?

АКСЕНОВ. Ну, и каков сейчас ваш репертуар?

КОЗЛОВ. Костяк репертуара — это наши собственные композиции, мои, Игоря Саульского. Конечно, это новая, непривычная музыка, и для того, чтобы публика отдохнула, мы перемежаем ее исторической ретроспективой, блюзами, боссановой.

Между тем приближалось время концерта. Я заметил, что некоторые музыканты уже переоделись. Чрезвычайно странно было видеть на этих парнях вместо обычных джинсов и курток мешковатые концертные костюмы с галстуками-кис-кис.

АКСЕНОВ. Вы бы попросили кого-нибудь из современных художников сделать вам что-нибудь понятнее. Ну, комбинезоны какие-нибудь или...

АКСЕНОВ. У тебя вообще-то на концертах довольно много разговорного жанра?

АКСЕНОВ. Еще один сложный вопрос. Считаешь ли ты, что ваш ансамбль развивается в общем потоке мирового джаз-рока или он как-то выделяется как некий особый, русский? Про джаз мы выяснили, что это все-таки музыка американская, а вот джаз-рок — форма более емкая, более гибкая, здесь возможно более свободное внедрение фольклорных мотивов, да? В таком случае к чему следует стремиться — к интернационализации или к национальной ориентации?

КОЗЛОВ. В чистом виде ни к тому, ни к другому. Я страшно боюсь «кляквы», я ее очень, знаешь ли, чувствую, может быть, потому, что я очень национальный по корням человек... Знаешь, недавно читал одну книгу Стравинского. Он выражает,

Наш оркестр еще очень молод, всего год мы существуем как филармонический коллектив, но, мне кажется, мы понимаем наши задачи. Мы хотим использовать весь арсенал средств, накопленный в мире, для того, чтобы выразить свою самобытность.

Кроме того, понимаешь ли, в джазе с самых ранних времен вплоть до нынешних форм существует такое творческое понятие, как акт игры. Джазовая пьеса, скажем, «Сент-Луис» — это каждый раз новое произведение в зависимости от состава исполнителей, их настроения. Таким образом, если ты уже овладел всеми средствами своего искусства, ты всякий раз можешь сказать, что у тебя на душе, и в самом процессе высказывания выяснится, что ты человек, живущий на этой земле и никто иной.

АКСЕНОВ. Ты сказал, что вы только год существуете, но я вас слышал еще четыре года назад на Таганке.

КОЗЛОВ. Вот уже год мы филармонический ста-
бильный коллектив и дома почти не бываем.

АКСЕНОВ Где вы играете и кто приходит?

КОЗЛОВ. Мы играли в Калининграде, Риге, Минске, Вышнем Волочке, Саратове, Туле, Ярославле, Владимире, Пскове, Вологде... Любопытно, что в больших и в маленьких городах публика принимает джаз-рок с одинаковым энтузиазмом. В джазе было не так. Там существовала замкнутая элита ценителей. Мы поначалу старались как-то варьировать, упрощать программу, приспособляясь к разным условиям, но потом поняли, что это напрасное дело и что везде наша публика достаточно ориентированная. И это нас очень вдохновляет.

АКСЕНОВ. Последний серьезный вопрос, Алеша, я приберегу на конец, потому что он литературного характера. Я имею в виду тексты для ваших вокальных номеров. Пожалуй, если покопаться в ваших текстах, мне кажется, можно найти и настоящие удачи. Быть может, даже можно задать себе вопрос: не существует ли новый вид поэзии, текстовая рок-поэзия? Что ты думаешь по этому поводу? Как ты вообще относишься к текстам?

КОЗЛОВ. Это один из самых сложных и не решенных для нас вопросов. Мы пока только лишь ищем в этом направлении.

Видишь ли, ты сам говорил: в основном в рок-музыке тексты идут как повод для музицирования. Сложная метафорическая поэзия при исполнении теряет почти все, да и музыки мало что дает. Мы пытаемся искать среди сложной поэзии, но всякий раз сталкиваемся с той же проблемой. Происходит чисто технологическое несоответствие. А между тем есть большая потребность в текстах, особенно философского или патристического характера.

АКСЕНОВ. Я как-то слышал, вы пели текст Случайного...

КОЗЛОВ. Да, это еще была одна попытка. Между прочим, русский язык вообще труден для музыкального синкопирования, но все-таки здесь можно найти ключ.

АКСЕНОВ. Быть может, попробовать заказывать тексты?

КОЗЛОВ. Быть может, это самый лучший путь. Андрей Вознесенский обещал поработать с нами, это был бы замечательный эксперимент, если бы он состоялся...

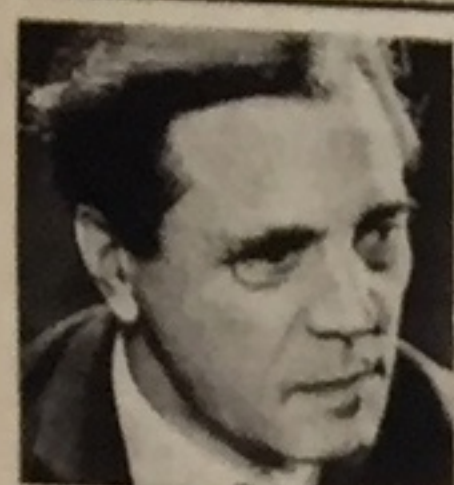
В это время прозвучал третий звонок. И вот они стоят на сцене—десять парней в кургузых сюртуках. Начинается концерт—композиция Алексея Козлова «Опасная игра». Солист с саксофоном—в классической позе. Импровизация.

Мне, сидящему за сценой, вновь вспоминается кафе «Ритм» на Миусской, такое же мощное давление, трудно передаваемый экстаз, но солис обрывает свою игру там, где он в прежние времена только бы начал.

Продолжают работать инструменты Игоря Саульского, гитары, барабаны, трубы, трюны, голоса солистов — «Арсенал» начинается концерт.

По лицу Козлова проплывают пятна эстра-
ного жеста. Что ж, он жертвует собой ради
своего же собственного детища, а значит, выи-
рывает...

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1978 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

Виктору АСТАФЬЕВУ — за повесть «Соевые конфеты» (№№ 2—3);

Татьяне АЧИРГИНОЙ — за подборку стихов (№ 18);

Георгию БАЖЕНОВУ — за очерки «Ищу друга» (№ 7), «Родословная семерых» (№ 19);

Юрию ДАВЫДОВУ — за очерк «Смелый, до безумия смелый» (№№ 13, 15);

Борису ДАНОШЕВСКОМУ — за «Письма из райкома» (№№ 13, 16, 18);

Валерию ЕВСЕЕВУ — за очерки «На перекрестке трех дорог» (№ 1), «Хабаровы из Хабаровска» (№ 18);

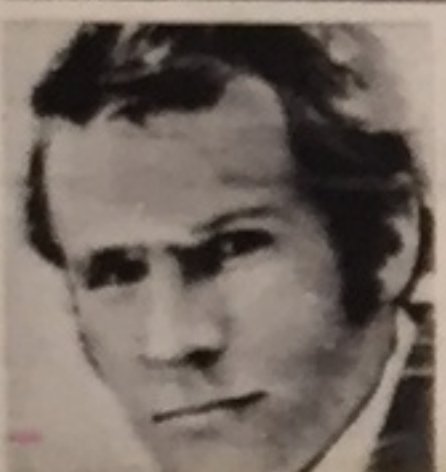
Юлии ИВАНОВОЙ — за рассказы «Голубая насыпь», «Фасоля», «Люська», «Велосипед» (№ 1);

Георгию КОПЫТИНУ — за рассказ «Алеурская поездка» (№ 17);

Алексею КОЧУПАЛОВУ — за иллюстрации к «Слову о полку Игореве» (№ 24);

Валерию КРАСНОВУ — за статью «Рейд без компромиссов» (№ 6);

Александру КУЖНО — за стихи и рассказ «Откуда аз емь» (№ 21);

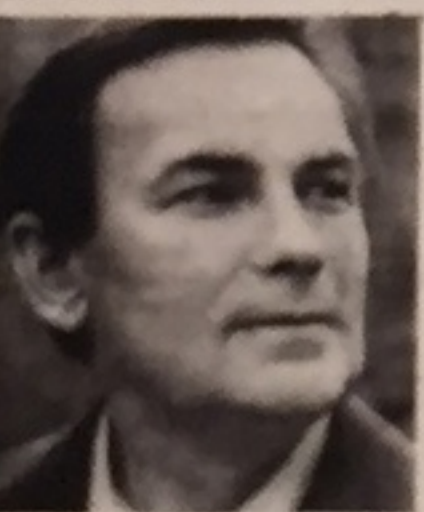
Геннадию НОВОЖИЛОВУ — за иллюстрации к литературным произведениям (№№ 2, 3, 13, 15) и портрет Одоевского (№ 23);

Сергею ПЕТРУХИНУ — за фотоочерки «Хранить вечно» (№ 2); «Курс на Камчатку» и «С любовью о Чукотке» (№ 18);

Виктору ПОТАНИНУ — за рассказ «Капли теплого дождя» (№ 23);

Станиславу РОМАНОВСКОМУ — за рассказ «Набережная Блока» (№ 13);

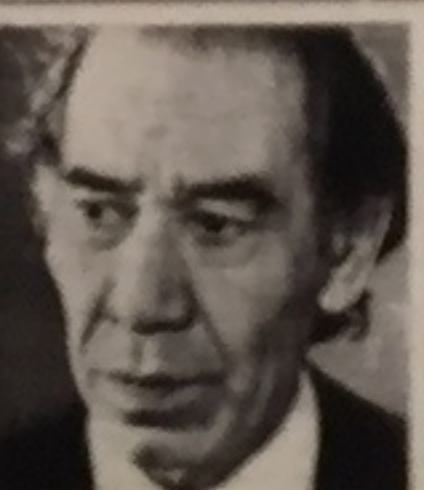
Игору СЕРКОВУ — за статьи «Есть такая должность» (№ 10); «Средь шумного зала» (№ 24);

Виктору ТИХОНОВУ — за статью «Старт без финиша» (№ 20);

Вячеславу ШУГАЕВУ — за статью «Мои комиссары» (№ 8);

ШУКУРЛЛО — за поэму «Свет» (№ 12);

Любу УСПЕНСКОЙ — за «Письмо читателю» (№ 1) и рассказ «Ночь в Каликивках» (№ 19);

Вячеславу АКСЕНОВУ — за записки группомсорга «Путь длиною в четыре года» (№ 8);

ЧЕМПИОНКЕ МИРА — ВСЕГО 17!

История женских шахматных состязаний на мировое первенство ведет свое начало с 1927 года, когда «родилась» первая чемпионка мира Вера Менчик. Уроженка Москвы, чешка по национальности, эта даровитая шахматистка с честью носила почетный титул вплоть до своей трагической гибели в 1944 году в Лондоне от взрыва фашистского самолета-снаряда.

В дальнейшем, с 1950 года, чемпионками планеты становились только наши, советские шахматистки. Сперва ленинградка Людмила Руденко, москвички Елизавета Быкова и Ольга Рубцова. Затем, с 1962 года, Нона Гаприндашвили из Грузии, а минувшей осенью ее соотечественница 17-летняя Майя Чибурдадзе.

Талантливую и юную обладательницу мировой шахматной короны, которая выиграла матч у своей предшественницы со счетом 8,5:6,5, отличают хорошая теоретическая подготовка, искусное маневрирование, высокая техника ведения атаки и завидная цепкость в защите.

Думается, что читателям «Смены» понравятся нижеприведенные творческие примеры, характерные для игрового почерка Майи.

Перед вами позиция, сложившаяся после 20-го хода белых в четвертой партии недавнего матча Чибурдадзе — Гаприндашвили. Смелым кавалерийским прыжком новая чемпионка, игравшая черными, захватывает инициативу.

20. Кa6—b4! 21. Cc3: b4 e5: b4 22. Лf1—e1.

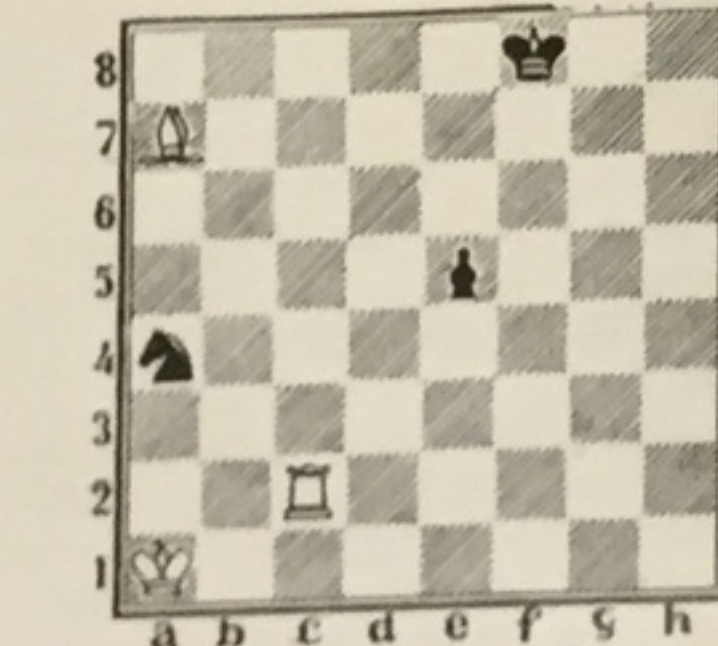
К явному преимуществу черных повело бы также продолжение 22. Ф: b4 К: e4 23. Лf1: Фc6 24. de Л: d1 25. Л: d1 Ф: e4 и т. д.

22... Кf6—d7! 23. Фb3—c2 Кd7—c5 24. b2—b3 a7—a6 25. Кh4—f3 b6—b5 26. a4: b5 a6: b5 27. Кc4—e3 Кc5—a4!

Давление черных фигур белым нечего противопоставить. Их попытка ценою качества получить встречные шансы точно парируется соперницей.

28. Фc2—a2 Кa4—c3 29. Фa2—a5 Кc3: d1 30. Лf1: d1 Фe6: b3 31. Фa5: b5 Лc8—c3! 32. Фb5—b7 Лc3: d3 33. Лd1: d3 Лd8: d3 34. Кa3—d5 Лd3: f3, и белым, ввиду просрочки времени, отведенного на обдумывание, был зафиксирован проигрыш.

Здесь на диаграмме вы видите ситуацию, возникшую после 25-го хода черных в девятой партии того же матча. На этот раз Майя играла белыми и проявила похвальную тактическую изобретательность. Она продолжает наступательные действия на ферзевом фланге, а решающий удар наносит на противоположном участке поля «белым».

26. b3—b4 e7—e6 27. Kd5—b6 e5—e4.

Не сложная, но коварная ловушка 28. Ф: e4? Л: b6! оставила бы черных без фигуры, но игре юной чемпионки присуща столь необходимая в шахматной борьбе бдительность.

28. Фd3—d2! Кc8: b6 29. c5: b6 Cg7—c3 30. Фd2—d7 Лc6: b6 31. Ce3: b6 Фb7: b6 32. a2—a3 Cc3—e5.

И в этом поединке Нона пыталась жертвой качества поправить дела. За два хода до этого она заметила, что в случае 30... Ф: d7 31. Л: d7 C: b4 32. b7 Cd6 33. Лd1! Cc7 34. Ca7 наладить оборону не представлялось бы возможным. Но в этот момент черные обнаружили, что намеченный ими маневр 32... Cb2 сразу опровергается посредством 33. Лd8!

33. Kph2—g2 e4—e3 34. Фd3: e3 Фb6: e3 35. Фd7—d3 Фe3—e5 36. Лf1—f3 Лf8—c8 37. Лd8: d2 Kpg8—g7.

Следует изящная комбинация, заканчивающаяся матом.

38. Лf3: f7+ Kpg7—h6 39. h3—h4! и черные сложили «партию».

КОНКУРС МИНИАТЮР (Окончание. Начало см. в №№ 18, 19, 20, 21 и 22)

ШЕСТОЙ ТУР I

Обратный мат в тринадцать ходов.

II

Кооперативный мат в пять ходов.

Запомните, пожалуйста, что решение каждой из этих конкурсных задач приводится на отдельной открытке, причем только в шахматной нотации без каких-либо комментариев. На лицевой стороне почтовой карточки слева сверху делается пометка «Конкурс миниатюр, шестой тур», а на обороте (над решением) проставляется конкурсный номер участника.

Свои письма на шестой, заключительный раздел нужно посылать в наш адрес с 21 по 31 января 1979 года.

УМЕРЕННО.

ВОЛШЕБНИК

Стихи Леонида ДЕРБЕНЕВА.
Музыка Александра ЗАЦЕПИНА.

Вычислить путь звезды,
И развести сады,
И укротить тайфун —
Все может магия.

Есть у меня диплом,
Только вот дело в том,
Что всемогущий маг
Лишь на бумаге я.

Припев:
Даром преподаватели
Время со мною тратили,
Даром со мною мучился

Самый искусный маг.
Да-да-да!
Мудрых преподавателей,
Слушал я невнимательно,
Все, что ни задавали мне,
Делал я кое-как.

Сделать хотел грозу,
А получил козу,
Розовую козу
С желтою полосой.

Вместо хвоста — нога,
А на ноге — рога.

Я не хотел бы вновь
Встретиться с той козой.

Припев.

Сделать хотел уют,
Слон получился вдруг,
Крылья, как у пчелы,
Вместо ушей — цветы.
Ночью мне снится сон —
Плачут коза и слон,
Плачут и говорят:
«Что с нами сделал ты?!»

Припев.

КРОССВОРД

Составил Ф. ШИПОВ,
Москва

По горизонтали:

4. Вид воздушного спорта. 7. Поэтическая строфа. 10. Рассказ А. П. Чехова. 12. Город во Владимирской области. 14. Стол для обработки дерева, металла. 16. Годичный период обучения в вузе. 17. Геометрическая фигура. 18. Лесная птица отряда куриных. 19. Порт и курорт на юге Италии. 20. Приток Волги. 22. Перелетная птица семейства вороньих. 23. Художественный прием в литературе, искусстве. 26. Летчица, Герой Советского Союза. 27. Роман Э. Золя. 28. Раздел языкознания. 29. Луковичное декоративное растение, цветок.

По вертикали:

1. Неизменяемая часть речи. 2. Ежемесячный журнал, основанный М. Горьким. 3. Определенный порядок действий, процессов. 5. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Лес». 6. Управление самолетом, дирижаблем. 8. Часть слова. 9. Специалист по изучению и описанию рек, озер. 11. Стихотворение В. Маяковского. 13. Сельскохозяйственная уборочная машина. 14. Русская народная песня. 15. Птица, ценная дичь. 21. Коренной житель определенной местности, города. 24. Сорт сахара. 25. Народный духовой инструмент.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 23

По горизонтали:

6. Муниципалитет. 7. Карнавал. 9. Стрельба. 11. Орешник. 12. Лисипп. 14. Кремль. 15. Финик. 17. Скафандр. 18. Биосфера. 20. Анапа. 23. Ангола. 24. Пиастр. 25. Громова. 27. Канберра. 28. Баклажан. 29. Консерватория.

По вертикали:

1. Амуниция. 2. Фигаро. 3. Опекушин. 4. Чистик. 5. Птоломей. 8. Архитектоника. 10. Беллетристика. 13. Пятница. 14. Конотоп. 15. Фирма. 16. Кобра. 19. Голубика. 21. Ахматова. 22. Баграмян. 25. Гернси. 26. Арагон.

Юрий УСТИНОВ.
Фото автора.

ТАМ, ГДЕ НОВЫЙ ГОД НЕ КОНЧАЕТСЯ

С НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЕН СУЩЕСТВУЕТ ТРАДИЦИЯ ПРАЗДНИЧНО УКРАШАТЬ НОВОГОДНЮЮ ЕЛКУ

вают из лавсановой пленки. Ее металлизуют тем же способом, что и стеклянные игрушки, а затем покрывают разноцветными лаками. Гирлянды из лавсана выглядят нарядней, они не мнутся и не теряют блеска.

— А в этом цехе игрушки «одевают», — шутит Юрий Борисович.

Чудно было видеть дедов-морозов без глаз и бровей, без традиционного красного носа. Многих зверюшек трудно было узнать. Да и обычным шарам — красным, голубым, зеленым — еще надо было пройти через руки разрисовщиц, чтобы стать елочными игрушками. Легкое движение кистью, и на шарах появляются то веточка рябины, то брызги искрящихся звезд, то фантастические цветы. Затем Анна Крюкова наносит из «фунтика», как это делают кулинары, украшая кремом свои изделия, сов-

сем невзрачный на вид светосостав. Теперь красивые шары на новогодней елке будут загадочно светиться в темноте.

В цехе разрисовки царит праздничная атмосфера. Кругом искрятся всеми цветами радуги многочисленные игрушки и гирлянды. Кажется, что отсюда праздник Нового года никогда не уходит.

ЗА ГОД МОСКОВСКИЙ ЗАВОД ЕЛОЧНЫХ УКРАШЕНИЙ ВЫПУСКАЕТ СЫШЕ 40 МИЛЛИОНОВ ИГРУШЕК.

...Дрожит раскаленный воздух. В сумраке мерцают голубые языки пламени, с ворчанием вырываясь из форсунок. Их таинственный свет выхватывает из темноты чуткие руки мастера. Он быстро вращает над огнем стеклянную трубку. Вот стекло раскалилось и живой массой колыхается над огнем, еще секунда промедления — и оно упадет расплавленной каплей, но как по волшебству капля превращается в шар. Опять огонь... неуловимое движение, и шар превращается в витой конус. Снова огонь обхватывает тонкое стекло, и снова появляется рядом с конусом большой шар...

Нет, мы не в лаборатории средневекового алхимика, а в стеклодувном цехе Московского завода елочных украшений, где в руках замечательных мастеров рождаются хрупкие игрушки.

ВАКУУМНАЯ УСТАНОВКА ЗА 15 МИНУТ «СЕРЕБРИТ» ОКОЛО 500 ИГРУШЕК.

С незапамятных времен существует праздник новогодней елки. Наши предки-язычники, поклоняясь богу огня — Сварогу, сжигали в его честь ель и просили в новом году удачной охоты, хорошего урожая и исполнения всех желаний. С распространением на Руси христианства языческие обряды стали жестоко притесняться, но люди тайно приносили в свои жилища небольшие елочки. Конечно, в доме елку не сожжешь, а нарядить можно. С тех пор и украшают новогодние елки яркими игрушками.

— Сложным и вредным было раньше производство елочных украшений, — рассказывает художник завода Юрий Борисович Макеев. — «Приготовь амальгаму из сплава свинца, олова и висмута, раствори в ртути, а затем по капельке вдувай амальгаму в тонкостенный шар, ко-

торый при этом поворачивай...» — так гласит один из древних рецептов изготовления «серебряного шара».

А сейчас только одна вакуумная установка за пятнадцать минут «серебрит» около пятисот игрушек. Галя Клочкова закрыла герметичный люк с иллюминатором и включила установку. Барабан-кассета с прозрачными игрушками стал медленно вращаться в камере. Как только создается вакуум, на испаритель, где закреплены кусочки алюминия, автоматически будет подан ток высокого напряжения. Алюминий распадется на мельчайшие частицы и осядет на поверхность изделий тонкой металлической пленкой.

Раньше после каждого Нового года оставались обрывки помятой мишуры, которую делали из металлической фольги. Теперь гирлянды нави-

В течение года завод выпускает свыше сорока миллионов игрушек, от самых маленьких — с ноготок, для елок-малюток, до огромных, которые специально создаются на заводе для новогодних праздников во Дворце съездов, Лужниках, на городских площадях. Ежегодно художники разрабатывают более двадцати видов новых изделий, многим из них присвоен государственный Знак качества.

Весь год коллектив завода вкладывает всю свою любовь и мастерство в эти хрупкие изделия, чтобы подарить людям веселье и радость к празднику Нового года.